

ПОЛИТИКА У ШИМПАНЗЕ

Власть и секс у приматов

Франс де Валь

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

ПОЛИТИКА У ШИМПАНЗЕ

Власть и секс у приматов

Франс де Валь

СЕРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ТЕОРИЯ

ВЫСШАЯ

ШКОЛА

ЭКОНОМИКИ

Франс де Валь

**Политика у шимпанзе: Власть и секс у
приматов**

Посвящается Яну ван Хоффу

И вот, на первое место я ставлю как общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью.

Томас Гоббс, 1651 г.

CHIMPANZEE POLITICS

Power and Sex among Apes

FRANS DE WAAL

25th anniversary edition

The Johns Hopkins University Press

© 1982, 1989, 1998, 2007 Frans de Waal All rights reserved. Published by arrangement with The John Hopkins University Press, Baltimore, Maryland

Перевод с английского ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА

На обложке – статуйка обезьяны на храме в Убуде, Бали (Лес обезьян – Monkey Forest).

Предисловие к 25-му юбилейному изданию

Книга может выдержать множество переизданий за четверть века только в том случае, если она посвящена теме, неизменно притягивающей к себе читателей. Политика и есть такая тема. Мы с головой погружены в политику, поэтому сразу же распознаем любые связанные с ней махинации – даже за пределами собственно человеческих дел. Если придерживаться предложенной Гарольдом Ласвеллом знаменитой дефиниции политики как социального процесса, определяющего «кто, что, когда и как получает», вряд ли можно сомневаться в том, что шимпанзе занимаются ею. Поскольку и у нас, и у наших ближайших родственников этот процесс предполагает устрашение, создание коалиций и тактики изоляции, общая терминология вполне оправданна.

Некоторые считают, что аргументы, предлагаемые в книге вроде этой, принижают политиков-людей, тогда как другие считают, что они возвышают обезьян. Возможно, у нас есть все причины попытаться сбить спесь с политиков-людей, особенно когда они ведут себя так, словно весь мир принадлежит только им. «Политика у шимпанзе» действительно использовалась с этой целью. Например, издатель французского перевода этой книги разместил на обложке изображения Франсуа Миттерана и Жака Ширака с обезьяной между ними! Я лично не считаю это забавным. Используя обезьян, чтобы посмеяться над людьми, мы на самом деле говорим, что обезьян не стоит принимать всерьез, тогда как я пытаюсь подвести к прямо противоположной идее. Мне больше интересен другой аспект, а именно: поведение наших ближайших родственников указывает нам на важные составляющие человеческой природы. Даже если не брать политические маневры, шимпанзе демонстрируют множество форм поведения, близких поведению человека, начиная с технологий создания различных орудий и заканчивая войной между разными сообществами. В действительности наше место среди приматов все больше определяется на фоне таких существенных сходств.

Столетие открытий

С тех самых пор как Платон попытался определить человека как единственное одновременно бесперое и двуногое животное, но был тут же опровергнут Диогеном, который в качестве подтверждения своей мысли представил аудитории ощипанного цыпленка, человечество прилагало немало сил, чтобы найти окончательное доказательство своей уникальности. Например, некогда создание орудий казалось настолько выдающимся качеством, что даже вышла книга под названием «Человек – творец орудий». Это определение продержалось лишь до тех пор, пока не было открыто, что дикие шимпанзе извлекают термитов из термитников при помощи веток, видоизмененных специально для этой задачи. Другие связывали уникальность человека с языком, определяемым в качестве символической коммуникации. Но как только лингвисты услышали об обезьянах, которые выучили «американский язык знаков», они отказались от символов как критерия и стали больше напирать на синтаксис. Особое место человечества в мироздании – это место претензий, от которых пришлось отказаться, и постоянно меняющихся определений того, что значит быть человеком.

Чем больше мы узнаем об обезьянах, тем больше они кажутся похожими на нас именно в той мере, в какой это обусловлено их генетическим материалом. Знания об их поведении накапливались горсткой лабораторных исследователей с начала прошлого века. Вольфганг

Кёлер описал, как шимпанзе, если у них были ящики и палки, пытаются достать высоко подвешенные бананы, обычно какое-то время просто сидели, прежде чем к ним внезапно приходило решение: мгновенное озарение, которое исследователи в этой области знаний до сих пор называют «моментом Кёлера». Роберт Йеркс документировал темперамент обезьян, тогда как Надежда Ладыгина-Котс пошла по стопам Дарвина и предоставила подробное сравнительное описание мимики молодого шимпанзе, содержавшегося в Москве у нее дома, и ее собственного сына.

Люди наблюдали за шимпанзе и в естественной среде обитания, однако в те времена работа в природных условиях не пользовалась большой популярностью и считалась ненаучной: только лабораторные исследования обеспечивали уровень контроля, необходимый для науки. Напряжение между двумя этими подходами сохраняется и сегодня, хотя история исследований шимпанзе служит наглядным подтверждением результативности перекрестного опыления лаборатории и поля. Следующий толчок исследования получили в 1930-х годах, когда кратковременные экспедиции (вроде трехмесячного пребывания Генри Ниссена в Гвинее, позволившего задокументировать пищевые привычки обезьян) стали первыми серьезными попытками изучения шимпанзе в дикой природе. Но только в 1960-х годах были запущены два долгосрочных пионерских проекта. На восточном берегу озера Танганьика (в Танзании) Джейн Гудолл разбила лагерь в заповеднике в Гомбе-Стрим, а Тошисада Нишида сделал то же самое в Махали-Маунтинс в 170 километрах к югу.

Эти полевые исследования опровергли представление о шимпанзе как мирных вегетарианцах и позволили приподнять завесу над поразительной сложностью их социальной жизни. Считалось, что среди приматов потребление мяса встречается только у людей, но у исследователей появились свидетельства того, что некоторые шимпанзе ловили мелких обезьян, разрывали на части и тут же поедали. И если первоначально считалось, что у шимпанзе нет социальных связей за исключением уз, существующих между матерью и потомством, полевые исследователи выяснили, что все особи на определенном участке леса обычно регулярно встречались, образуя одну социальную группу. Напротив, взаимодействия с особями из соседних областей, если и случались, обычно оказывались враждебными. Ученые начали говорить о «сообществах», чтобы не использовать термин «группа», поскольку крупные скопления шимпанзе наблюдались редко: они разбиваются на постоянно меняющиеся небольшие «партии», которые бродят по лесу, – эта система известна под названием «объединение-расщепление».

От еще одной претензии на уникальность людям пришлось отказаться, когда открыли, что мы – не единственные приматы, убивающие себе подобных. Сообщения о драках за территорию со смертельным исходом между сообществами шимпанзе сильно повлияли на послевоенные споры о корнях человеческой агрессии.

В 1970-х годах прошла вторая волна важных исследований шимпанзе, на этот раз в условиях неволи. Эти исследования сблизили их с человеком в когнитивном отношении так, как никто не мог даже себе представить. Гордон Галлап показал, что большие человекообразные обезьяны узнают себя в зеркале, что указывает на определенный уровень самосознания, который отделяет людей и антропоидов от всех остальных приматов. Эмиль Мензел провел эксперименты, в которых обезьяна, зная, где был спрятан определенный предмет, выпускалась вместе с другими обезьянами, не имевшими такого знания. Его опыты показали, как обезьяны узнают друг у друга нечто, а также как они друг друга обманывают. Примерно в то же самое время одна из крупнейших в мире колоний обезьян, живущих под открытым небом, была создана в зоопарке Арнема в Нидерландах, где я и начал свои наблюдения, которые привели к публикации в 1982 г. «Политики у шимпанзе».

Историописание

В 1979–1980 гг. только начиная работать над «Политикой у шимпанзе», я был молодым ученым, которому едва исполнилось тридцать лет, и терять мне особо было нечего. По крайней мере так я тогда думал. Мне нравилось развивать собственные идеи, сколь бы спорными они ни были. Следует также помнить о том, что в те времена едва ли можно было соединить в одном предложении слова «животные» и «когнитивные процессы», не вызвав при этом удивленных взглядов. Большинство моих коллег сторонились любых предположений о наличии намерений или эмоций у животных, опасаясь обвинений в антропоморфизме. Не то чтобы все они отказывали животным в праве на внутреннюю жизнь, но они придерживались бихевиористской догмы, утверждавшей, что, поскольку нам неизвестно, что думают и чувствуют животные, нет смысла об этом говорить. Я все еще помню, как часами простаивал у металлической ограды пахучего ночлега шимпанзе и держал у уха единственный в здании телефон, по которому говорил с моим профессором Яном ван Хоффом, который, хотя и неизменно поддерживал меня, все же всегда пытался умирить мой пыл, когда я в очередной раз хотел преподнести ему какую-нибудь из своих диких выдумок. Именно в этих моих спорах с Яном я – сначала в шутку – стал называть процессы, происходящие в колонии, «политикой».

Другим важным фактором, оказавшим влияние на эту книгу, стала широкая общественность. Годами я общался с организованными группами посетителей зоопарка, включавшими юристов, домохозяек, студентов университета, психотерапевтов, учащихся полицейской академии, орнитологов-любителей и т. д. Для начинающего популяризатора просто не может быть аудитории лучше. Посетителям зачастую не были интересны некоторые из наиболее острых академических проблем, но на сведения о базовой психологии обезьян, которые я стал считать чем-то само собой разумеющимся, они реагировали с признательностью и восхищением.

Я понял, что единственный способ рассказать свою историю – показать во всех красках личные черты обезьян и уделить больше внимания реальным событиям, а не абстракциям, которыми ученые так гордятся. Мне сильно помог предыдущий опыт. Прежде чем приехать в Арнем, я занимался диссертационным проектом в Университете Утрехта, работая с длиннохвостыми (или яванскими) макаками. В одной из групп моих обезьян самцы поменялись рангом, что стало основанием для моей самой первой научной статьи, опубликованной в 1975 г. под названием «Уязвленный вождь: временное спонтанное изменение в структуре агонистических отношений среди содержащихся в неволе яванских макак». Занимаясь отчетом по этому исследованию, я заметил, насколько бесполезными оказываются обычные для этологов формализованные записи, когда дело доходит до социальной драмы и интриг. Стандартный для нас сбор данных нацелен на категоризации, которые служат подсчету событий. Компьютерные программы сортируют все эти данные, создавая количественно точную сводку случаев агрессии, груминга или какого-либо иного интересующего нас поведения.

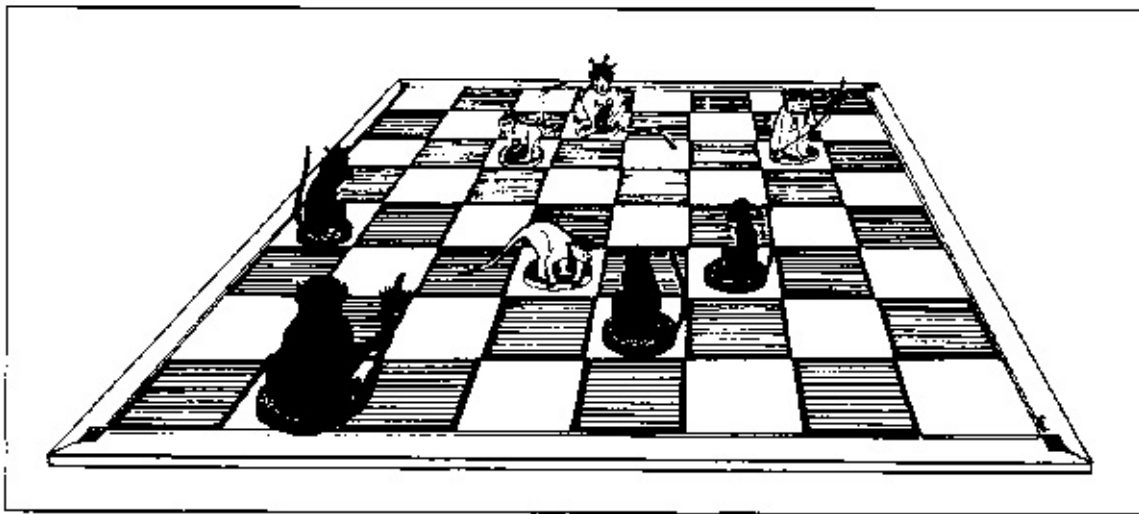

Иллюстрация на обложке диссертации автора (1977 г.), посвященной властным отношениям у обезьян

Элементы, которые невозможно квантифицировать и представить в виде графика, легко можно отбросить как всего лишь «казусы». Казусы – это уникальные события, которые сложно обобщить. Но оправдано ли презрение к ним некоторых ученых? Рассмотрим пример из жизни людей: Боб Вудвард и Карл Бернштейн описывают в своей книге «Последние дни» реакцию Ричарда Никсона на утрату власти: «Рыдая, Никсон продолжал жаловаться... Как простой взлом мог привести ко всему этому?... (Он) упал на колени... вытянулся и ударил кулаком по коврику, громко вскрикнув: “Что я наделал? Что случилось?”»

Никсон стал первым и единственным президентом США, которому пришлось подать в отставку, поэтому вряд ли это может быть чем-то большим, чем казус. Но умаляется ли этим значимость подобного наблюдения? Я должен согласиться с тем, что у редких и странных событий есть значительный недостаток. Как мы увидим, один из моих шимпанзе крайне напоминал Никсона (если исключить речь), когда оказался в похожих обстоятельствах. Из своих прежних исследований я сделал вывод, что для понимания и анализа подобных событий необходим дневник, который рассказывает, как разворачивались события, как в них участвовала каждая особь и что особенного случилось в данной конкретной ситуации в сравнении с предыдущими. Вместо того чтобы просто «подсчитывать» поведение шимпанзе и выводить средние величины, я намеревался включить в свой проект историописание.

Популяризация

Итак, приехав в Арнем, я начал вести дневник. Будучи захвачен и просто очарован работой, я провел тысячи часов на деревянном табурете, наблюдая за островом, – я собирался составить самое подробное из всех имевшихся на тот момент описаний борьбы за власть, будь то животных или людей. И лишь перелопатив все эти объемные заметки, несколько лет спустя я сумел восстановить связи между различными событиями, – тогда и начала обретать форму «Политика у шимпанзе».

Когда книга впервые вышла в свет – в 1982 г., в лондонском издательстве Джонатана Кейпа, – она почти не вызвала нареканий. И в популярных, и в академических рецензиях она скорее приветствовалась, чем критиковалась^[1]. Со временем она даже превратилась в то, что некоторые называли лестным словом «классика». Своим успехом она обязана в высшей степени узнаваемым, но порой удивительным историям из жизни человекообразных обезьян. Теперь,

оглядываясь назад, я могу понять, что ее базовая предпосылка полностью соответствовала *Zeitgeist* 1980-х, когда быстро менялись установки по отношению к животным. Поскольку я работал, не имея, в общем-то, никакого контакта с зарождавшейся в те времена в Америке когнитивной психологией, я не понимал, что был не одинок в своих исследованиях этой новой интеллектуальной территории. Этим обстоятельством иллюстрируется то, что предпринимаемые в науке шаги никогда не бывают совершенно независимыми друг от друга. Поэтому работа Дональда Гриффина «Вопрос о сознании животных» не удивила меня, когда я впервые ее прочитал, так же как «Политика у шимпанзе», очевидно, не удивила большинство приматологов.

«Политика у шимпанзе» была написана с прицелом на широкую аудиторию, однако она нашла путь также и в учебные классы, и к бизнес-консультантам, и даже попала в список литературы, рекомендуемый конгрессменам на первом году их работы. По причине интереса, который не снижался на протяжении всех пятнадцати лет, мы с издательством Университета Джонса Хопкинса решили, что юбилейное издание будет с радостью принято новой аудиторией, желающей разобраться в своих отношениях с обезьянами. Это юбилейное 25-е издание соответствует переработанному изданию 1998 г. и включает несколько фотографий, которых не было в исходной книге; также здесь внесены дополнения в описание некоторых важных персонажей.

Чтобы прояснить выводы, полученные из моего исследования, я люблю использовать параллели с островной биогеографией. Легко понять, что экологическая сложность растет с числом видов растений и животных. На островах, однако, видов бывает обычно меньше, чем на ближайшей континентальной территории. Эта относительная простота островов позволяла натуралистам от Чарльза Дарвина до Эдварда Уилсона разрабатывать идеи, применимые также и к более сложным системам. Точно так же на острове шимпанзе в зоопарке Арнема содержалось ограниченное число обезьян, живущих в условиях, упрощенных по сравнению с экваториальными дождевыми лесами. Если представить, что число игроков-самцов в колонии было бы в три раза выше, как часто бывает в диких сообществах, или что у шимпанзе была бы возможность перемещаться на остров и уходить с него, я вряд ли смог бы осмыслить драму, которая разворачивалась передо мной. Подобно островному биографу, я видел больше, потому что событий было меньше. И все же общие принципы, открытые мной, применимы не только к обезьянам на острове, но и к любым формам борьбы за власть.

Мое желание написать популярную книгу объясняется тем, что мне всегда нравилось читать книги о животных и науке, написанные для широкой аудитории. Литература такого рода гораздо важнее, чем, вероятно, считают многие академические ученые. Именно такие работы притягивают студентов к той или иной области знаний и наделяют последнюю определенным общественным имиджем. После «Политики у шимпанзе» я написал несколько других популярных книг – о бонобо (близких родственниках шимпанзе), о миротворчестве и даже о происхождении морали и культуры. Поскольку я также руковожу работой активной исследовательской команды, в каком-то смысле я веду двойную жизнь. Днем мы занимаемся нашими научными исследованиями, тогда как вечерами и по выходным я пишу свои популярные книги. Они позволяют мне обращаться к более широким вопросам, которые подчас едва ли возможно поднять в научной литературе.

Не только мои глаза были прикованы к драме, разворачивающейся в колонии: внимательно следят и сами обезьяны. Некоторые из них наблюдают, как Никки (задний план, слева) будит Йеруна устрашающей демонстрацией

В «Политике у шимпанзе» я ухожу от прямых сопоставлений с политикой людей, за исключением нескольких случайных сравнений. Например, я не стал указывать на то, что власть старого самца шимпанзе, вроде Йеруна, крайне напоминает власть пожилых государственных деятелей. В каждой стране есть свой Дик Чейни или Тед Кеннеди, которые действуют за кулисами. Такие опытные мужчины стоят над схваткой и эксплуатируют ожесточенную борьбу между более молодыми политиками, приобретая в итоге огромную власть. Также я не провожу явных параллелей между тем, как соперничающие шимпанзе пытаются снискать расположение самок, занимаясь грумингом и щекоча их потомство, и тем, как политики-люди поднимают и целуют детей, что они, как правило, делают только во время избирательных кампаний. Таких параллелей множество, в том числе и в области невербальной коммуникации (важничанье, понижение голоса), но я не стал их специально проводить. Мне они были слишком очевидны, поэтому я рад оставить их читателю.

Результатом является относительно простой рассказ о том, через что прошли обезьяны Арнема, смысл которого не затемняется отсылками к тому, что сделали бы в подобных обстоятельствах люди. Таким образом, на переднем плане находятся именно наши родственники, и мы можем рассмотреть их поведение само по себе. Но любой, кто пожелает оглядеться в своем офисе, в политических кулуарах Вашингтона или же на факультетах университетов, заметит, что социальная динамика во всех этих местах, по сути, является точно такой же. Игры, связанные с прощупыванием противника и вызовом, формирование коалиций,

разрушение чужих коалиций и удары кулаком по столу, которые должны закрепить правоту, – все это может заметить любой наблюдатель. Воля к власти – человеческая универсалия. Наш вид занимается макиавеллиевскими уловками с древнейших времен, вот почему никого не должна удивлять эволюционная связь, выявленная в этой книге.

Благодарности

В определенном смысле, это исследование представляет собой плод сильной этологической традиции Нидерландов. Под ней я имею в виду не спекулятивные сравнения человека и животных, которые исключительно на мой совести, а метод терпеливого наблюдения и тщательных записей. Из всех этологов больше всего на меня повлиял Ян ван Хофф. Я работал с ним в Утрехте четыре года, прежде чем приехать в Арнем в 1975 г. Но и позднее, когда я изучал шимпанзе, я оставался сотрудником руководимого им факультета университета. Следовательно, в этой книге очень мало данных и теоретических проблем, которые я не обсуждал бы с Яном в наших долгих беседах.

С поведением шимпанзе меня познакомили два студента – Ян Бринкёйс и Роб Слагер. Позднее я координировал исследования шимпанзе в Арнеме, работая с несколькими поколениями студентов – примерно по четыре студента в год. Проект вселял в них энтузиазм, и они собирали весьма точные наблюдения.

Автор в 1980 г., когда он писал «Политику у шимпанзе» (фотография Катрин Марин)

Постоянное обсуждение событий в колонии всегда было для меня важным стимулом. Я благодарен Отто Адангу, Дирку Фокема, Агат Фортёйн Дроглевер, Алтьену Гротениусу, Рууд Хармсен, Робу Хендриксу, Янеке Хукстра, Кису Ньивенхёйзену, Рональду Ное, Трикс Пиперс, Мариёке Полдер, Альберту Рамакерс, Ангелине ван Росмален, Клаудии Роскам, Фреду Руоффу и Мариетте ван дер Вель. А также многим другим студентам, которые пришли после меня в Арнем – Йосту Мёленброку, Теду Полдерману, Титии ван Вульфтен Пальте.

Наше исследование проходило под эгидой «Лаборатории сравнительной психологии» Университета Утрехта. Лаборатория обеспечивала нас литературой, анализировала данные, предоставленные студентами, чинила наше оборудование и вообще всячески помогала нам. Поэтому выражаю свою искреннюю благодарность всем ее сотрудникам и Университету, который помог профинансировать наш проект. Студентов и киперов зоопарка Арнема, особенно Джеки Хоммеса (который ухаживал за шимпанзе последние семнадцать лет) я благодарю за то, что они указывают мне на новых или изменившихся особей каждый раз, когда я посещаю колонию. За переработанное издание я благодарен Фрэнку Кирнану, фотографу из Центра

приматов Йеркса, — он поделился своими знаниями и помог распечатать мои негативы двадцатилетней давности.

В отличие от того, как я пишу сейчас — сразу на английском и при помощи текстового процессора, первая версия «Политики у шимпанзе» представляла собой рукопись, написанную карандашом на моем родном нидерландском. Рукопись была переведена настоящим профессионалом — Дженет Милнс. Я благодарен Десмонду Моррису и Тому Машлеру за то, что верили в меня, побуждая писать в популярном стиле, и за то, что помогли мне выйти к международной аудитории, опубликовав книгу на английском языке. Наконец, я хотел бы поблагодарить мою жену, Катрин Марин. Она помогла мне сделать книгу простой и ясной. Катрин также делилась со мной своим опытом в фотографии, не говоря уже о любви и поддержке, которую она и тогда оказывала мне не меньше, чем сейчас.

Кром (слева) и Горилла обыскивают друг друга

Введение

Посетителей зоопарка, похоже, всегда забавляет вид шимпанзе. Ни одно другое животное не вызывает столько смеха. Почему так получается? Правда ли они такие клоуны, или же они смешны из-за внешнего вида? Почти наверняка можно сказать, что нас забавляет именно их вид, поскольку им достаточно пройти или сесть – и мы уже смеемся. Возможно, наше веселье скрывает совершенно другие чувства и является нервной реакцией, вызванной заметным сходством между людьми и шимпанзе. Раньше говорили, что обезьяны – наше зеркало, но нам, видимо, сложно сохранять серьезность при виде отражения.

Не только посетителей восхищают и одновременно нервируют шимпанзе – то же самое можно сказать и об ученых. Чем больше они узнают об этих больших человекообразных обезьянах, тем больше, судя по всему, усугубляется наш кризис идентичности. Сходство между людьми и шимпанзе не только внешнее. Если посмотреть прямо в глаза шимпанзе, мы увидим, что на нас смотрит умная и самоуверенная личность. Если они – животные, то кто же тогда мы?

Сегодня нам известны факты, которые показывают, что разрыв между человеком и животными не так уж велик. Гордон Галлап доказал, что большие человекообразные обезьяны узнают себя в зеркале. Эта форма самосознания, судя по всему, отсутствует у небольших обезьян и других животных, которые считают собственное отражение кем-то другим. Вольфганг Кёлер провел с шимпанзе хитрые тесты, позволившие оценить их интеллект, и пришел к выводу, что они способны решать новые проблемы на основе внезапного осознания связи причины и следствия («ага-решения»). Джейн Гудолл наблюдала, как дикие шимпанзе используют созданные ими орудия. Также проводились наблюдения над тем, как они охотятся, едят мясо, расширяют свою территорию при помощи «военных действий» и даже иногда способны на каннибализм. Наконец, команда, состоящая из супругов Р. Аллена Гарднера и Беатрис Гарднер, смогла научить шимпанзе значительному числу символов (жестам руками), использовавшихся ими для общения, которое удивительно походило на то, как мы используем наш язык. Эти обезьяны рассказали очень многое о своих мыслях и чувствах: разум обезьян стал доступен для нашего вида.

Но сколь бы впечатляющими ни были все эти открытия, отсутствует одно важное промежуточное звено: социальная организация. Есть данные, подтверждающие, что шимпанзе ведут в высшей степени сложную и запутанную социальную жизнь, однако картина пока еще полностью не сложилась. До сих пор исследования в этой области почти всегда проводились с дикими шимпанзе. Эти наблюдения крайне важны, однако в условиях джунглей невозможно проследить социальные процессы во всех деталях. Полевым исследователям, можно сказать, везет, если им вообще удастся регулярно видеть животных. Из тысяч социальных контактов, совершаемых в кустарнике и на деревьях, они заметят лишь несколько. Они, конечно, смогут разглядеть результаты социальных изменений, но причины зачастую так и останутся от них скрытыми.

В настоящее время есть только одно место в мире, где можно провести всеобъемлющее исследование групповой жизни этих восхитительных животных, – это большая, живущая под открытым небом колония шимпанзе в зоопарке Бюргерса в Арнеме. Это исследование продолжается вот уже несколько лет. В настоящей книге представлены полученные нами результаты и доказано то, что мы и так уже предполагали, основываясь на тесной связи между большими человекообразными обезьянами и человеком: социальная организация шимпанзе настолько напоминает человеческую, что в это едва можно поверить. Клоунам мира животных наверняка пришлось бы по вкусу политическая сфера. Обширные отрывки из Макиавелли

кажутся вполне применимыми к поведению шимпанзе. У этих созданий борьба за власть и вытекающий из нее оппортунизм выражены настолько ярко, что однажды один радиореporter попытался подловить меня, задав вопрос: «Кого, по Вашему мнению, можно считать самым явным шимпанзе в нашем сегодняшнем правительстве»^[2]?

Каждый день в газетах приводится изрядная доза политических комментариев. Мы привыкли, что политические процессы представляются нам в четком и обобщенном виде, например так: «Раскол в лагере правительства играет на руку оппозиции» или «Министр ставит себя в невозможное положение». Политические обозреватели обычно не перечисляют многих факторов и инцидентов, которые привели к этой ситуации. Никто не ждет, что они будут подробно излагать все подробности сделанных политических заявлений и все конфиденциальные сведения, которые им удалось получить. В общем и целом, их читатели удовлетворяются общей канвой.

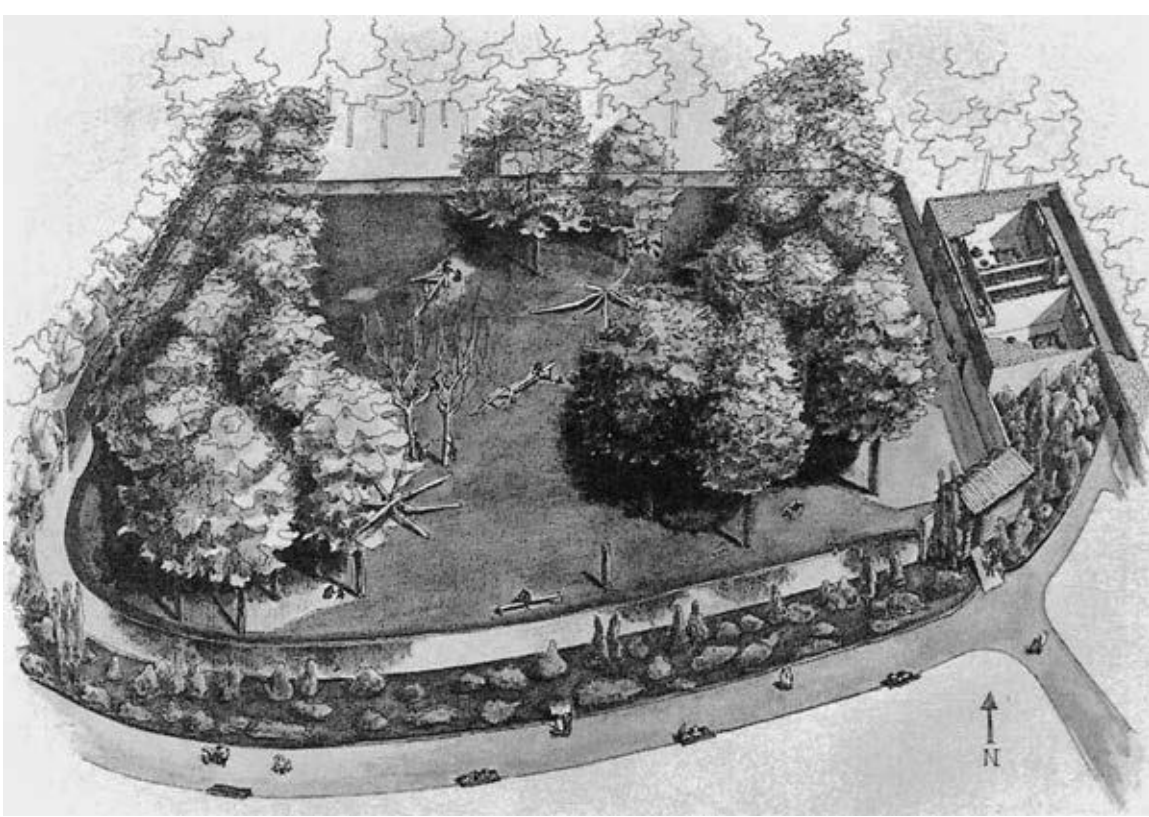
События, свидетелем которым я стал в Арнеме, можно резюмировать точно так же. И это, конечно, был бы самый простой способ рассказать о них, однако картина, которую мне в таком случае удалось бы набросать, была бы неубедительной. К моим интерпретациям обязательно отнеслись бы с большим подозрением, чем к толкованиям политического обозревателя. Ведь уже само слово «политика» вызывает сомнение, если речь идет о животных.

Вот почему я должен приближаться к теме шаг за шагом, начав в данном введении с общей картины, показывающей, в чем заключается коммуникация шимпанзе. Затем в первой главе дается краткое описание характеров членов группы. В последующих главах рассказывается о различных притязаниях на власть, с которыми мы сталкивались на протяжении шести лет, когда работали над проектом, и о том, как изменения в рангах влияют на сексуальные привилегии. В конце я обсуждаю некоторые общие механизмы, поддерживающие социальное взаимодействие, — в частности взаимность, стратегический интеллект и тройственную осведомленность, указывая при этом, насколько они похожи на человеческие механизмы.

Первые впечатления

Попав за ворота зоопарка Арнема, посетители направляются по самой старой и самой широкой дороге в парке. Они проходят мимо попугаев, пеликанов и фламинго, которые находятся слева, а также расположенных справа попугайчиков, сов и фазанов. На полдороге за какофонией птичьего гвалта они начинают слышать более резкие крики. Это вопли шимпанзе, которые находятся в своем большом открытом вольере, расположенном в конце этой аллеи.

Дойдя до этого места, посетители, возможно, будут разочарованы, поскольку обнаруживается, что до обезьян еще около 20 метров — эта дистанция не позволяет публике кормить их. Если посетители хотят посмотреть на животных с более близкого расстояния, им надо подняться на смотровую площадку. Скрывшись за непробиваемым стеклом (шимпанзе бросают в зрителей камнями), они могут насладиться великолепным видом всего открытого вольера, занимающего почти гектар. Он окружен широким рвом, заполненным водой. Раньше эта территория была частью большого леса, и на острове еще осталось около пятидесяти дубов и буков, большинство из которых защищены электрическими ограждениями, защищающими деревья от разрушительных привычек обитателей острова. Некоторые дубы были оставлены без защиты, теперь их видно в самом центре вольера — они полностью ободраны. Эти мертвые дубы играют большую роль в жизни группы. Серьезные агрессивные стычки всегда заканчиваются на вершине этих деревьев, которые предоставляют множество возможностей убежать от противника.

Сверху: общий план экспозиции шимпанзе в зоопарке Арнема. Справа находится здание со спальнями и зимними помещениями. Слева – стена, которую шимпанзе однажды преодолели. Рисунок Бонни Виллемс. Снизу: часть открытого вольера с мертвыми дубами посередине

Некоторым посетителям, очевидно, еще надо привыкнуть к новой, почти естественной структуре этой территории. Возможность покормить обезьян, притронуться к ним или спровоцировать была сведена почти к нулю. Единственное, что посетители могут делать, – это стоять и смотреть. Однако значительное преимущество в том, что здесь можно увидеть намного больше, чем в классических обезьянниках, где от двух до четырех шимпанзе обычно делят тесную и неинтересную клетку. В подобных унижительных условиях обезьяны часто попросту

лежат и тоскливо мастурбируют, ходят взад-вперед или ритмично бьют спиной или даже руками по стене своей клетки^[3].

В колонии Арнема посетители с таким поведением не встретятся. Наиболее распространенная здесь социальная деятельность совершенно естественна: это груминг. Несколько обезьян обычно собираются в группы груминга, в которых они ищут друг у друга в шерсти. Этот тщательный труд сопровождается невнятными шлепающими звуками – то и дело партнера по грумингу легонько толкают или сдвигают в новую позу. Желание, с которым обезьяны подчиняются этим указаниям, показывает, насколько шимпанзе любят эту процедуру.

Когда взрослые самки образуют группу груминга, их дети обычно прохаживаются неподалеку, тогда как самые маленькие сидят, надежно прижавшись к животу матери, и наблюдают за всем происходящим вокруг них. Чуть более взрослые дети, кажется, переполнены неисчерпаемой энергией. Играя в пятнашки, они вламываются в самую гущу групп груминга, мешая взрослым обезьянам – запрыгивая на них и бросая в них пригоршни песка.

Группа отдыхающих обезьян. Джимми (слева) ищет в шерсти у Тепел. Самый молодой детеныш Джимми сидит между ними. В центре – пятилетние сыновья двух самок: Ваутер щекочет Джонаса под мышкой. Кром сидит справа

Колония Арнема уникальна не только своим обширным открытым вольером и большим числом молодняка, подрастающего со своими матерями, но прежде всего численностью (примерно двадцать пять особей), а также тем, что в этой группе живет несколько взрослых самцов. Самцы ненамного больше самок, но у них более густая шерсть. Когда они возбуждены или агрессивны, шерсть у них встает дыбом, так что они выглядят больше, чем на самом деле, производя пугающее впечатление. В подобные моменты самцы шимпанзе могут передвигаться удивительно быстро, встав на ноги. Этим агрессивным выпадам обычно предшествуют – примерно за десять минут – некоторые малозаметные движения тела и изменения в позе. Когда я показываю обезьян посетителям зоопарка и замечаю признаки приближающейся устрашающей демонстрации, я сам ловлю шанс впечатлить своих слушателей, проявив – как и свойственно

человеку – свои знания. У меня достаточно времени, чтобы предсказать своим ничего не подозревающим гостям, какие сцены им предстоит увидеть.

Предсказуемость поведения шимпанзе не означает, однако, что они всегда повторяют одни и те же социальные паттерны. Это было бы скучно. Самый захватывающий аспект в изучении шимпанзе – запись изменений, на которые могут уйти годы.

Только в гармоничной группе взрослые самцы готовы проявлять внимание и терпение к детенышам и их поведению. Сверху: Моник нисколько не против, чтобы ее подняли в воздух во время одной из ее нередких игр с Никки. Снизу: Лейт позволяет использовать свою спину в

качестве трамплина

Краткосрочные предсказания, однако, не просто забава — они выступают в качестве полезного способа постоянной проверки моих знаний о непрерывно меняющейся системе отношений внутри группы.

Динамические качества групповой жизни лучше всего иллюстрируются изменениями в позициях вожаков, которые произошли в колонии Арнема. Эти процессы заняли несколько месяцев и, вопреки распространенным мнениям, не решались несколькими драками. В своем исследовании я уделял особое внимание бесчисленным, но почти незаметным социальным маневрам, которые вели к низложению вожака. Стабильность группы подрывалась постепенно. У каждой особи была своя роль, разыгрываемая в цепочке интриг. Будущий новый вожак подзуживает других, однако он никогда не может действовать в одиночку; он не может навязать свое лидерство группе просто своим решением. Его позиция предоставляется ему, в каком-то смысле, другими обезьянами. Вожак, или альфа-самец, так же вплетен в сеть отношений, как и все остальные.

Предупреждение взрывоопасного напряжения

Многие годы в зоопарках содержались такие виды обезьян, как бабуины и макаки, — в достаточно естественных группах, живших на насыпных горах. Однако для больших человекообразных обезьян не было условий, подходящих для настоящей групповой жизни. Владельцы зоопарков боялись того, что большая колония этих пугающих и непредсказуемых животных станет источником кровавых столкновений и даже смертей. Более того, большие обезьяны крайне подвержены заболеваниям, поэтому считалось, что изоляция животных в стерильных клетках может исключить опасность инфекции. Однако в 1966 г. братья Антон и Ян ван Хофф решили начать амбициозный проект в зоопарке Арнема. Ян мог воспользоваться опытом, приобретенным им в Америке, где он изучал социальное поведение шимпанзе в обширной колонии на Холломэнской военно-воздушной базе в штате Нью-Мексико. Там шимпанзе жили вместе в открытом вольере площадью в 10 гектаров.

Идея, на которой основывалась американская колония, превосходна, однако она не привела к успеху. В группе установилась чрезвычайно напряженная и агрессивная атмосфера. Ян пришел к выводу, что главной ошибкой было отсутствие системы разделения обезьян при кормлении. Жестокие стычки происходили во время каждого приема пищи, поскольку некоторые обезьяны пытались монополизировать корм. Напряжение начинало накапливаться задолго до момента кормления. Это означало, что не хватало одного из базовых условий для развития гармоничной групповой жизни.

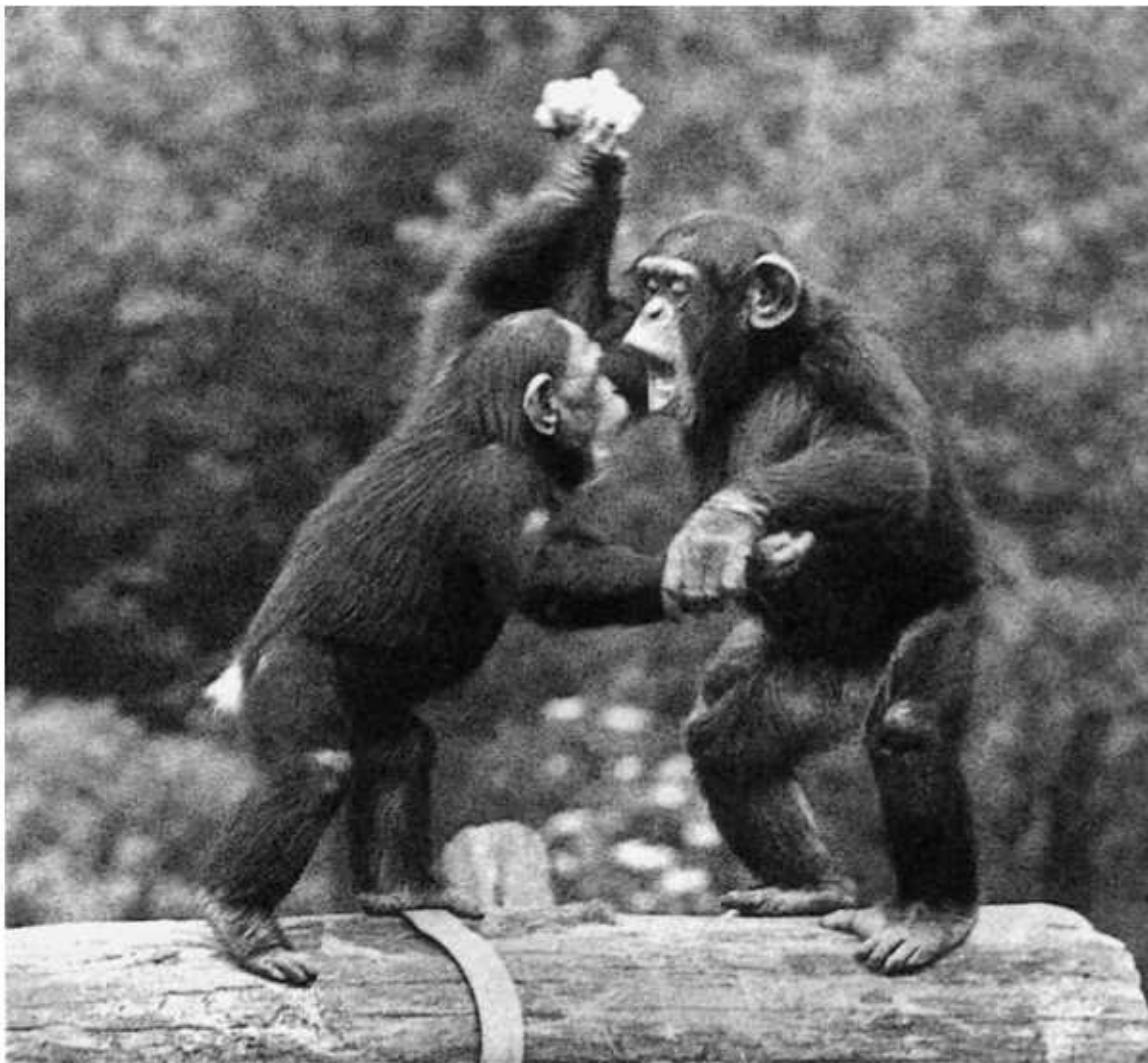
В естественной среде шимпанзе бродят в поисках пищи в одиночку или небольшими группами. Фрукты и листья, которые они ищут, распределены настолько равномерно, что конкуренция за еду почти не встречается. Но как только пищу начинают поставлять люди, пусть даже в джунглях, мирное существование оказывается под угрозой. Именно это произошло в Гомбе-Стрим в Танзании, где Джейн Гудолл вела свои знаменитые исследования. Ричард Рангам пришел к выводу, что систематическое кормление шимпанзе в Гомбе бананами привело к резкому росту агрессии.

В Арнеме проблема конкуренции за еду была эффективно решена двумя мерами. Во-первых, публику не подпускают к животным близко, поэтому посетители не могут их кормить. Во-вторых, каждый вечер обезьяны разбиваются на небольшие группы, и каждая получает еду в одной из десяти клеток, где они спят. Они редко едят вместе со всей группой; каждая обезьяна

получает свою порцию в клетке каждое утро и каждый вечер. Их рацион включает яблоки, апельсины, бананы, морковь, лук, хлеб, молоко, иногда им выдают по одному яйцу. Базовым продуктом выступают пищевые гранулы (обезьяний корм), содержащие углеводы, белки и витамины. Летом шимпанзе едят большое количество травы, а также желуди, буковые орешки, листья, насекомых и некоторые съедобные грибы.

Чтобы добыть достаточно еды, диким обезьянам приходится тратить на ее поиски более половины своего времени. Поскольку в зоопарке им не нужно это делать, они неизбежно начинают немного скучать. В результате их социальная жизнь интенсифицируется. У них больше времени на «социализацию». Кроме того, их жилое пространство ограничено, поэтому они никогда не могут полностью отделиться от группы. Эти результаты особенно заметны в зимние месяцы.

Голландские зимы (с ноября до середины апреля), довольно суровые для шимпанзе, они проводят в отапливаемом здании со спальными помещениями и двумя большими залами с «лазалками» и пустыми металлическими барабанами. (Взрослые самцы исполняют на этих барабанах громкие ритмические концерты.) Самый большой зал – 21 метр длиной и 18 шириной. Хотя такая площадь кажется разумной, она составляет лишь одну двадцатую размера открытого вольера. Это порождает раздражение и трения; зимой проявления агрессии встречаются почти в два раза чаще, чем летом.

Шутливое состязание между Тарзаном (слева) и Джонойсом

День, когда шимпанзе выходят из зимних помещений, – самый большой праздник в году. Утром сотрудник зоопарка открывает люк, который ведет в открытый вольер. Обезьяны из своих

спальных загонов не могут видеть, что происходит, однако они могут различать звуки, производимые всеми люками в помещении, на слух. В мгновение ока вся колония реагирует оглушительным криком. На открытый воздух их выпускают небольшими группами. Вопли и крики не утихают. Видно, как обезьяны повсюду обнимают и целуют друг друга. Иногда они образуют группы из трех или большего числа особей, которые в возбуждении прыгают и хлопают друг друга по спине.

Рано утром Зварт идет на двух ногах, поскольку трава еще мокрая, собираясь присоединиться к группе, включающей Амбер (справа). Веселым шлепком ее приветствует Моник

Радость обезьян от того, что они вышли на свободу, очевидна. Их черная шерсть, выросшая за зиму, станет густой и блестящей через несколько месяцев. Бледные лица на солнце посвежеют, приобретут новые оттенки. И, самое главное, напряжение, копившееся всю зиму, под открытым небом исчезнет.

Большой побег

Своим существованием эта экспозиция приматов обязана предприимчивости и смелости директора зоопарка Антона ван Хоффа и его философии, предполагающей, что в зоопарке лучше разместить немного видов в пристойных условиях, чем много – в плохих. В августе 1971 г. комплекс был официально открыт Десмондом Моррисом. В окружении безупречно одетых «голых обезьян» он произнес вступительную речь, после которой наши волосатые родственники были выпущены в открытый вольтер. Один приглашенный оратор предсказал две беды, с которыми нам якобы суждено было столкнуться: либо обезьяны соорудят плот и переплывут через ров, либо они придумают, как сделать лестницу, и взберутся на стены огороженной территории. Первую опасность он придумал сам, а вторая была связана с открытием, сделанным шимпанзе Роком.

Рок был самым взрослым из небольшой группы шимпанзе-подростков в Луизиане, которые исследовались Эмилем Мензелем. Совершенно самостоятельно Рок пришел к блестящей идее – использовать длинный шест в качестве своеобразной лестницы, чтобы взобраться на стену. Другие шимпанзе в группе быстро поняли, как использовать этот инструмент. Они даже помогали друг другу, взбираясь по шесту.

Самый памятный побег в истории колонии Арнема случился примерно так же. Несмотря на предупреждение, услышанное на открытии, на острове обезьян было оставлено несколько крупных ветвей. Небольшая часть вольера замыкается четырехметровой стеной. История произошедшего стала классикой в мире зоопарков. Согласно наиболее популярной версии, шимпанзе приставили ветви к стене в разных точках и одновременно взобрались на нее, словно бы по заранее условленному плану. Это напоминало штурм средневекового замка: шимпанзе помогали друг другу взять крепостной вал. Затем более десятка шимпанзе прошли по кратчайшей дистанции к большому ресторану, из которого выгнали всех посетителей. Там они наелись апельсинов и бананов, а затем вернулись в свои спальные помещения с охапками украденных фруктов в руках и ногах. Остаток дня они провели, наедаясь до отвала.

Годами выслушивая эту впечатляющую историю, я был несколько разочарован, когда начал проверять детали, которые могли пригодиться для книги. Я спрашивал каждого, что именно он видел собственными глазами. Результат был предсказуем. В истории содержалось зерно истины, но за прошедшие годы оно было изрядно приукрашено. Например, сотрудники ресторана сказали мне, что никогда не имели запаса фруктов, а в день побега только одна обезьяна в действительности пришла к ним.

Это была Мама, самая старая и, несомненно, самая опасная самка в группе. Она, видимо, забралась на стойку и проверила кассу, прежде чем разместиться среди группы посетителей и спокойно опустошить бутылку шоколадного молока.

Мне не удалось поговорить ни с кем, кто был бы свидетелем самого побега. Наверняка он был осуществлен при помощи ветки (была найдена тяжелая ветвь длиной 5 метров, прислоненная к стене), но не ясно, использовалось ли одновременно несколько таких ветвей. Меня несколько не удивило то, что подобный побег потребовал коллективных усилий; вес ветви уже указывает на это.

Хотя кипер каждое утро тщательно проверяет вольер обезьян на наличие ветвей (такой порядок был введен после памятного Большого побега), это никак не сказалось на изобретательности обезьян. Не находя веток, которые бы валялись на земле, они стали отламывать большие ветви от мертвых дубов. Это требует огромной силы, поэтому выполнять такую работу всегда приходится взрослым самцам. К нашему облегчению, ветви теперь используются уже не для побега, а для того, чтобы перелезть через электрическое ограждение и попасть на живые деревья.

С такими умными животными, как шимпанзе, никогда не удастся исключить все возможности побега. Они даже умеют использовать ключи и иногда пытаются вытащить их из кармана кипера. Это потом о побегах рассказывать весело. А в момент, когда они происходят, ничего смешного нет; каждый может думать только о том, насколько это опасно.

Никто из нас не осмеливается входить в группу обезьян. Я и их кипер можем по-дружески общаться с некоторыми из них, но лишь тогда, когда они находятся в спальных помещениях и между нами решетка. В зоопарках принято правило никогда полностью не доверять ни одному взрослому шимпанзе. Они не тяжелее человека, но *намного* сильнее. Проблема с шимпанзе в зоопарке в том, что они слишком хорошо осведомлены о своей силе, превосходящей человеческую. Это, а также их темпераментный характер делает их смертельно опасными.

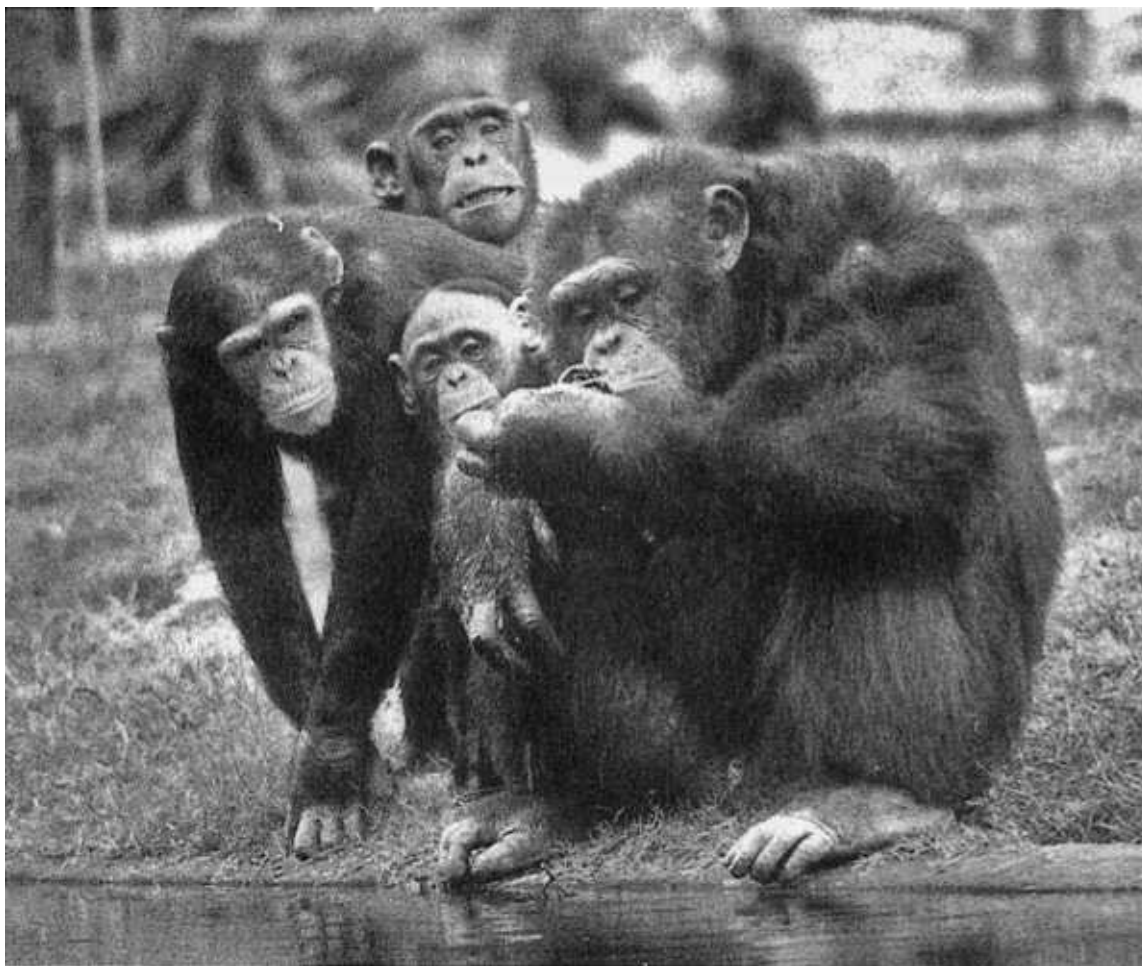
Дикие обезьяны не понимают, что они сильнее человека, и, кроме того, они научились

бояться людей и их оружия. Это приводит к парадоксальной ситуации: диких обезьян, как только они привыкают к людям, можно изучать с гораздо более близкого расстояния, чем наших обезьян в Арнеме. Мы наблюдаем за ними через ров – с расстояния от 6 до 60 метров (для публики это расстояние еще больше, если не считать смотровой площадки). С другой стороны, в Гомбе полевые исследователи часто просто подходят к обезьянам, садятся возле них и смотрят. Но даже в Гомбе шимпанзе теперь уже достаточно хорошо познакомились с людьми, чтобы утратить свою прежнюю робость. Наиболее известный персонаж – Фродо, мускулистая молодая обезьяна, которая легко может ударить человека, посещающего лагерь обезьян, а иногда даже утащить его по склону. Во время подобного нападения он однажды чуть не сломал шею Джейн Гудолл, когда со всей силой ударил ее по голове. Исследователи в общем-то не могут предупредить такое поведение, не повредив с таким трудом завоеванному доверию.

Этология

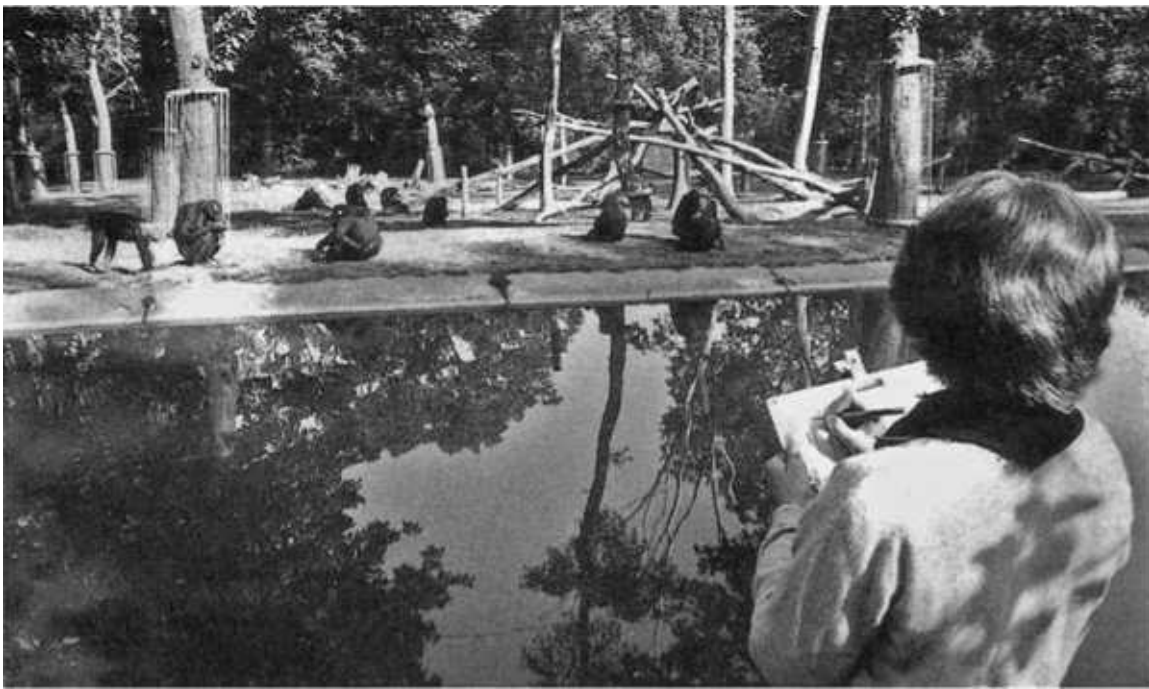
Молодой учитель привел свой класс посмотреть на шимпанзе. Стояла зима, а потому вся колония находилась в помещении. Несколько обезьян сидели или лежали на высоких барабанах в углу зала. Барабаны были разной высоты, и учитель сразу же распознал воспитательное значение такого расположения. Своим ученикам он сказал, что обезьяна, сидящая на самом высоком барабане, является вожаком стаи. Под ним сидел его заместитель, а под тем – его подчиненные. Желая сделать все ясным и понятным, он также указал на «нижних» обезьян, которые сидели на земле или ходили там.

Среди обезьян на земле находился и Йерун, один из доминантных самцов, который, к моему удовольствию, как раз разогревался перед устрашающей демонстрацией. Его волосы уже слегка поднялись, и он спокойно ухал самому себе. Когда он встал, уханье стало громче, и некоторые обезьяны соскочили с барабанов, зная, что демонстрации Йеруна обычно заканчиваются тем, что он проводит на них долгий ритмической концерт. Мне было интересно, как молодой учитель выпутается из этой ситуации. После того как Йерун по своему обыкновению пошумел и совершил несколько диких прыжков по залу, все снова успокоились. Другие шимпанзе забрались обратно на барабаны и возобновили свою деятельность. Комментарий учителя оказался плодом богатого воображения. Действо, которому они стали свидетелями, являлось, по его словам, неудавшейся попыткой обезьяны, находившейся на земле, захватить власть.

Ваутер, Тарзан и Зварт (за ними) внимательно смотрят на то, что Никки выловил из рва

Это было смешное предположение. Но кто может гарантировать, что многие из интерпретаций, предложенных в этой книге, действительно верны? Хотя я и чувствую, что после всех этих лет очень хорошо знаю эту группу и редко ошибаюсь в толковании происходящих событий, у меня все же нет полной уверенности в своей правоте. Изучать поведение обезьян – значит интерпретировать, однако нас гложет ощущение, что интерпретация может оказаться неправильной. Ощущение не из приятных, и как раз по этой причине ученые часто предпочитают вообще молчать и не отвечать на всем знакомый вопрос: «Почему это животное делает именно это?» Эксперты порой приходят к выводу, что надо создать впечатление, будто они ничего не знают. Они поступают прямо противоположным образом по сравнению с молодым учителем, который столь уверенно рассуждал. Обе установки никуда не ведут, но, к сожалению, мне не удастся полностью избежать их. В некоторые моменты может показаться, что я не особенно уверен, тогда как в другие – что я захожу в своих интерпретациях слишком далеко. Другого пути нет. Исследование поведения вынуждено постоянно колебаться между двумя этими крайними позициями.

Наблюдатели сосредотачиваются на определенной форме поведения или следят за конкретной особью. Их работа тяжелее, чем может показаться

Этология – исследование поведения в рамках биологии. Ее основы были заложены в 1930-х годах в Германии, Нидерландах и Англии под влиянием Конрада Лоренца и Нико Тинбергена. Наиболее значительное различие между этологией и психологическим исследованием поведения животных заключается в том, что этология делает упор на спонтанное поведение в естественной среде или, по крайней мере, в условиях, максимально приближенных к природным. Этологи проводят эксперименты, но они никогда не оторваны от своей полевой работы. Они прежде всего являются терпеливыми наблюдателями. И эта установка на ожидание того, что животные сделают по собственной воле, а не в ответ на стимулы к определенному поведению, важному для целей эксперимента, характеризует и наше исследование в Арнеме.

Восприятие

Смотреть может каждый, но подлинному восприятию нужно учиться. Эта проблема постоянно возникает, когда приходят новые студенты. Первые несколько недель они вообще ничего не «видят». Когда я объясняю им после проявления агрессии в колонии, что «Йерун набросился на Маму и ударил ее, тогда как Горилла и Мама объединились и преследовали Йеруна, который нашел убежище у Никки», они смотрят на меня так, будто я сошел с ума. В то время как для меня это поверхностная сводка весьма простого взаимодействия (в котором участвовало только четыре шимпанзе), студенты видели лишь несколько черных животных, которые хаотически прыгали вокруг, испуская резкие крики. Вероятно, они даже не заметили сильный удар.

В такие моменты мне приходится вспоминать, что я тоже долгое время не понимал, почему в этих эпизодах не видно никакой структуры, тогда как на самом деле проблема была не в отсутствии структуры, а в моем собственном дефектном восприятии. Необходимо как можно ближе познакомиться со многими особями, их дружескими отношениями и соперничеством, со всеми их жестами, характерными звуками, мимикой и другими формами поведения. Только тогда дикие сцены, наблюдаемые нами, начинают действительно обретать смысл.

Первоначально мы видим только то, что опознаем. Тот, кто ничего не знает о шахматах, но

наблюдает игру двух игроков, не поймет напряжения игры, разворачивающейся на доске. Даже если наблюдатель простоит около доски час, ему вряд ли удастся легко воспроизвести положение фигур на другой доске. Тогда как гроссмейстер опознает и запомнит положение каждой фигуры, задержав взгляд на доске лишь на несколько секунд. Различие не в памяти, а в восприятии. И если для непосвященного положения шахматных фигур никак не связаны друг с другом, посвященный придаст им большое значение и увидит, как они угрожают друг другу и блокируют друг друга. Проще вспомнить нечто обладающее структурой, чем хаос джунглей.

Это синтезирующий принцип так называемого гештальт-восприятия: целое или гештальт больше суммы своих частей. Обучаться восприятию – значит обучаться распознавать паттерны, в которых регулярно встречаются их компоненты. Как только мы знакомимся с паттернами взаимодействия шахматных фигур или шимпанзе, они начинают казаться нам столь явными и очевидными, что сложно представить, как другие могут запутаться во всевозможных деталях и упустить основную логику маневров.

Коммуникационные сигналы

Каждое выражение лица обозначает определенное настроение. Например, различие между игривым и тревожным настроением можно опознать по тому, насколько обнажены зубы. Когда шимпанзе напуганы или подавлены, они обнажают зубы намного больше, чем тогда, когда у них так называемое игровое лицо. Обычному зрителю широкий оскал напоминает счастливую усмешку, но вы можете быть уверены в том, что такому шимпанзе нечему радоваться. Такую усмешку можно увидеть у младенца шимпанзе, которого на мгновение оставила мать, или у более взрослых обезьян, которые вступают в конфликт с более высокими по рангу членами своей группы (и которые сами редко показывают свои зубы).

Эта мимика испуга часто сопровождается голосовыми сигналами. Самые громкие из них – это крики. В период, когда Йеруна, самого старого самца, смещали, его крики можно было слышать по всему зоопарку. Я всегда съедал свой ланч, когда шел по парку, и в этот период часто слышал Йеруна с большого расстояния, когда он снова и снова сталкивался со своим соперником. Бывало, я быстро дожевывал сэндвич и спешил к вольеру, чтобы понаблюдать за этими впечатляющими сценами.

Такой крик, который может быть назван формой протеста, соединенного с испугом, часто меняется на повизгивание, более тихий звук, который звучит как обиженный плач. Шимпанзе также общаются при помощи лая, хрюканья, скуления и уханья. Лучший способ научиться распознавать индивидуальные звуки – это записать их, а потом проигрывать снова и снова, пока различие не станет очевидным. Это похоже на музыку странной культуры: мелодии возникают только после частых повторных прослушиваний.

Шимпанзе обнажают зубы, когда они испуганы, неуверены или когда им неудобно. Слева: Розье отвечает криком, когда у нее отнимают знакомый предмет, вызывавший чувство уверенности. Справа: Йерун скалится и повизгивает, уклоняясь от устрашающей демонстрации, проводимой Никки

Знакомясь с коммуникацией шимпанзе, мы сталкиваемся с еще одной проблемой – значительных различий между особями. Каждая обезьяна усваивает определенное число особых сигналов. Например, у Дэнди есть свой собственный жест, которым он приглашает других подойти и начать искать у него в шерсти: он держит свою левую руку с тыльной стороны правой ладонью. Этот жест могут не заметить, когда он сидит, однако когда он ковыляет к потенциальному партнеру по грумингу на одной руке, которую держит другой, и двух ногах, можно решить, что у него какое-то увечье. Другой столь же личный сигнал можно усмотреть в том, как Мама трясет головой, чтобы сказать «нет», – этот жест и правда выглядит так, словно бы она говорит «нет». Пример: Мама протягивает руку просящим жестом Горилле, в то время как другая самка подходит и садится между Мамой и Гориллой. Мама резко крутит своей головой из стороны в сторону. В ответ другая самка после некоторых колебаний отступает, и Мама приглашающим жестом снова протягивает свою руку Горилле. Горилла подходит и садится рядом с ней, и они начинают обыскивать друг друга.

Игровое лицо (здесь – Тарзана и Джеки) можно увидеть во время борьбы и шутливой щекотки. Во время таких игр можно услышать звук сдавленного дыхания, сильно напоминающий зажатый смешок

Крики – самая громкая форма голосовых сигналов, выражающая протест с испугом. Здесь – взрослый самец Лейт кричит после того, как его атаковала группа самок

Крича, Джеки протягивает руку жестом попрошайки другому шимпанзе, который украл его ягоды. Он хочет получить их обратно

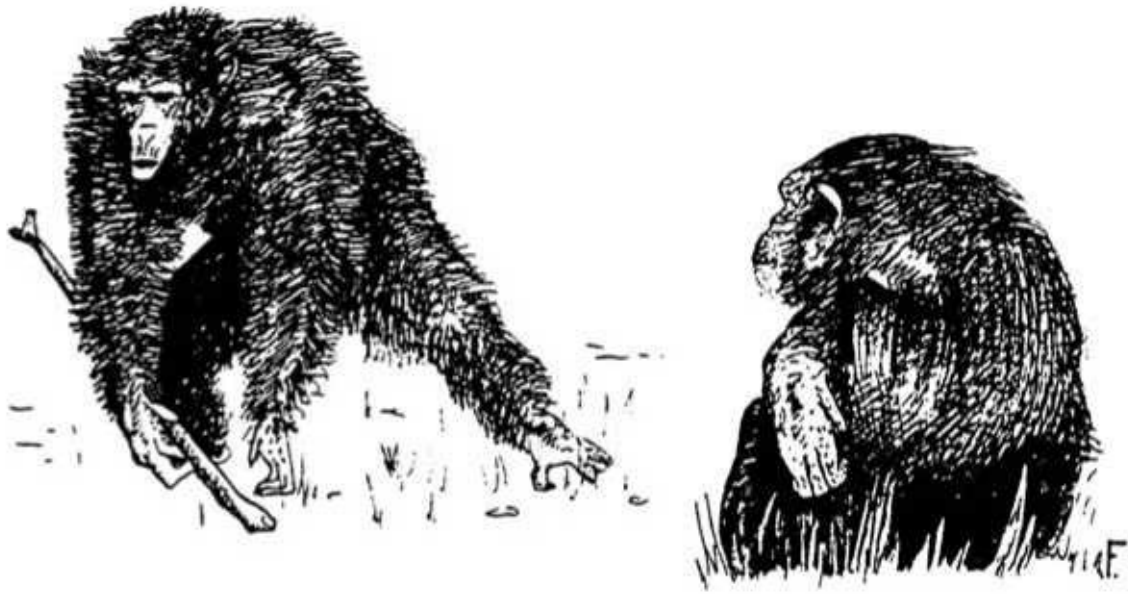
Жест с вытянутой рукой и открытой ладонью мы называем «протягиванием руки». Это самый распространенный жест в колонии. Его значение, как и значение многих других сигналов шимпанзе, зависит от контекста, в котором он используется. Обезьяны применяют его, чтобы попросить еду, получить телесный контакт или даже поддержку в драке. Когда две обезьяны агрессивно сталкиваются друг с другом, одна из них может протянуть руку к третьей обезьяне. Этот приглашающий жест играет важную роль в формировании агрессивных союзов, или коалиций, – главного политического инструмента.

Все поведенческие паттерны (числом более сотни), регулярно наблюдавшиеся в нашей колонии, отмечались также и среди шимпанзе в естественных условиях обитания. Игровое лицо, усмешка и просящие жесты являются не имитациями человеческого поведения, а естественными формами невербальной коммуникации, общими для людей и шимпанзе. Некоторые необычные сигналы, например то, как Мама трясет головой, чтобы сказать «нет», могут быть следствием влияния человека. Но даже этот весьма специфический сигнал был выявлен Адрианом Кортландтом у диких шимпанзе. В основном, коммуникация обезьян в колонии Арнема не отличается от общения их диких соплеменников.

Поведение, направленное в сторону

Представьте ситуацию, в которой один из взрослых самцов демонстрирует себя своему сопернику. Он кажется раздутым, поскольку шерсть у него встала дыбом, он ухает, верхняя часть тела раскачивается из стороны в сторону, а в руке он держит камень. Неопытный наблюдатель может и не заметить камень, поскольку все внимание приковано к этой удивительной устрашающей демонстрации. Он может быть настолько захвачен зрелищем, что даже не заметит манипулирующей одной из взрослых самок. Она спокойно подходит к демонстрирующему себя самцу, разжимает ему пальцы, которыми он держит камень, и уходит с ним. Мне понадобилось несколько недель наблюдений, прежде чем я понял, что происходит. Относящаяся к этому дню

паметка в моем дневнике выделена жирным восклицательным знаком, поскольку в то время я был уверен, что сделал открытие века. Но как только я познакомился с этой закономерностью в поведении, я понял, что она — совсем не редкость. Иногда такие сценки разыгрываются по несколько раз за день. Мы называем их *конфискацией*. В подобной ситуации самец никогда не реагировал на самку агрессивно. Иногда он пытается вырвать свою руку из рук самки, а если ему это не удастся, он может поискать другой камень или палку. Потом он продолжает свою устрашающую демонстрацию. Но и это второе оружие также может быть конфисковано: однажды самка конфисковала не менее шести предметов у одного и того же самца.

Один из наиболее выразительных способов коммуникации среди шимпанзе — вздыбить шерсть. Здесь Никки старается предстать в максимально большом виде, демонстрируя себя Йеруну

Шимпанзе иногда ухают, что является формой контакта на больших расстояниях. Лейт (стоит) и Йерун отвечают на уханье Никки. Никки демонстрирует себя в 60 метрах от них

Научиться распознавать паттерны социального взаимодействия сложнее, чем коммуникационные сигналы, такие как жесты рук или голосовые звуки. Конфискация – один из примеров, но есть и много других. Прежде всего, именно агрессивные формы взаимодействия создают проблемы. Конфликты могут ограничиваться двумя шимпанзе, однако часто вмешиваются другие члены группы, так что через какое-то время грозить друг другу и гоняться друг за другом начинают от трех до пятнадцати особей. В подобных случаях шимпанзе демонстрируют крайне сложные паттерны, которые сопровождаются огромным шумом.

Молодые обезьяны учатся, наблюдая за взаимодействиями взрослых. Сверху: Фонс, вздыбив шерсть, следует за Йеруном, который криками прогоняет своего соперника.

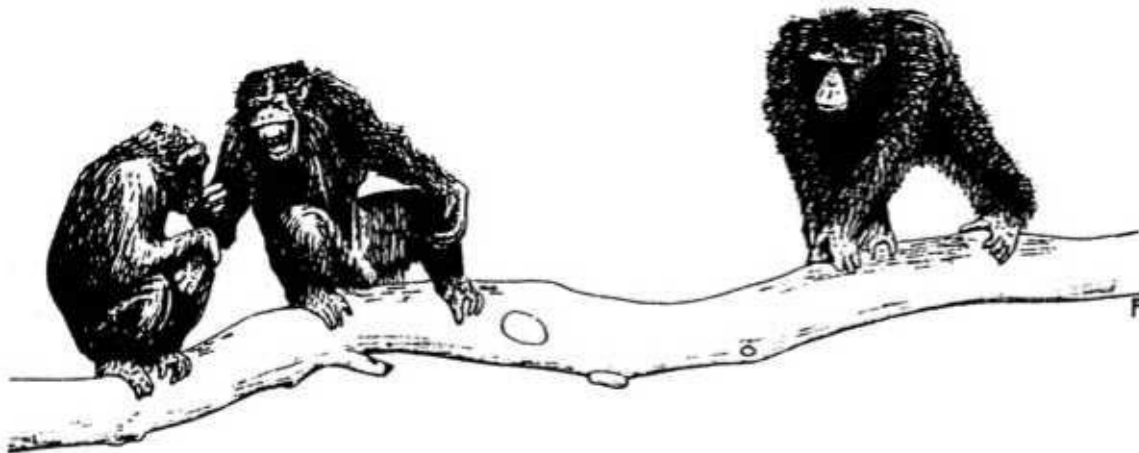

Снизу: из безопасного положения на животе своей матери Розье наблюдает за ссорой между двумя детенышами шимпанзе

Чтобы понять происходящее, прежде всего следует провести различие между поведением, обращенным к противникам, и поведением, обращенным к товарищам или посторонним. Последнее называется поведением, направленным в сторону, и оно может принимать следующие формы.

1. Поиск убежища и утешения

Это наиболее распространенная форма. Молодые обезьяны часто так реагируют, когда они проиграли в драке с ровесником или когда им грозит взрослая обезьяна. В подобных случаях молодая обезьяна бежит с криками к своей матери и прячется у нее в объятиях. У взрослых обезьян то же самое происходит иначе. Самка, которой угрожают, может подбежать к наиболее доминирующему самцу и усесться рядом или под ним, чтобы атакующая обезьяна не осмелилась приблизиться.

Кричащий самец в центре взаимодействует одновременно с двумя другими шимпанзе. Справа приближается противник, пытающийся его запугать. Прежде чем отступить, он ищет утешения у самки слева, положив ей палец в рот. Это пример поведения, направленного в сторону. Слева направо: Мама, Лейт и Никки

Возбужденный или испуганный шимпанзе, очевидно, нуждается в срочном физическом контакте с другими. Видимо, это единственное, что может быстро успокоить. Потребность в утешении в случае агрессии приобретает такие пропорции, что противники часто словно бы забывают по ходу дела друг о друге. Например, кричащий и вопящий взрослый самец бежит по вольеру, встречает нескольких молодых и более взрослых обезьян, пытается потрогать их, поцеловать и обнять. В этот момент ситуация выглядит достаточно дружественной, однако началась она с длительной и вызывающей устрашающей демонстрации, устроенной другим самцом. Шерсть соперника все еще стоит дыбом, и в скором времени он снова начнет угрожать своему кричащему противнику.

2. Привлечение сторонников

Просьба о поддержке осуществляется, как я уже описывал, за счет протягивания руки. То, что протягивание руки выступает призывом, становится очевидным, когда другая шимпанзе поднимается и подходит вместе с жертвой к врагу, поскольку позиция «попрошайки» в корне меняется. Теперь он уже не визжит, он уже не то прежнее испуганное создание с протянутой рукой; с лаем и криками он агрессивно набрасывается на противника, постоянно озираясь, чтобы увериться в том, что сторонник все еще поддерживает его. Если кажется, что сторонник колеблется, процедура выпрашивания может повториться заново.

Лейт целует Ваутера (фотография Рональда Ное)

3. Побуждение

В данном случае коммуникация осуществляется одновременно в двух направлениях. В большинстве случаев в ней участвуют самки, которые призывают самца для атаки на другую самку. Самка, которой угрожают, бросает вызов своей сопернице, издавая высокий возмущенный лай, и в то же время она целует и теребит самца. Иногда она указывает на свою противницу. Это необычный жест рукой. Шимпанзе указывают не пальцем, а всей ладонью. Отдельные случаи, когда я видел, что они на самом деле показывают пальцем, были именно ситуацией неопределенности; например, когда обезьяна, представляющая третью сторону, спала или не участвовала в конфликте с самого начала. В подобных обстоятельствах агрессор указывает на свою противницу, показывая на нее пальцем.

Характерная черта побуждения состоит в том, что самки, которые занимались таким подстрекательством, самоустраиваются, когда в дело вступает самец. Они предоставляют ему возможность сделать всю работу самостоятельно.

Примирения

Традиционно агрессию рассматривали в качестве неконтролируемого инстинкта, который приводит к рассредоточению особей. Эта функция пространственного распределения вполне очевидна в случае территориальных видов, которых изучали первые этологи. Но как она может выполняться у социальных животных? Разве группа не распалась бы очень быстро, если бы каждая склока разделяла ее членов? Как животным удастся конкурировать за еду и партнеров, сохраняя при этом достаточно сплоченные группы? Когда мы собирали данные о том, что происходит после конфликтов в колонии шимпанзе, мы выяснили, что бывшие противники притягиваются друг к другу как магниты! Чаще всего после драк мы отмечали скорее именно

контакты, а не уклонение от встречи.

Мама выступает посредником в склоке между Никки (справа) и кричащим Фонсом (слева). Она «приветствует» Никки; через мгновение она обнимет и поцелует его. Только после того как ей удалось таким образом смягчить Никки, Фонс осмелится примириться с ним

В те несколько месяцев, что предшествовали прибытию моей первой студентки, Ангелины ван Росмален, я постепенно начал понимать наличие феномена примирения у шимпанзе. Иногда осуществляемый маневр вполне прозрачен. Буквально через минуту после завершения драки два бывших противника бегут навстречу друг к другу, целуются, долго и страстно обнимаются, а затем начинают обыскивать друг друга. Но иногда подобного рода эмоциональный контакт осуществляется через несколько часов после конфликта. Когда я наблюдал очень внимательно, я видел, что напряжение и колебание сохраняются до тех пор, пока противники не устранят свои разногласия. Затем лед вдруг трогается, и одна из обезьян приближается к другой.

Ангелина смогла показать, что контакты между противниками после конфликта намного интенсивнее контактов в других ситуациях, причем наиболее характерной чертой являются поцелуи. Наиболее подходящее слово для этого явления – «примирение», но я знаю людей, которые возражали, указывая на то, что, выбирая такие термины, мы неоправданно очеловечиваем обезьян. Почему не назвать это как-нибудь нейтрально, например «первый постконфликтный контакт», ведь, вообще-то, так оно и есть? Из того же стремления к объективности поцелуи можно было бы назвать «контактом рот в рот», объятия – «контактом с руками вокруг плеч», лицо – «мордой», а руки – «передними лапами». Я склонен скептически относиться к аргументам, поддерживающим подобную дегуманизированную терминологию. Разве это не попытка при помощи слов скрыть то зеркало, которое держат перед нами шимпанзе? Не прячем ли мы голову в песок, пытаясь спасти чувство собственного достоинства?

Люди, работающие с шимпанзе, знают по собственному опыту, насколько сильна потребность в примирении. Вероятно, ни один другой вид животных не проявляет эту потребность в столь кричащей форме, и нужно какое-то время, чтобы привыкнуть к этому. Ивонна ван Кёкенберг описала свою реакцию от первого столкновения с этим феноменом.

У Ивонны была молодая шимпанзе по имени Шоко, которая жила с ней уже какое-то время. Она становилась все более непослушной, и пришло время ее приструнить. Однажды, когда Шоко

в очередной раз сняла трубку телефона, Ивонна устроила ей серьезную взбучку, держа ее при этом за руку особенно крепко. Внушение, казалось, возымело должное действие на Шоко, поэтому Ивонна уселась на диван и начала читать книгу. Она уже забыла об инциденте, когда Шоко внезапно прыгнула к ней на колени, обвила Ивону руками вокруг шеи и одарила ее типичным для шимпанзе поцелуем (с открытым ртом), чмокнув в губы. Отличие от обычного для Шоко поведения было настолько разительным, что его можно было связать лишь с предшествующей взбучкой. Объятия Шоко не только тронули Ивонну, но вызвали в ней настоящее эмоциональное потрясение. Она поняла, что никогда не ожидала такого поведения от животного и совершенно неверно оценивала силу чувств Шоко.

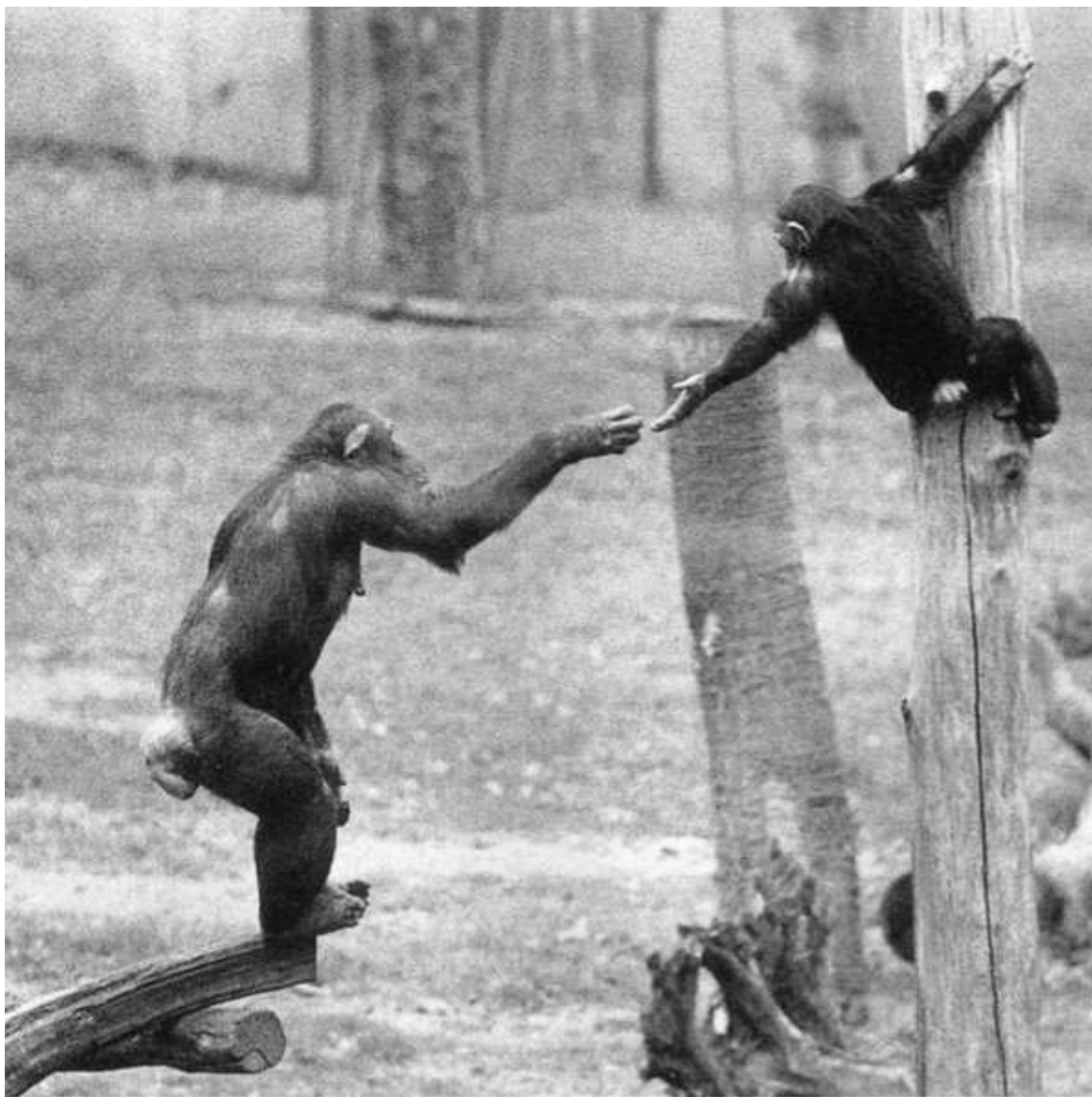
Со времен наших первых наблюдений в Арнеме примирение стало популярной исследовательской темой. Это явление было обнаружено у самых разных приматов как в неволе, так и в дикой природе. В настоящее время нет никаких сомнений в том, что приматы способны на примирение; вопрос скорее в том, при каких условиях они идут на него. Наиболее влиятельная идея утверждает, что примирение служит для восстановления ценных отношений. Этим должно объясняться, почему, как показывают наблюдения, у самых разных видов примирение в основном осуществляется между особями, связанными тесными узами или сотрудничающими друг с другом.

В работе «Примирение у приматов» я дал обзор имеющихся данных, включая и следующее открытие: то, что шимпанзе делают при помощи поцелуев и объятий, их ближайшие родственники, бонобо, делают при помощи секса. После драки двух бонобо (независимо от пола), обычным ритуалом является совокупление, псевдосовокупление или взаимный генитальный контакт. Смысл этих контактов тот же, что и у шимпанзе: для обоих видов характерна потребность в разрешении конфликтов.

Коалиции

Когда две обезьяны доходят до драки или угрожают друг другу, какая-либо третья обезьяна может решить вступить в стычку и встать на сторону одной из них. Результатом оказывается коалиция двух против одной. Во многих случаях конфликт разворачивается и далее, так что образуются более широкие коалиции. Поскольку все происходит очень быстро, может сложиться впечатление, что шимпанзе движимы только агрессией по отношению друг к другу и что они присоединяются к коалициям вслепую. Но этот вывод совершенно не соответствует истине. Шимпанзе никогда не совершают непродуманные ходы.

Чтобы доказать это, нам приходится снова и снова проверять, что именно каждая особь делает в той или иной стычке. Оказывается ли ее участие совершенно непредсказуемым или же она систематически поддерживает определенных особей? Это требует весьма тщательного наблюдения; для сбора данных о коалициях необходимо терпение, терпение и еще раз терпение. Иногда можно прождать весь день, и ничего не случится. В среднем, однако, в день формируются от пяти до шести коалиций, и наша команда, внимательно наблюдающая за ними, способна зафиксировать в целом от 1000 до 1500 коалиций в год. Они записываются в виде длинных списков – в форме «С поддерживает А против В». Анализ этих списков подтверждает, что шимпанзе поступают избирательно, когда вмешиваются в конфликты между другими членами группы. У всех членов группы есть свои личные предпочтения, которые определяют их действия. Совершаемый ими выбор является пристрастным и не меняется годами.

Кооперация демонстрируется не только в коалициях: Тепел помогает Тарзану спуститься с дерева

Но это не значит, что отношения в группе не меняются; напротив, подобные изменения являются как раз наиболее захватывающим аспектом коалиций шимпанзе. Почему С, который поддерживал А против В годами, должен был постепенно начать поддерживать В против А? В чем заключается наиболее сильный фактор изменения – в отношениях А-В, В-С, или А-С? Проблема сложна, поскольку она затрагивает трехсторонние отношения. И комбинация АВС – лишь одно из многих тысяч тройственных отношений, существующих в группе. Изучение коалиций подводит нас к «третьему измерению» групповой жизни, демонстрирующему ее насыщенность.

Два приматолога – Ирвен Девор и Рональд Холл (в поздний период его деятельности) опубликовали первое масштабное исследование этой проблемы в 1965 г. Они изучали поведение свободно пасущихся бабуинов в Кении. Статус взрослого самца бабуина зависит одновременно от его бойцовских качеств и от совместных действий. Стадо бабуинов совместно ведут два или три взрослых самца, которые образуют так называемую центральную иерархию. Каждый из них сам по себе, без поддержки другого, не имеет особого веса. Некоторые самцы, не относящиеся к этой центральной коалиции, не испытывают страха, когда сталкиваются с каким-то одним самцом, принадлежащим к ней. Чтобы удержать контроль над своими соперниками, центральной иерархии необходимо сформировать общий фронт.

Несколько лет назад Рон Надлер описал еще один совершенно удивительный пример того,

как верховная позиция в группе может зависеть от агрессивной кооперации. В Центре приматов Йеркса в Атланте была сформирована группа горилл. В нее входили четыре самки, Калабар – большой внушительный самец и Ранн – гораздо более мелкий взрослый самец. Все думали, что вожаком группы станет Калабар, но самки отдавали предпочтение Ранну. Хотя оба самца в течение многих недель мирно уживались друг с другом, их присоединение к группе самок привело к тому, что они стали бить себя в грудь, принимать угрожающий вид и даже ожесточенно драться. Надлер описал последний бой, в котором Калабар получил травму, и его пришлось удалить из группы: «Было непонятно, какой самец сделал первый ход, но как только они сцепились в драке, к ним присоединились и самки. Две прыгнули на спину Калабара, одна схватила его за ногу, и все они начали его кусать. Дрались они яростно, но все закончилось очень быстро – через несколько секунд все разбежались».

Тот факт, что именно самки помогли выбранному ими самцу занять позицию вожака, – еще не самое удивительное в этом инциденте. Больше всего поражает то, что Ранн смог *принудить* самок поддерживать его. Это стало очевидным из маневров, предшествующих драке: «Каждый раз, когда Ранн подкрадывался к Калабару, за ним вскоре подходили и самки. Когда же Калабар останавливался, они образовывали вместе с Ранном полукруг перед этим внушительным самцом. В действительности, когда одна из самок в какой-то момент хотела было выйти из этой группы окружения, Ранн набросился на нее и загнал обратно на ее позицию». Так Ранн препятствовал дезертирству. Но почему самки подчинились самцу, который в то же время зависел от них? В конце концов, его судьба была в их руках. Возможно, политика у горилл является столь же сложной, утонченной и загадочной, как и политика у шимпанзе.

О коалициях шимпанзе в их естественной среде обитания мы знаем достаточно, чтобы прийти к выводу, что они весьма важны при определении отношений между взрослыми самцами и в установлении их системы доминирования. Этот момент постоянно подтверждался в публикациях, посвященных сообществу Гомбе-Стрим. У нас есть почти полная картина постепенного развития в этом сообществе коалиции братьев Фабена и Фигана. Если сравнить эти процессы с теми, что происходят в колонии Арнема, явных фундаментальных различий мы не найдем. Единственное различие состоит в том, что в Арнеме мы могли изучать эти процессы гораздо более детально^[4].

Безопасные интерпретации

Как мы распознаем настроение животного? Когда собака поджимает хвост, мы говорим, что она боится. Дело в том, что мы каким-то образом узнали, что собака, поступающая так, обычно собирается убежать. А убежание понять далеко не так сложно, как «поджимание хвоста». Из связи, существующей между двумя этими актами, мы выводим, что если один выражает страх, то и второй выражает то же самое. Точно так же нам хорошо известно, что собака хочет «сказать», когда глухо рычит и оскаливается. Эти ассоциации мы научились проводить бессознательно, и именно поэтому мы приписываем их интуиции; мы говорим, что «интуитивно знаем» различные настроения собаки.

Интуиция ценна, однако ученые могут вполне удовлетвориться только в том случае, когда знают, что скрывается за ней. Нет нужды всегда зависеть от этого убедительного индикатора. Бессознательный метод, усвоенный нами для интерпретации и понимания сигналов собаки, можно преобразовать в эффективное научное средство, если применять его осознано и систематически. Ян ван Хофф применил этот метод к куче сделанных им заметок о социальном поведении в колонии Холломэна. В его заметках указывался порядок, в котором шимпанзе

демонстрировали те или иные поведенческие паттерны. Он использовал компьютер для сортировки паттернов, выяснив, какие из них наблюдались одновременно или вскоре друг за другом. Набор таких паттернов, как бегство, уклонение и отбивание ударов, был назван «подчиненным», тогда как набор с такими паттернами, как атаки, кусание и топанье, – «агрессивным» и т. д. Отталкиваясь от этого, можно вывести менее очевидные интерпретации. Например, выяснилось, что лай относится к агрессивному набору паттернов (атаке), а крики и визг – к подчиненному (бегство).

Компьютер лишь выявляет ассоциации между паттернами поведения; он не может указать, что стоит за ними. Вот почему ван Хофф осмотрительно называет такие наборы «поведенческими системами», а не эмоциями или мотивациями. Из соображений удобства я не буду придерживаться этой меры предосторожности. Когда я говорю, что «шимпанзе дружелюбно пыхтит» другому шимпанзе, я имею в виду то, что она громко дышит и что это пыхтение, согласно анализу ван Хоффа, может быть названо «сближающим» поведением. Такой поведенческий набор получает подобную характеристику потому, что он включает несколько очевидно сближающих форм контакта – например, объятья, поцелуи и социальный груминг.

Смелые интерпретации

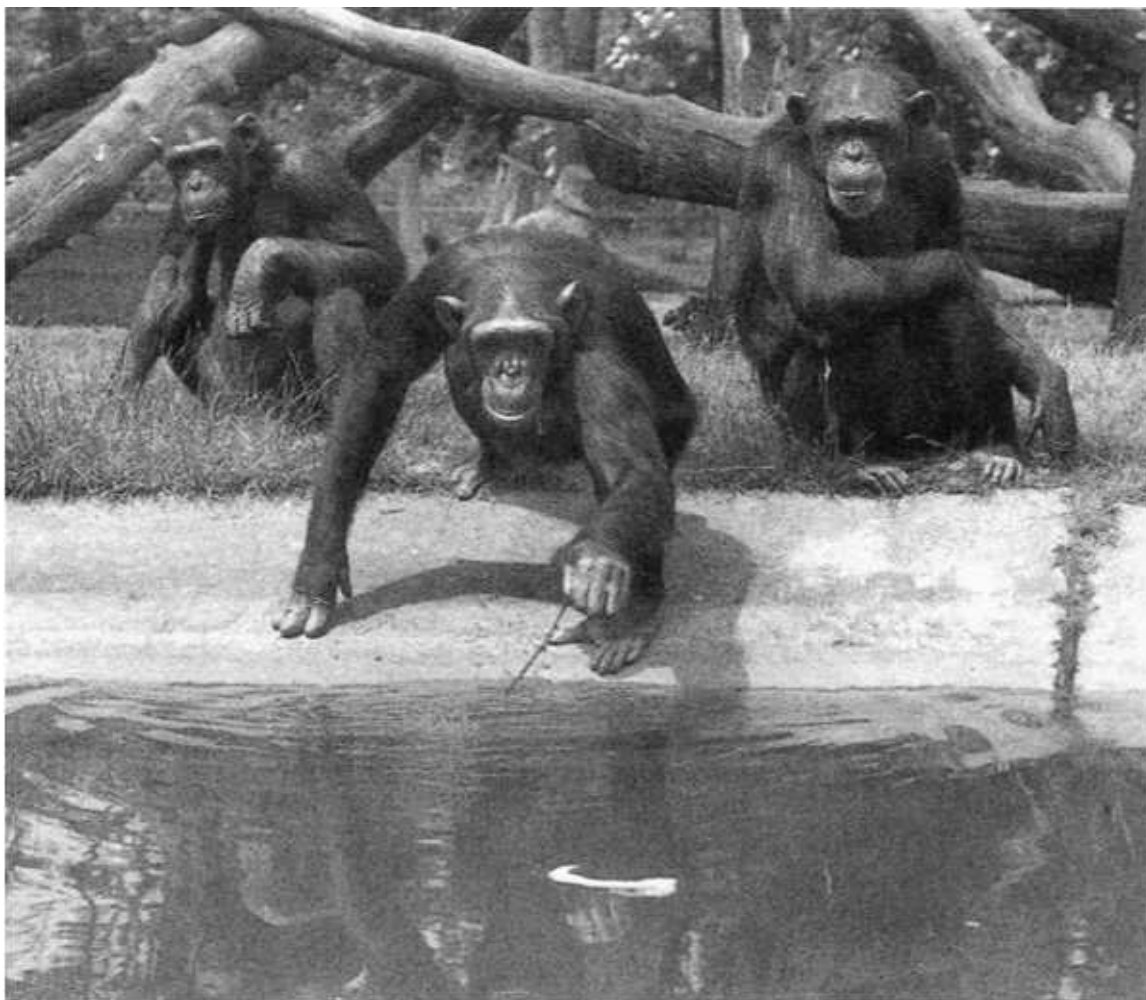
Понятию инстинктивного и импульсивного поведения животных диаметрально противоположно представление об осознанном и заранее продуманном действии. Конечно, есть много животных, которые, вероятно, совершенно не осознают последствия своего социального поведения. Например, знает ли самец цикады, что его стрекот привлекает самок? Однако именно такова функция его сигнала. Высшие животные, судя по всему, знают о последствиях своих сигналов. В частности, большие человекообразные обезьяны ведут себя настолько гибко, что у нас создается впечатление, будто они точно знают, как среагируют другие и что они получат в качестве результата. Их коммуникация весьма напоминает разумную социальную манипуляцию, как если бы они научились использовать свои сигналы в качестве инструмента влияния на других.

Пример 1

Жарким днем две матери – Джимми и Тепел – сидят в тени дуба, а двое их детенышей играют в песке у их ног (заметны игровые лица, они борются, кидаются песком). Между двумя матерями спит самая старая самка Мама. Внезапно детеныши начинают кричать, бить друг друга и дергать за волосы. Джимми пытается приструнить их мягким угрожающим ворчанием, а Тепел тревожно передвигается. Детеныши продолжают ссориться, и через какое-то время Тепел будит Маму, толкая ее несколько раз под ребра. Когда Мама поднимается, Тепел указывает на двух ссорящихся детенышей. Ссора прекращается, стоит Маме сделать угрожающий шаг вперед, поднять руку в воздух и громко гавкнуть. После этого Мама снова укладывается и продолжает свою сиесту.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. Чтобы в полной мере понять эту интерпретацию, важно знать две вещи: во-первых, Мама – это крайне уважаемая самка с самым высоким рангом; во-вторых, эти конфликты детенышей регулярно порождают такое напряжение между матерями, что они тоже вяжутся в драку. Вероятно, напряжение вызвано тем фактом, что каждая мать стремится помочь своему ребенку и не дать вмешаться в потасовку другой матери. В вышеприведенном примере, когда игра детенышей оборачивается дракой, обе матери оказываются в затруднительном положении. Тепел решила эту проблему, задействовав доминирующую третью сторону, Маму, и указав на затруднение. Мама, очевидно, поняла с первого взгляда, что должна

выступить арбитром.

Наличие сложных психических процессов у шимпанзе было впервые доказано знаменитыми экспериментами Кёлера с орудиями. Шимпанзе могут спонтанно применять орудия. Здесь Амбер увидела кожуру от яблока, плывущую по воде. Она пытается достать ее палочкой. Зварт (слева) и Франье с любопытством наблюдают за тем, что у нее получится

Пример 2

Йерун повреждает себе руку во время драки с Никки. Хотя рана неглубокая, мы сначала подумали, что она ему сильно мешает, поскольку он начал прихрамывать. В следующий день один из студентов, Дирк Фоккема, сообщает, что, по его мнению, Йерун хромает только тогда, когда поблизости находится Никки. Мне известно, что Дирк – внимательный наблюдатель, но на этот раз мне сложно ему поверить. Мы идем посмотреть, и выясняется, что он прав: Йерун проходит мимо сидящего Никки (начиная с точки перед ним и до места за его спиной), и все время, пока Йерун находится в поле зрения Никки, он жалостливо ковыляет, однако, пройдя Никки, меняет поведение и идет совершенно нормально. В течение примерно недели Йерун продолжает передвигаться таким манером, когда знает, что Никки может его видеть.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. Йерун разыгрывал комедию. Он хотел уверить Никки в том, что тяжело пострадал в их первой драке. Тот факт, что Йерун принимал преувеличенно несчастный вид только тогда, когда был в поле зрения Никки, указывает на то, что он знал: его сигналы возымеют действие, только если они будут видны; Йерун одним глазом следил за Никки, чтобы видеть, наблюдают ли за ним. Возможно, из прошлых инцидентов, когда он получал серьезные ранения, он усвоил то, что его соперник не будет особенно приставать к нему в период, когда ему приходится (по необходимости) хромать.

Пример 3

Ваутер, молодой самец шимпанзе почти трехлетнего возраста, ссорится с Амбер и начинает кричать высоким голосом. При этом он агрессивно приближается к Амбер. Его мать Тепел подходит к нему и быстро кладет свою руку на рот сына, заглушая его крики. Ваутер успокаивается, и ссора не получает развития.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. Шумные конфликты привлекают внимание. Если они длятся слишком долго, подойдет один из взрослых самцов и прекратит их. Когда приблизится угрожающий самец, Ваутер будет автоматически искать убежища у своей матери. Это означает, что именно она может получить наказание, предназначенное ее сыну. Тепел хотела избежать этого риска, заткнув Ваутера до того, как дело зайдет слишком далеко.

Это не единственный известный случай тишины, к которой принуждали силой. Я видел, как однажды мать положила палец на рот своего маленького детеныша, когда последний начал агрессивно лаять на доминирующего члена группы, устроившись в безопасном укрытии – у нее на коленях. Она, вероятно, опять же не хотела неприятностей, которые могли бы ожидать ее из-за оплошности собственного детеныша.

Пример 4

Дэнди – самый молодой из четырех взрослых самцов, и у него самый низкий ранг. Три остальных, особенно альфа-самец, не терпят никаких половых актов между Дэнди и взрослыми самками. Тем не менее время от времени ему удается спариться с ними, назначив «свидание». В подобных случаях Дэнди и самка делают вид, что просто случайно идут в одном направлении, и если все хорошо, они встречаются за стволами деревьев. Такие «свидания» происходят после нескольких брошенных друг на друга взглядов или малозаметных тычков.

Подобное скрытное спаривание часто связано с подавлением сигналов и маскировкой. Помню, что в первый раз, когда я заметил это явление, это было целое комическое представление. Дэнди и самка украдкой ухаживали друг за другом. Дэнди начал заигрывать с самкой, постоянно при этом озираясь, чтобы видеть, не наблюдают ли за ним другие самцы. Самцы шимпанзе начинают заигрывания, широко расставив ноги, чтобы показать свою эрекцию. Именно в тот момент, когда Дэнди демонстрировал таким образом свое сексуальное желание, неожиданно из-за угла показался один из старших самцов – Лейт. Дэнди сразу же опустил руки себе на пенис, чтобы его не было видно.

В другой раз Лейт заигрывал с одной из самок, когда Никки, альфа-самец, лежал на траве в 50 метрах. Когда Никки посмотрел вверх и встал на ноги, Лейт медленно сместился на несколько шагов от самки и снова уселся спиной к Никки. Никки стал медленно подходить к Лейту, подобрав по пути тяжелый камень. Его шерсть слегка встала дыбом. Лейт время от времени оглядывался, чтобы посмотреть, как к нему приближается Никки, а затем смотрел на свой собственный пенис, который постепенно терял эрекцию. Только тогда, когда пениса больше не было видно, Лейт повернулся и пошел к Никки. Он слегка фыркнул на камень, который держал Никки, а потом ушел, оставив Никки с самкой.

Самки иногда выдают свои подпольные спаривания всем остальным членам группы, выпуская специфический высокий крик в момент оргазма. Как только альфа-самец слышит его, он бежит к скрывшейся паре, чтобы прервать их. Самка-подросток Ор обычно особенно громко кричала в конце спаривания. Однако к тому времени, когда она стала почти взрослой, она продолжала кричать при спаривании с альфа-самцом и почти никогда не издавала криков во время своих «свиданий». На таком «свидании» она демонстрировала мимику, обычно сопровождающую крики (обнаженные зубы, открытый рот), и при этом издавала некий беззвучный крик (исходящий из глубины глотки).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. Во всех этих примерах сексуальные сигналы либо маскируются, либо подавляются. Беззвучный крик Ор создает впечатление сильной эмоции, которую можно контролировать лишь ценой величайших усилий. Самцы сталкиваются с той проблемой, что доказательство их сексуального возбуждения не может исчезнуть по команде, но у них есть свои решения.

Смелость Лёйта, фыркающего на оружие, которое Никки держит в своей руке, показывает лишь, насколько он был уверен в том, что у альфа-самца не будет основания атаковать его. Это поведение разительно отличается от одного инцидента между двумя макаками, которому я стал свидетелем. Альфа-самец встретил другого самца через несколько минут тайного спаривания последнего. Альфа, вероятно, не мог ничего об этом знать, но второй самец вел себя слишком робко, демонстрируя свою подчиненность безо всякой надобности. Его поведение было настолько преувеличенным, что если бы у альфа-самца были социальные компетенции шимпанзе, он наверняка бы понял, что случилось.

Поведение же Лёйта после его неудавшейся попытки было совершенно иным. Не было и следа «сознания вины». Шимпанзе – мастера притворства, и они редко выдают себя ничего не подозревающим соплеменникам.

Рациональное поведение

Как только мы зафиксировали определенное число удивительных примеров социальной манипуляции и признали, что шимпанзе весьма и весьма умны, мы вынуждены рассмотреть природу этой имеющейся у них дополнительной способности, которая, видимо, отсутствует у большинства других видов, а именно способности *мыслить целенаправленно*.

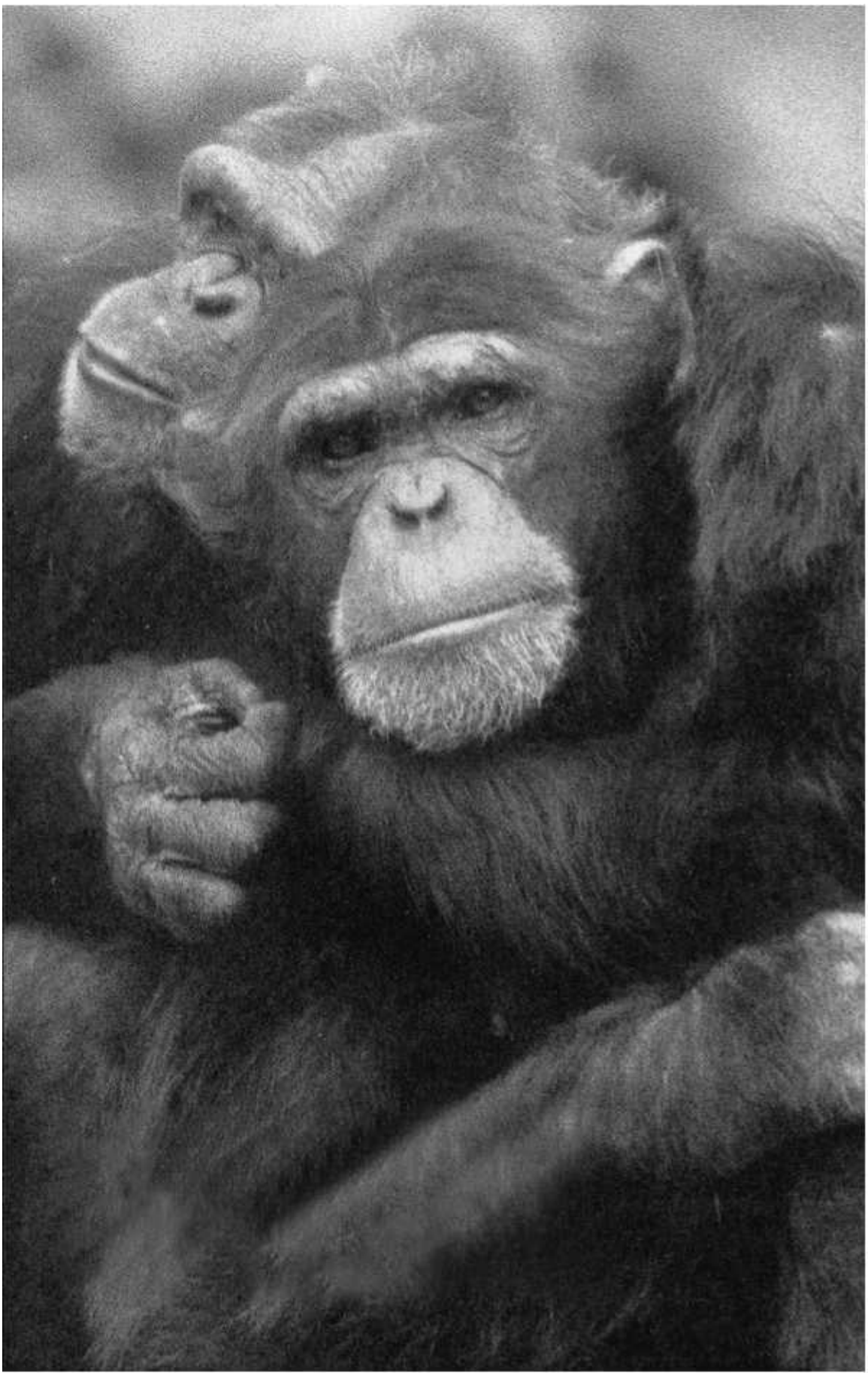
Когда крыса учится нажимать педаль, чтобы получить еду, она будет использовать ее, когда голодна, и остановится, когда еды уже достаточно. Крыса действует так только потому, что она узнала (более или менее случайно), что нажатие на педаль приводит к выдаче корма, и запомнила этот факт. Однако целенаправленное поведение шимпанзе может осуществляться и в тех случаях, когда нет никаких прошлых доказательств его эффективности. Похоже, что они могут придумывать эффективные решения непосредственно в актуальной ситуации, как в *примере 1*, когда Тепел разбудила Маму и указала на двух дерущихся детенышей, или в *примере 3*, когда она заткнула своего сына. Трудно понять, как Тепел могла бы случайно открыть, что такие действия позволят ей выпутаться из сложных ситуаций, в которых ей случалось оказаться. Можно ли сказать, что в этих случаях ей требовалось что-то намного большее, чем просто память?

С другой стороны, как такие решения можно отделить от социального опыта Тепел? Она продемонстрировала поразительную способность эффективно связывать множество прошлых впечатлений и случаев, включая ее знание о ссорах детей, спящих обезьянах, авторитете Мамы, а также о воздействии руки, положенной на рот. Дополнительной способностью, придающей поведению шимпанзе подобную гибкость, является их умение *комбинировать* различные элементы таких знаний. Поскольку их знания не ограничиваются знакомыми ситуациями, им не нужно прокладывать себе путь вслепую, когда они сталкиваются с новыми проблемами. Шимпанзе используют прошлый опыт в постоянно меняющихся практических приложениях.

Способность комбинировать элементы прошлого опыта ради достижения определенной цели называют *рассудком* и *мышлением* – более подходящих терминов просто не существует. Вместо того чтобы выверять тот или иной способ действий путем реальных проб и ошибок, шимпанзе способны взвешивать последствия выбора в своей голове. Результатом оказывается обдуманное рациональное поведение. Приматы учитывают такой объем социальной информации и они

столь тонко чувствуют настроения и намерения других, что выдвигались даже гипотезы, утверждающие, что их высокоразвитый интеллект сформировался для того, чтобы справляться с постоянно усложняющейся групповой жизнью. Эту идею, известную как «гипотеза социального интеллекта», можно применить и к случаю развития значительного по своим размерам мозга в нашем собственном роду^[5].

С этой точки зрения, техническая изобретательность является вторичным явлением: эволюция интеллекта приматов началась из-за потребности перехитрить других, распознать тактики обмана, достигнуть взаимовыгодных компромиссов и создать социальные связи, способствующие карьере. И шимпанзе, очевидно, преуспели в этой области. Их технические навыки уступают нашим, но в отношении их социальных навыков я не был бы так уверен.

Дэнди и Спин

I. Личные черты

Шимпанзе – животные с ярко выраженными личными чертами. Их лица излучают характер, и вы можете отличить одного шимпанзе от другого с той же легкостью, с какой вы различаете людей. По-разному звучат и их голоса, так что даже спустя годы я могу на слух отличить один голос от другого. У каждой обезьяны своя походка, она по-своему укладывается или сидит. Я могу узнать их даже по тому, как они поворачивают голову или чешут спины. Но когда мы говорим о личных чертах, мы в первую очередь имеем в виду различия в их отношении к членам общей группы. Эти различия можно точно отобразить, лишь используя те же прилагательные, что и в случае людей. Поэтому в этой главе, где мы впервые знакомимся с отдельными обезьянами, будут использоваться такие термины, как «самоуверенный», «счастливый», «гордый» и «расчетливый». Эти термины отражают мое субъективное впечатление от обезьян, т. е. являются антропоморфизмом в чистом виде.

То, что мы воспринимаем обезьян в качестве самостоятельных личностей, доказывается уже снами тех, кто с ними работает. Во сне мы видим их как индивидов – точно так же, как людям снятся другие люди именно в качестве индивидов. Если какой-либо студент говорил мне, что видел во сне обезьяну, я удивлялся этому не больше, чем сообщению о том, что ему приснился какой-то человек.

Я хорошо помню первый мой сон о шимпанзе. В нем проявилась моя обеспокоенность дистанцией между мной и ими. Во сне я увидел, как передо мной изнутри открывается большая дверь в их загон. Обезьяны толкали друг друга в сторону, чтобы взглянуть на меня. Йерун, самый старый самец, вышел вперед и потряс меня за руку. Довольно нетерпеливо он выслушал мою просьбу войти. Но тут же отказал мне. Он сказал, что это не обсуждается, к тому же, их общество не подошло бы мне: для человека оно слишком грубое.

Четыре самца

Йерун, Лейт, Никки, Дэнди

Женская подгруппа «Мама»

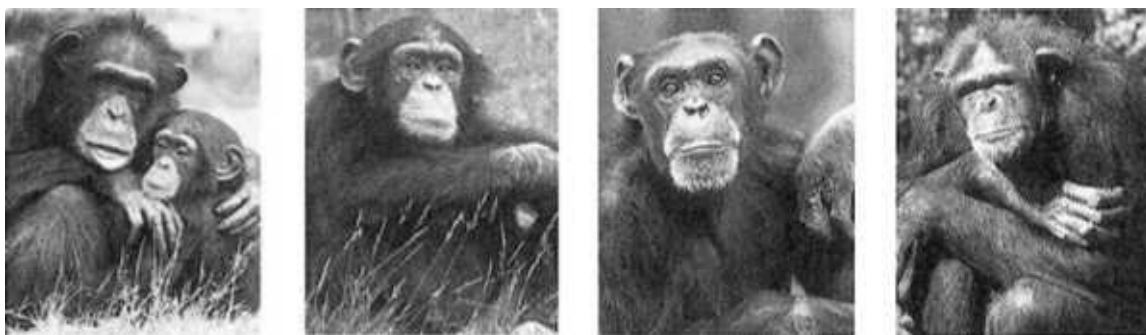
Амбер, Мама и Моник, Горилла и Розье

Фоне, Франье

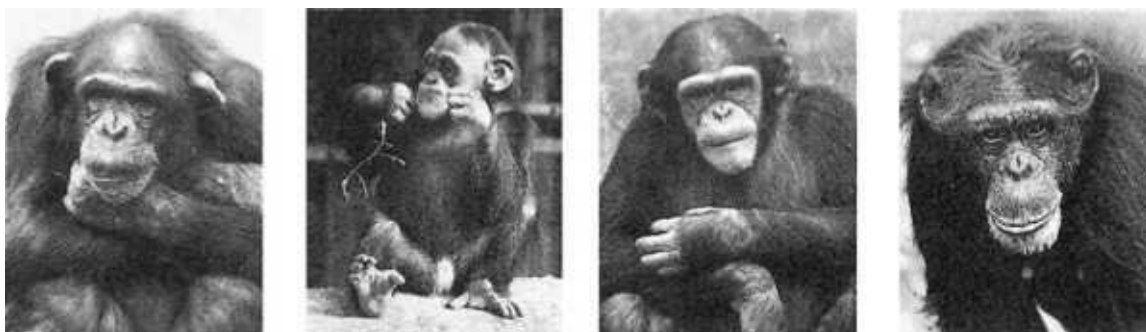
Исследователи других животных раньше критиковали привычку приматологов давать каждой особи имя. Они считали, что такие имена ведут к неоправданному очеловечиванию животных. Их неявная посылка заключалась в том, что внимание к индивидуальным различиям не настолько важно, как поиск типичного для вида поведения. Сегодня, конечно, не только приматологи понимают, что поведение животных не может быть осмыслено, если не учесть уникальные генетические характеристики, жизненную историю и социальный фон каждой особи. Первыми учеными, которые стали широко применять идентификацию индивидов, были японские приматологи, внедрившие этот прием в 1950-х годах. Они применяли цифровые номера, благодаря которым, вероятно, их исследования казались более объективными, чем у Джейн Гудолл, использовавшей такие имена, как Хамфри и Фло, но принцип оставался тем же. Каждый наблюдатель, работавший с номерами, сообщает, что после определенного периода времени цифры начинают звучать точно так же, как имена, – вероятно по той причине, что мы, люди, автоматически мыслим, представляя себе личностей с именами.

Женская подгруппа «Джимми»

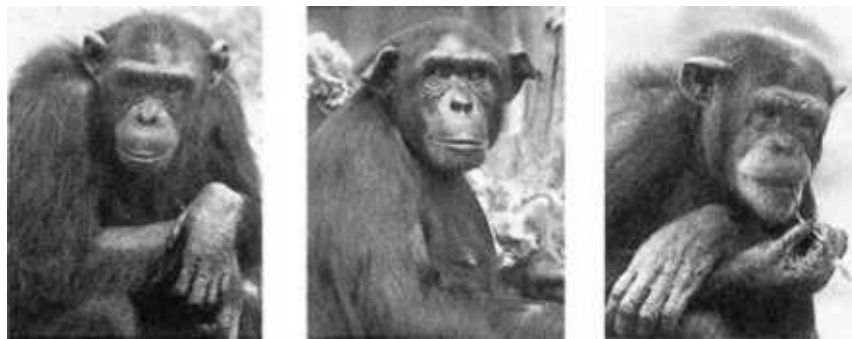

Джимми и Джеки Джонас, Кром, Спин

Женская подгруппа «Тепел»

Тепел, Тарзан, Ваутер, Пейст

Зварт, Ор, Хенни

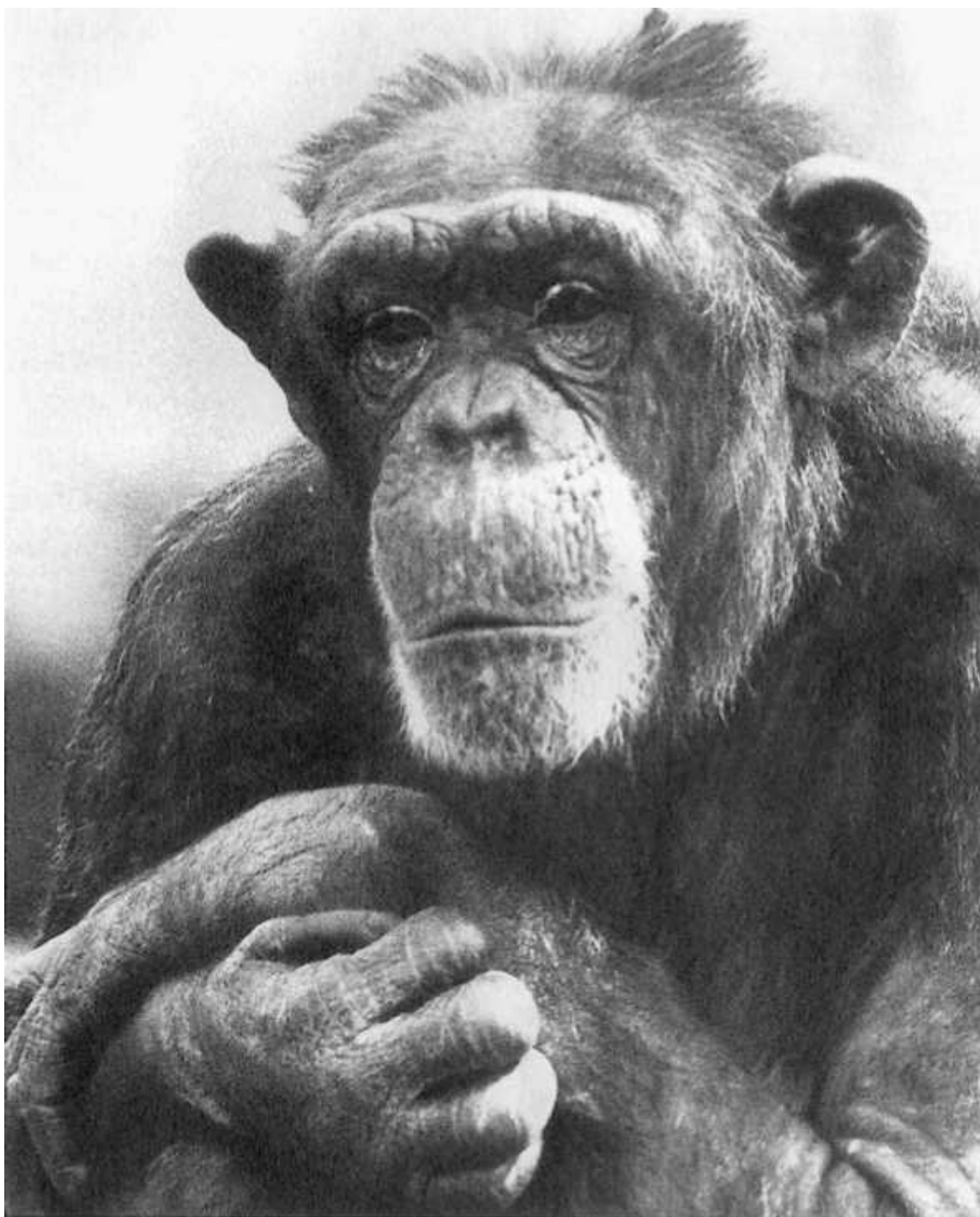
В 1979 г., когда я начал готовить эту книгу, в колонии было двадцать три члена. Семь обезьян – три самки и четыре самца – были особенно влиятельны, и они описываются отдельно. Шестнадцать остальных были в основном самками и их детенышами, относящимися к трем женским подгруппам, сформировавшимся вокруг первых матерей колонии. Оценки возраста обезьян относятся к 1979 г.

Большая мама

Самая старая наша шимпанзе – это самка, которой, по нашим оценкам, около сорока лет. (Максимальный зафиксированный возраст шимпанзе в неволе – пятьдесят девять лет. В дикой природе они, вероятно, никогда не живут так долго.) Мы называем ее Мамой. Ее взгляд излучает огромную силу. Она смотрит на нас оценивающими и всепонимающими глазами старой женщины.

Мама пользуется огромным уважением в сообществе. Ее центральное положение сравнимо с положением бабушки в испанской или китайской семье. Когда напряжение в группе достигает максимума, противники всегда обращаются к ней – даже взрослые самцы. Много раз я видел, как конфликт двух самцов завершается в ее объятьях. Вместо того, чтобы на пике столкновения использовать физическую силу, соперники бегут с громкими криками к Маме.

Наиболее убедительное доказательство ее примиряющей роли было предоставлено, когда вся группа накинулась на Никки. Несколько месяцев назад Никки стал альфа-самцом, и силовые действия с его стороны часто все еще встречали отпор. На этот раз все обезьяны, включая Маму, стали его гонять, громко крича и лая. В конце концов, обычно столь внушительный Никки залез высоко на дерево, где уселся, дрожа от страха, в полном одиночестве. Все пути отхода были отрезаны. Каждый раз, когда он собирался спуститься, обезьяны снова загоняли его обратно. Спустя примерно четверть часа ситуация изменилась. Мама медленно влезла на дерево, тронула Никки и поцеловала его. Затем она слезла вниз вместе с Никки, который шел за ней. Теперь, когда Мама вела его за собой, никто уже не был против.

Мама выполняет центральную роль в группе. Она не только осуществляет стабилизирующее и примиряющее воздействие на нее, но и является лидером коллективной женской власти. Ни один из самцов не может ее игнорировать

Никки, явно все еще возбужденный, помирился со своими противниками.

Мама – леди изрядных размеров. Она весьма осаниста и крепко сбитая. Ходит она медленно, а забирается на деревья с заметным усилием. Иногда лицо у нее кривится – скорее всего, ее вес сказывается на суставах, и они болят. Когда колонию только создали, Мама была намного более проворной; и как могло бы быть иначе, ведь она была вожаком группы, доминирующим не только над взрослыми самками, но и над взрослыми самцами.

Взрослые самцы были добавлены к колонии позже. Мама занимала позицию вожака уже примерно восемнадцать месяцев, когда 5 ноября 1973 г. внезапно на сцене появились три взрослых самца. Они не претендовали на ее власть, напротив, они с трудом сдерживали кусающихся, пихающихся и норовящих ударить их самок.

Три больших самца в страхе прижимаются друг к другу на самом высоком барабане, в то время как самки агрессивно толпятся вокруг них, дергая их за ноги и волосы. Одна из самок демонстрирует себя на переднем плане

Стояла зима, а потому обезьяны жили в большом закрытом помещении. Каждое утро сначала выпускали трех новых самцов. Один из них, Йерун, сразу бежал, вздыбив шерсть и ухая, к большим барабанам. За ним вплотную бежали два других – оба кричали и постоянно боязливо озирались. Три самца становились рядом друг с другом и пристально следили за коридором, из которого должны были появиться самки. Затем самцы вставали, сгрудившись, на самый высокий барабан, а самки бросались на них снизу. Все это происходило по команде Мама и ее подруги Гориллы. Они кусали самцов за ноги и тянули их за волосы. Жертвы защищали себя как могли, но это лишь усиливало агрессивные выпады самок. То, что взбешенные самки внушали им страх, легко было опознать по сильным крикам, диарее и рвоте.

Спустя несколько дней некоторые шимпанзе начали общаться с самцами, хотя и достаточно настороженно. Даже Горилла, правая рука Мама, становилась все более дружелюбной с новоприбывшими. Она выказала явное предпочтение Йеруну. Это предпочтение сохранилось, и оно сыграет важную роль в процессах последующих лет. Но все равно, несмотря на опасливые попытки сблизиться, предпринимаемые обеими сторонами, то и дело вспыхивали ожесточенные конфликты. Мама видела, что ее положение под угрозой, и ни в коей мере не собиралась принять самцов.

Ситуация радикально изменилась благодаря человеческому вмешательству. Через две недели

после присоединения самцов Маму и Гориллу удалили из группы. В последующие месяцы Йерун смог настолько впечатлить остальных шимпанзе, что они подчинились ему. Основным средством Йеруна стали так называемые барабанные концерты, когда он долго и ритмично бил по большим полым металлическим барабанам. Во время таких концертов все здание тряслось от звука его барабанов. В заключение к своим барабанным соло он, вздыбив шерсть, внезапно прыгал в гущу других обезьян и устраивал дикую взбучку. Каждый, кто не успевал отскочить от него, награждался тумаками.

Через три месяца стало ясно, что Йерун крепко сидит в седле. Только после этого Маму и Гориллу пустили обратно в группу. Конечно, результатом стало весьма болезненное столкновение! Исследователь, наблюдавший и записывавший все эти зрелищные сцены, Титиаван Вульфтен Пальче, написала в своем докладе:

Вступление Мамы и Гориллы в зал вызвало у шимпанзе огромное возбуждение, его сопровождал оглушающий гвалт. Сцена напоминала те, что случались в самом начале. Три взрослых самца взгромоздились друг на друга на самом высоком барабане, и постоянно кричали. Из страха перед самками у них случился понос. Когда помет попал на ногу Мамы, она неторопливо очистила свою шерсть куском растрепанной веревки. Мама была настроена крайне агрессивно к трем самцам и кидалась на них со всей силы.

Но теперь было заметно одно различие. Маму не поддерживали другие члены группы, даже Горилла, которая уже через десять минут после входа в помещение начала дружелюбно общаться с Йеруном. Крах солидарности самок означал, что Маму вскоре перестали бояться. Через несколько недель ее сместили. С этого момента главным стал Йерун.

Временное устранение Мамы и Гориллы из группы привело к распаду крепкого союза, который образовывал основу их власти над самцами. Хотя это произошло задолго до того, как я начал свои исследования в Арнеме, меня часто упрекали за это вмешательство, особенно феминистки. Почему мы хотели, чтобы власть досталась самцам? Разве Мама чем-то была плоха?

У вмешательства было несколько причин. Известно, что в дикой природе доминируют взрослые самцы. Скорее всего, наши самцы захватили бы власть и без вмешательства людей, но позднее и с большими трудностями. Судя по всему, они не одержали бы победы зимой, в подавлявшем их закрытом помещении. В более просторном открытом вольере самцы смогли бы держаться вдалеке от Мамы и других самок. Возможно, они осмелели бы и постепенно, неделя за неделей, стали бы совершать все более вызывающие устрашающие демонстрации. Под открытым небом у них бы также появилась возможность изолировать Маму от ее сторонников, чтобы поколотить ее, когда она останется одна. Взрослые самцы сильнее и проворнее самок.

Мама и Моник

Этого более естественного развития событий не стали ждать, поскольку была неотложная причина, требующая ограничить власть Мамы. До присоединения к группе самцов частота травмирования составляла примерно одну обезьяну в неделю, и до выздоровления животное приходилось изолировать. В основном, травмы были работой Мамы. Она не только сильно кусалась, но даже пускала кровь и иногда разрывала своей жертве кожу. Хотя самцы никак не могут считаться милашками, они редко демонстрируют столь опасные формы агрессии. Похоже, они лучше контролируют свою агрессию. Кроме того, они блокируют эскалацию конфликтов самок, вмешиваясь в их драки.

Если оценивать по количеству травм в группе, захват власти Йеруном улучшил ситуацию. Особенно выгодным этот переворот стал для особей с наименьшим рангом. Теперь вместо Мама с ее яростными атаками был Йерун, который мог быть жестоким, но никогда не заходил слишком далеко^[6].

С годами Мама сильно изменилась. В первые годы существования колонии, когда она была носительницей высшей власти, обычно она устраивала устрашающие демонстрации точно так же, как самец. Вздвигив шерсть, она ходила, топая ногами. Ее личным трюком был особенно сильный удар по металлическим дверям. В момент удара она порой раскачивала свое коренастое тело меж двух длинных рук как качели. Оперевшись руками в землю, она вскидывала ноги к двери, нанося очень мощный удар. Звук напоминал взрыв.

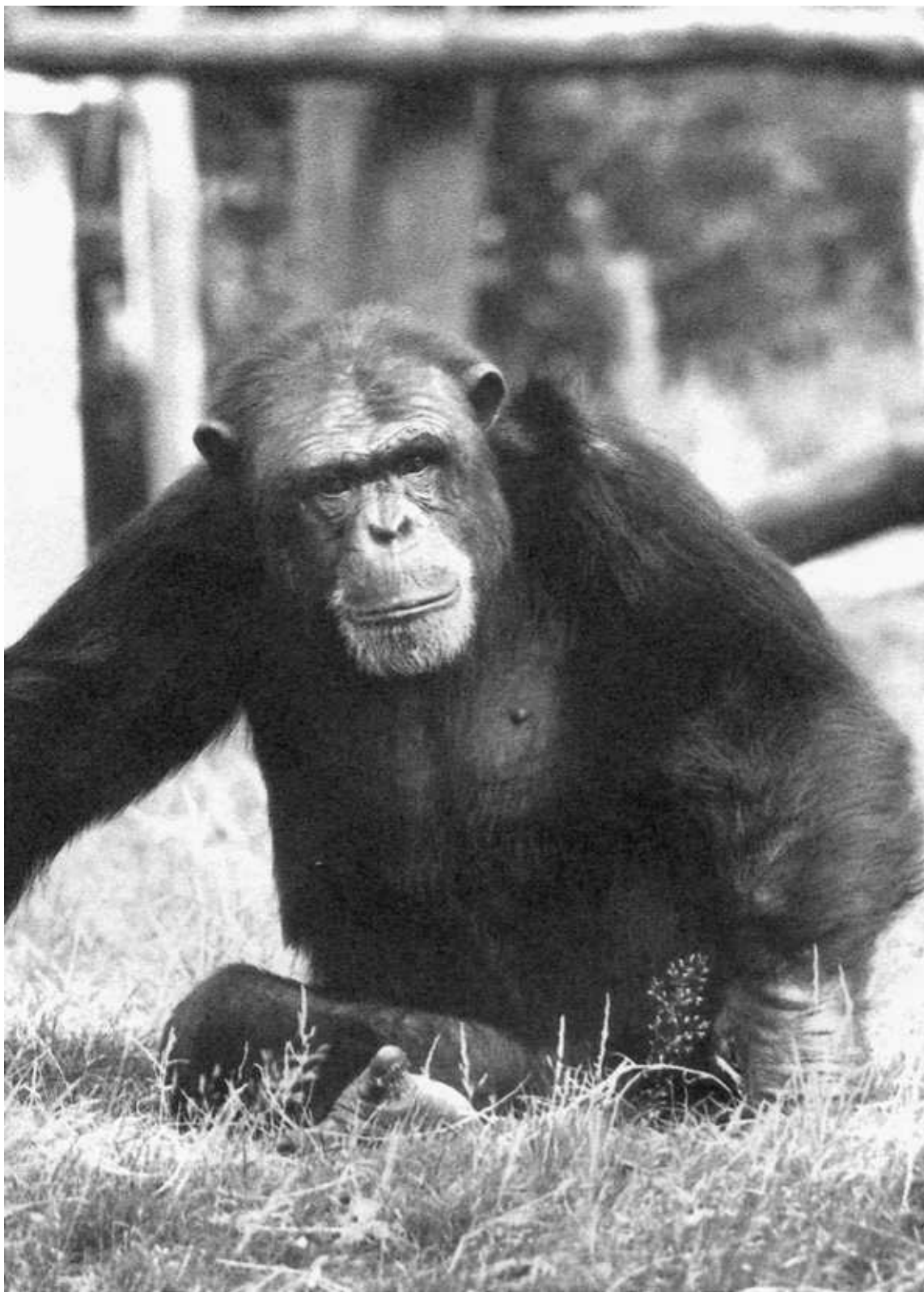
Мне почти не довелось слушать эти удары. Когда я начал работать в Арнеме, прошло уже два года со смещения Мама. В это время у нее как раз был переходный период. Она стала демонстрировать меньше мужского поведения, направленного на устрашение, однако у нее тогда еще не появилось и большого интереса к потомству. В этот год она родила малыша, но не хотела сама с ним нянчиться. Она постоянно пыталась отдать его своей подруге Горилле. В конце концов, мы забрали у нее младенца и кормили его сами из бутылочки. Такой же была судьба многих молодых шимпанзе в первые годы колонии.

Мама приняла своего следующего детеныша, который родился через два года. Кажется, что она смирилась со своим новым положением в группе только в этот момент. Она явно стала более спокойной и терпимой. Ее дочь Моник живет теперь как принцесса. Мама крайне нежна и заботлива. Любой член группы понимает, что гнев старой самки легко разгорится до прежней ураганной мощи, если тронуть хотя бы волосок ее дочери. Таким образом, Моник унаследовала какую-то часть того беспримерного уважения, которым пользуется в колонии ее мать.

Йерун и Лейт

Два самых старых самца в группе, Йерун и Лейт, давно знают друг друга. Оба они приехали из зоопарка Копенгагена, и, скорее всего, до нашей колонии они вместе провели годы в одной и той же клетке. С самого начала Йерун доминировал над Лейтом. Вероятно, он на несколько лет старше. Мы считаем, что Йеруну около тридцати, а Лейту – двадцати пяти лет.

Лейт отличается игривым и непослушным характером. Он излучает юношескую силу, тогда как Йерун производит более солидное впечатление. В бороде Йеруна больше седых волос, он ходит и лазает не так ловко, как Лейт. Все это указывает на то, что Йерун – старший в их паре, однако самый важный показатель – уменьшение его выносливости. Его устрашающие демонстрации обычно не слишком длительны. Он может быть очень внушительным, но быстро устает. Иногда после очередной тяжелой эскапады он сидит с закрытыми глазами, тяжело дыша. Если по той или иной причине он продолжает свою устрашающую демонстрацию, он может поскользнуться или споткнуться, а при прыжках с одной ветки на другую его хватка может ослабеть. Все эти признаки усталости не ускользают от внимания его противников. Это стало ясно в период, когда Лейт занял позицию соперника Йеруна. Во время взаимных устрашающих демонстраций Лейт порой удваивал свои усилия, когда видел, что Йерун устает.

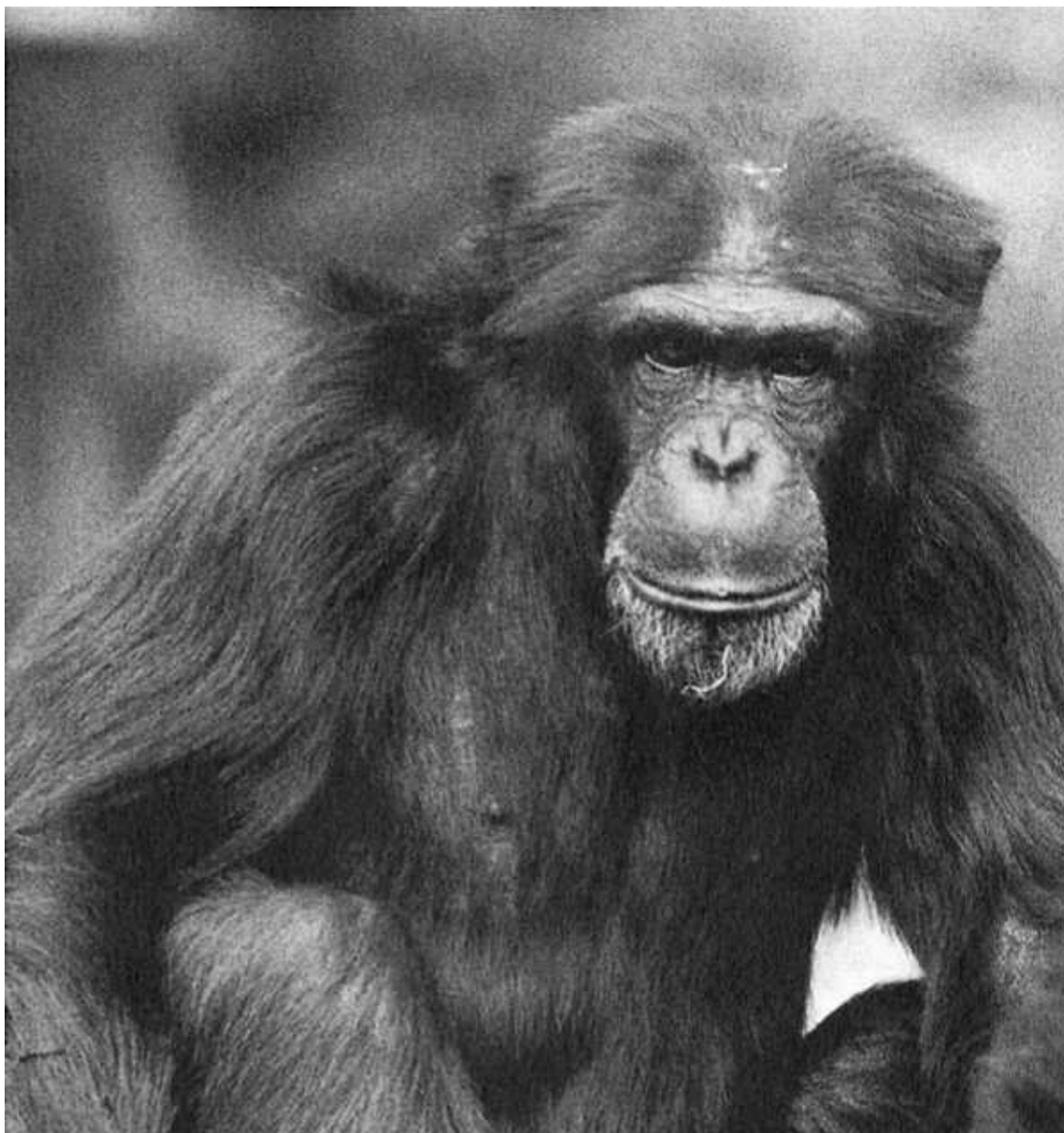
Йерун, старый лис

Поскольку у них одна и та же общая история, можно назвать Йеруна и Лёйта старыми товарищами. Однако эта их неоспоримая связь часто ставится под вопрос разногласиями. В жизни колонии они разошлись в противоположные стороны. Самое большее, что мы можем про них сказать: они – друзья-соперники. То, что они не до конца согласны друг с другом, на самом деле, немного удивляет. Я всегда думал, что вместе они будут стоять на вершине группы. Возможно, хорошо, что этого не случилось, поскольку тогда процессы, разворачивающиеся в группе, были бы далеко не такими интересными.

Поскольку я знаю обоих самцов в разных ролях, разыгрываемых на протяжении лет, я могу оценивать их характеры. В противном случае это было бы не так просто. Если бы, например, мы

знали самца только в роли альфа-самца, мы, вероятно, думали бы, что он очень самоуверен. Но это совершенно не обязательно. Как только его положению будет что-то серьезно угрожать, его самоуверенность может испариться.

Йерун по природе расчетлив. Он тщательно блюдет свои интересы, порой даже с некоторой нервозностью. Все остальные не в счет, когда ему нужно достичь своей цели. Он настоящий махинатор, как покажут будущие эпизоды.

Лейт

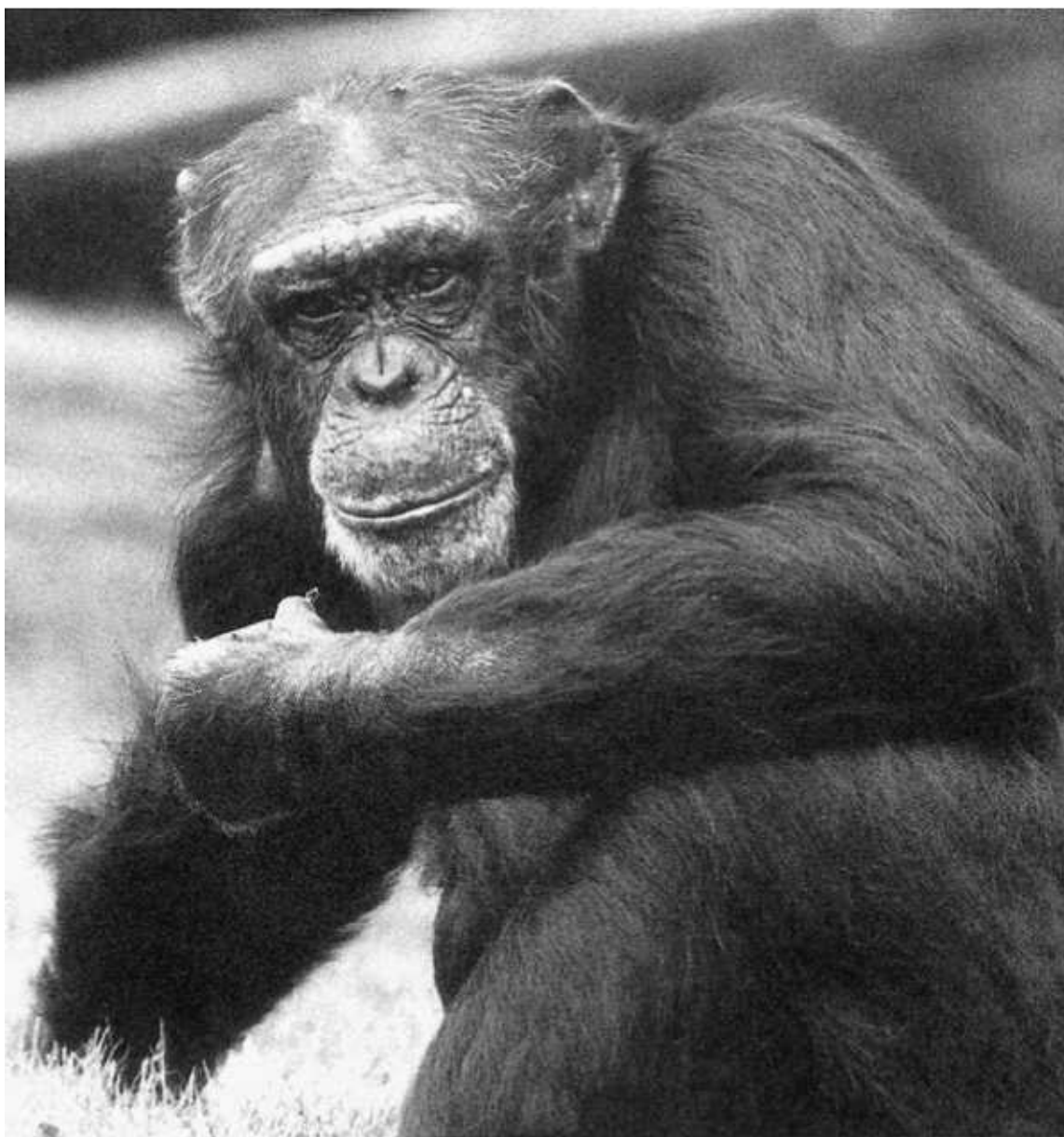
Проблема Йеруна не только в возрасте и постоянно снижающейся выносливости, являющейся основой состязаний, но и в серьезном физическом недостатке. Когда у него эрекция, его пенис цепляется за подкожную складку и не высовывается наружу. У него нормальное влечение к спариванию, и он регулярно залезает на самок, но не может оплодотворить их. Его дважды оперировали, но без особого эффекта.

Лейт – гораздо более общительный индивид, чем Йерун. У него открытый и дружелюбный характер, он настоящая душа компании. Он, похоже, почти всегда в хорошем настроении и производит впечатление «надежности». Некоторые исследователи, знакомые с шимпанзе, независимо друг от друга говорили мне, что, понаблюдав за Йеруном, можно прийти к выводу, что он «обведет вас вокруг пальца», тогда как Лейт кажется тем, «на кого можно положиться».

Лёйт гордится своей силой и сознает ее. Когда он устраивает устрашающую демонстрацию, это всегда красивое зрелище, наполненное ритмом и силой. Ни один другой шимпанзе не выглядит столь внушительным и в то же время элегантным.

Пёйст

Пёйст – взрослая самка исключительно крепкого сложения, когда она идет или стоит, у нее довольно дюжий вид. Эксперты по шимпанзе, которые видят ее спереди, часто удивляются потом, когда замечают со спины, что это самка. В половом отношении она также отличается странностями: она отказывается спариваться. Поскольку она никогда не принимает ухаживания самцов, у нее каждый месяц возникает набухание половой кожи – из года в год. (Так же, как и у людей, у шимпанзе менструальный цикл нарушается во время беременности и в период кормления.) Соответственно, она регулярно оказывается привлекательной для самцов, но недоступна для них.

Пёйст – «Мадам»

Но Пёйст не равнодушна к сексу. Во-первых, она мастурбирует. Хотя самоудовлетворение у обезьян в неволе – явление нередкое, в нашей группе такая привычка есть только у Пёйст. Любопытно, что она занимается им только тогда, когда у нее не «розовый период». Она

совершает быстрые движения пальцем во влагалище в течение примерно минуты. По ее лицу ничего сказать нельзя, но у нее должны быть какие-то приятные ощущения, иначе зачем ей это делать?

Во-вторых, она время от времени ведет себя как лесбиянка. Когда у другой самки заметно набухание генитальной области, Пейст может пригласить ее к половому контакту. Иногда самка принимает ее приглашение, и тогда Пейст быстро взбирается на нее, толкая ее точно так же, как самцы во время спаривания.

Ее интерес к самкам заходит еще дальше. Когда взрослые самцы собираются вокруг сексуально привлекательной самки, Пейст часто оказывается среди них. В такие моменты среди самцов возникает напряженная атмосфера конкуренции. Время от времени один из них изъясняет готовность спариться с самкой, и порой кажется, что у Пейст, как и у самцов, тоже есть право высказаться о том, какой контакт одобряется. Иногда она присоединяется к самцам, которые пытаются предотвратить такой контакт агрессивными действиями. В других случаях, когда самка отклоняет ухаживания, она может рассчитывать на безоговорочную поддержку со стороны Пейст, если самец все же не отступает. Мы часто в шутку называем Пейст «Мадам», поскольку она выполняет эту роль регулятора половых контактов.

У каждого из нас свои любимцы среди обезьян. Но если речь о самом неприятном члене группы, то по этому вопросу установился удивительный консенсус – почти все считают таким членом Пейст. Ее даже сравнивают с ведьмой. Она производит впечатление двуличной и вероломной. Пейст не только часто оказывается в одной компании с самцами, но и в одной «лиге» с ними. За пределами сексуального контекста она в целом не готова солидаризоваться с другими самками. И если другие самки защищают друг друга от агрессии самцов, Пейст обычно присоединяется к противоположной стороне. Когда какой-либо самец атакует самку, Пейст порой тоже набрасывается на нее, кусает или бьет. Она также может с успехом натравить самцов на других самок. Поэтому неудивительно, что самки, находящиеся в подчиненном положении, страшно боятся ее.

Помимо этой зловредности, у Пейст есть еще одна черта, которую можно назвать лживостью или лицемерием. Если Пейст не удастся совладать со своей противницей во время драки, она может потом медленно подкрасться к ней и неожиданно на нее наброситься. Она также может пригласить противницу помириться – как это обычно делают обезьяны. Она протягивает свою руку, а когда другая с некоторыми колебаниями кладет в ее руку свою, она внезапно хватает ее. Такие случаи наблюдались не раз: похоже, что это осознанные попытки изобразить добрые намерения, чтобы свести счеты. Независимо от того, являются такие действия обманом или нет, из-за них Пейст стала непредсказуемой. Обезьяны с низким рангом приходят в замешательство при ее приближении: они ей не доверяют.

Если не считать особую связь с одной из самок, Тепел, Пейст выпадает из центральной группы самок. Она – единственный взрослый член группы, который в среднем проводит больше времени с взрослыми особями противоположного пола, чем своего. Таким образом, она занимает промежуточную позицию между мужской и женской сферами колонии. Поскольку эти сферы с годами все больше расходятся, Пейст со временем может сыграть роль важного связующего элемента. Интересно то, что в диком сообществе Гомбе также была очень большая и похожая на самца самка Гиги. Она была бесплодной и четко ассоциировала себя с самцами. Большое различие между Гиги и Пейст в том, что Гиги не отказывалась от половых контактов с самцами^[7].

Горилла – самка шимпанзе с черным лицом и прямой спиной, прямо как у гориллы. Вместе с Мамой и Пейст она относится к числу наиболее влиятельных самок колонии. Но если две других отличаются весьма крепким сложением, Горилла изящна и стройна. Но несмотря на хрупкое телосложение, у нее довольно грубый характер. Она «знает, чего хочет». На ее лице можно прочесть решимость, и она четко преследует свои цели. Предположительно, высокий социальный ранг Гориллы определяется ее крепкой связью с Мамой. Вместе с Мамой и еще одной самкой, Франье, она приехала из зоопарка Лейпцига. Мама и Горилла с самого начала поддерживали друг друга. Они не только часто вместе отбиваются от агрессоров, но также находят друг у друга утешение и подмогу. Когда одна из них попадает в передрагу, она бежит к другой, чтобы та ее обняла. Потом они буквально ревут друг у друга в объятьях. Иногда этот контакт, похоже, позволяет им внезапно набраться смелости – и тогда вдвоем они яростно набрасываются на противника. И ни одна обезьяна не решится им перечить, пусть даже из самцов.

Горилла без ума от молодых шимпанзе, она опекала и защищала детенышей Мамы и Франье – Моник и Фонса. Годами она оставалась в положении «тетушки», поскольку все ее собственные детеныши умирали в течение нескольких недель. Это, очевидно, не было связано с тем, как она обращалась со своим потомством. Скорее всего, у нее было слишком мало молока.

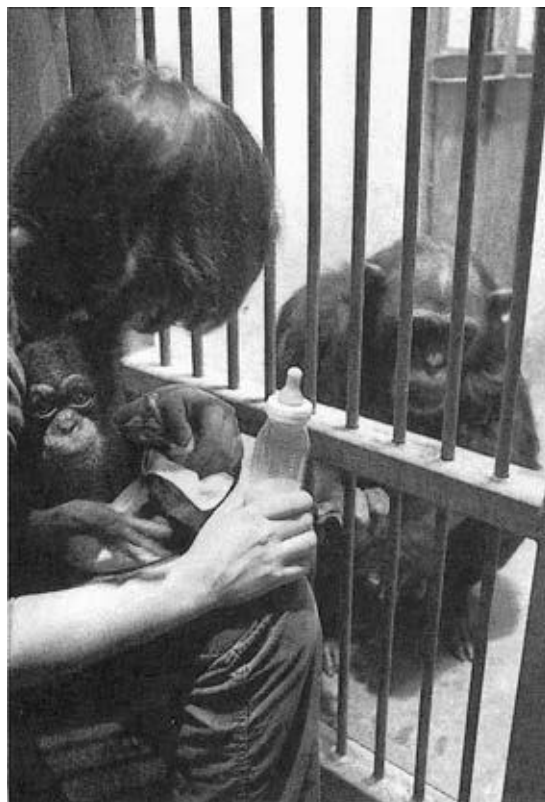
Горилла

Эту печальную ситуацию удалось изменить в 1979 г. в результате уникального эксперимента, который получил широкую известность. Если кратко, мы научили Гориллу кормить детеныша шимпанзе из бутылочки. Детеныш, Розье, не был ее собственным. После того как за Розье десять недель ухаживали люди, Горилла приняла ее. С этого момента Розье не отходила от своей приемной матери и полностью от нее зависела. Горилла постоянно ухаживала за ней и не

только кормила ее из бутылочки, но через неделю начала и сама давать молоко. Скорее всего, ее соски были стимулированы Розье, которая сосала их. После этого Розье стала получать более половины своего дневного рациона от Гориллы, а остальную часть – из бутылки.

Когда мы с кипером Моникой тен Тейнте начали этот эксперимент, мы сразу же столкнулись с двумя затруднениями. Первое можно было ожидать: Горилла, которая сама любит молоко, пыталась опустошить бутылку Розье. Мы стали отучать ее от этого, ругая и демонстрируя ей наше недовольство. Второе затруднение оказалось неожиданным: Горилла была невнимательной к инструкциям. Каждый день Моника садилась перед ее ночной клеткой с Розье и показывала ей, как кормить из бутылочки детеныша. Мы надеялись, что Горилла станет ей подражать, но нам не повезло. Горилла даже не смотрела на Моника; она продолжала глядеть в противоположном направлении. Этот взгляд в сторону определялся не отсутствием интереса, поскольку она на самом деле хотела максимально сблизиться с детенышем. Тот же феномен наблюдается в тех случаях, когда самка присоединяется к группе с новорожденным детенышем. Некоторые обезьяны, особенно молодые самки, постоянно слоняются вокруг детеныша, но демонстративно отводят взгляд каждый раз, когда на них смотрит его мать. Так они скрывают свою заинтересованность – возможно, если бы их интерес был слишком явным, это бы раздражало мать. Горилла вела себя точно так же с Моникой, и, вероятно, по этой причине подражание почти не сыграло никакой роли в процессе обучения.

Вместо этого нам пришлось обратиться к процедуре выработки условных рефлексов. Шаг за шагом мы всему учили Гориллу, поощряя ее разными вкусами. Через несколько недель этой тренировки, когда она уже удочерила детеныша, она начала проявлять признаки понимания. Она стала делать вещи, которым мы ее не учили, но которые при этом были совершенно осмысленны. Например, если Розье случалось подавиться, Горилла быстро вынимала соску из ее рта и возвращала только после того, как детеныш прокашлялся. После этого мы почувствовали, что можем полностью переложить кормление на Гориллу.

Розье («Маленькая Роза») – первое животное в мире, выкормленное из бутылочки представителем своего вида

На с. 86: уроки кормления проходили, когда Горилла находилась в своем спальном загоне (сверху слева). Главной нашей задачей было не дать Горилле самой выпить молоко. Не желая отказываться от вкусного напитка (с н и зу), она кричит в ответ на наши упреки. Но потом наступает великий момент: Горилла наконец находит детеныша в соломе своей клетки (сверху справа)

Благодаря жизни с Гориллой в колонии у Розье теперь намного более естественное детство, чем ей могли бы предложить люди. И для самой Гориллы успех эксперимента по удочерению оказался крайне важным. Каждый раз, когда умирал один из ее детенышей, она впадала в своеобразную депрессию. Неделями она сидела, сжавшись в углу, не реагируя на происходящее вокруг. Иногда она ни с того ни с сего начинала плакать и скулить. Все это изменилось после того, как она удочерила Розье. В последующие годы Горилла смогла точно так же выкармливать из бутылочки собственных новорожденных, хотя потребность в таком кормлении оказалась меньше, чем предполагалось. Розье, которая потом тоже кормила грудью, вероятно, настолько

удачно простимулировала выработку молока у Гориллы, что ее последующему потомству понадобилось меньше прикорма.

Никки и Дэнди

Итак, мы познакомились со всеми основными героями политической драмы. Мама, Йерун, Лейт, Пейст и Горилла могли бы годами жить в устойчивой группе, если бы не Никки. Он – молодой герой этой истории, не то чтобы славный или трагический, скорее, движущая сила, стоящая за всеми изменениями. Его безудержная энергия и бурное, вызывающее поведение оказались катализатором. Постепенно он подорвал структуру всей группы. В холодные дни Никки разогревает других обезьян своей беспрестанной активностью, а в теплые – мешает им спать.

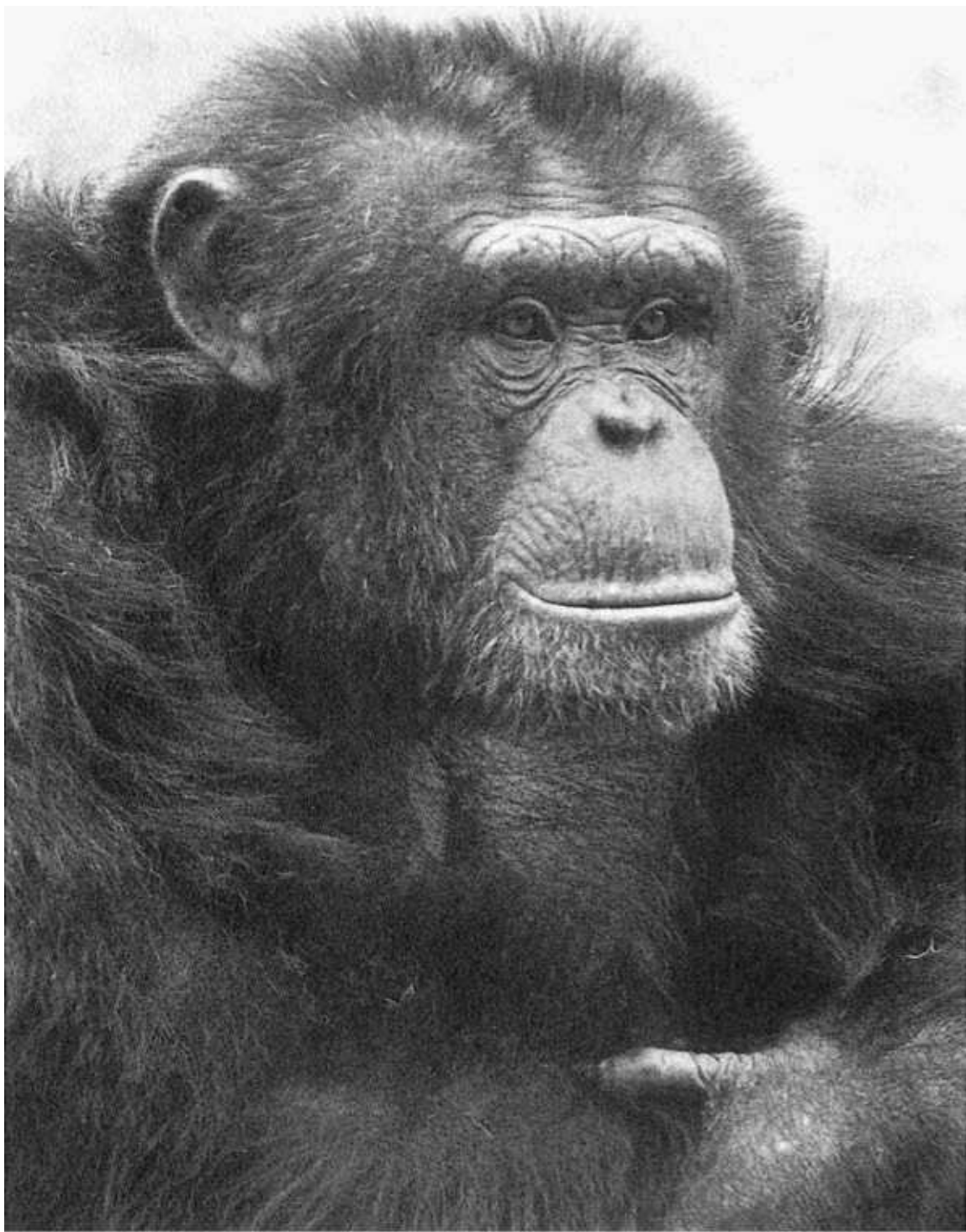
Никки выглядит как деревенский увалень – гора мышц, широкая голова и несколько туповатое выражение лица. Однако внешний вид может быть обманчивым. Он чрезвычайно изобретателен и проворен, это самый главный акробат во всей группе. Его устрашающие демонстрации характеризуются зрелищными прыжками и пируэтами. До того как прибыть к нам, Никки какое-то время выступал в шоу *Holiday on Ice Revue*. Когда он достиг половой зрелости, его владельцы поняли, что должны от него избавиться, вероятнее всего, из-за начавшего проявляться у него сексуального интереса. Он к тому же быстро становился очень сильным, и у него начали резаться клыки (зубы взрослого самца шимпанзе не менее опасны, чем зубы пантеры).

Когда Никки присоединился к нашей колонии, ему было примерно десять лет. В то время он был размером с Дэнди, самца около восьми лет. Но если в возрасте двенадцати лет у Никки был взрывной рост, с Дэнди такого не случилось, так что в результате Никки теперь почти в два раза больше. Дэнди – полная противоположность Никки. У него стройная фигура, а в его глазах видны острый ум и восприимчивость. Дэнди в нашем семействе – интеллектual. Все считают, что в группе он – самый умный. Он может одурачить не только остальных обезьян, но и людей. Самый замечательный случай такого рода я наблюдал, когда с ним начал работать временный кипер. Он ворчал на Дэнди, поскольку того уже несколько дней по утрам сложно было выманить из клетки. Дэнди просто отказывался выходить в то время, когда выходили остальные обезьяны. Я посоветовал киперу продержат Дэнди один день без еды с целью наказания. Эта суровая мера хорошо срабатывала в предыдущих случаях. Однако кипер придумал то, что сам он считал гораздо более умным планом. Несколько дней спустя он с гордостью продемонстрировал мне результат. Другие обезьяны уже вышли, тогда как Дэнди сидел внутри, высунув руку. Кипер положил в нее два банана, после чего Дэнди быстро вышел наружу. Кипер считал, что научил Дэнди выходить, тогда как, по-моему, скорее уж Дэнди надрессировал кипера давать ему бананы. Я вздрогнул при мысли о том, что могли бы уготовить нам другие обезьяны, если бы поняли, какие возможности сулит им подобный шантаж.

Замечательный ум Дэнди проявился во множестве случаев. Например, нам никогда не приходилось иметь с дело с побегом шимпанзе, в котором не был бы замешан Дэнди. Это указывает на то, что он является зачинщиком таких побегов, и в некоторых случаях нам это доподлинно известно.

Социальная позиция Дэнди такова, что ему необходимо весьма тщательно обдумывать все свои действия. Подростковый период у самцов шимпанзе длится несколько лет. Они достигают половой зрелости в возрасте примерно восьми лет, однако социально зрелыми их можно назвать не ранее пятнадцати. В эти переходные годы самец все больше отстраняется от самок и детенышей, однако другие самцы пока еще не принимают его как равного. В естественной среде

эти самцы-подростки обычно бродят в одиночестве. Иногда они целые дни проводят с матерью и более юными родственниками. Временами они пытаются прибиться к группе взрослых самцов. Самцов-подростков притягивают старшие успешные самцы, но от них они получают резкий отпор и затрещины. Пока они не завоюют себе место в иерархии самцов, они находятся в незавидном положении, не принадлежа ни тому лагерю, ни другому. Для Дэнди, в отличие от Никки, муки пубертатного периода все еще не закончились.

Никки

Минус его положения, если сравнивать его с дикими соплеменниками, в том, что у него больше нет матери, к которой он мог бы обратиться, так что он не может избежать грубостей взрослых самцов. Похоже, одна из самок, Спин, дарит ему материнскую заботу и тепло, в которых он так нуждается. Даже теперь, когда Дэнди почти взрослый, бывают периоды, когда они неразлучны.

Недостаток силы Дэнди приходится восполнять хитростью. Я стал свидетелем замечательной истории такого рода, в которой поучаствовал немецкий оператор Петер Фера. Мы спрятали несколько грейпфрутов в вольере шимпанзе. Фрукты наполовину закопали в песок, чтобы было видно только небольшие желтые участки. Шимпанзе знали, что мы делаем, поскольку они видели, как мы вышли с ящиком, полным фруктов, а вернулись с пустым. Когда они увидели, что ящик пуст, они стали возбужденно ухать. Как только их выпустили, они принялись оживленно искать фрукты, но не нашли. Несколько обезьян прошли мимо того места, где были спрятаны фрукты, но ничего не заметили, по крайней мере так мы думали. Дэнди тоже прошел мимо нашего тайника, не останавливаясь, не замедлив шага и не проявив какого-либо необычного интереса. Однако после обеда, когда все обезьяны прилегли вздремнуть на солнце, Дэнди встал и добежал по кратчайшей линии до места с фруктами. Тут же, ничуть не мешкая, он выкопал грейпфруты и наелся ими в свое удовольствие. Если бы он не сохранил их месторасположение в тайне, скорее всего, другие обезьяны отняли бы у него грейпфруты.

Этот эксперимент основывался на методах, применявшихся Эмилем Мензелем, изучавшим передачу информации среди шимпанзе. Из его исследований нам было известно, что обезьяны способны обманывать друг друга. Однако мы не ожидали подобного уровня совершенства, с которым был осуществлен обман. Решительное возвращение Дэнди к месту тайника было для нас настолько неожиданным, что Петер Фера просто не успел заснять его на пленку.

Женские подгруппы

В группе из девяти самок можно выделить три подгруппы. Подгруппа, образованная самками, часто бывающими вместе, присматривающими за детенышами друг друга, поддерживающими и успокаивающими друг друга в случае каких-либо проблем. Самая большая подгруппа образована Мамой (вместе с Моник), Гориллой (с Розье), Франье (с Фонсом) и Амбер. В этой группе мы пока еще не представили последних двух самок. Вероятно, если судить по ее плохим зубам и слабому здоровью, Франье – уже пожилая обезьяна. Она по натуре крайне неуверенна и робка. Она первой поднимает тревогу громким лаем, когда что-то пугает ее, например, когда она сталкивается с большим пауком или когда среди сотен лиц посетителей внезапно узнает ветеринара. Обычно другие не обращают особого внимания на тревожные крики Франье, точно так же, как не много внимания уделяется сигналам тревоги, издаваемым молодыми обезьянами. (Напротив, тревога, поднятая взрослым самцом или самкой с высоким рангом, сразу же вызывает реакцию.)

Когда Франье расстроена, например после того, как за ней гонялся самец, ноги у нее буквально трясутся, и иногда у нее бывает рвота. Она избегает любых неурядиц, и вмешивается в драку, только если та затрагивает ее сына Фонса.

Годами Фонс был любимчиком Мамы и Гориллы, когда у них не было собственных детенышей. Возможно, защита, предоставляемая Фонсу двумя этими влиятельными самками, объясняет, почему сам он не демонстрирует признаков нервозности, свойственных матери. И по внешнему виду, и по характеру Фонс, видимо, похож на Лёйта. Он отличается уравновешенностью и удивительным дружелюбием.

Амбер присоединилась к этой первой подгруппе, когда Мама появилась в колонии вместе со своей дочерью Моник. Амбер, похоже, совершенно поглощена этим детенышем. Ей пришлось проявить немалое терпение, поскольку Мама не позволяла ей заниматься Моник, пока той не исполнилось пятнадцать месяцев. Амбер разрешалось уходить на пять метров с Моник, сидящей у нее на спине, но потом Мама возвращала себе детеныша. Со временем расстояние, на которое ей дозволялось уходить, увеличилось, так что через несколько месяцев Амбер взяла на себя почти всю дневную транспортировку Моник и уход за ней. Амбер стала второй матерью, «тетушкой».

Франь и Фоне

Амбер еще молода. Она – старшая из четырех «девиц», т. е. самок, попавших в группу в подростковом возрасте. Амбер было, вероятно, около пяти лет, тогда как самой молодой девице, Хенни, было всего три года, когда она поступила в нашу колонию. С годами эти молодые самки одна за другой достигали половой зрелости. В 1976 г. у Амбер впервые было набухание половых органов. С каждым циклом оно становилось все заметнее и все привлекательнее для самцов. Ее первая беременность закончилась выкидышем, а вторая оказалась псевдобеременностью. Это могло бы показаться весьма печальным фактом, однако для молодых самок такие неудачи являются скорее правилом, чем исключением. Они составляют период так называемого подросткового бесплодия, предшествующего вступлению в материнство. Сегодня Амбер около двенадцати лет – в этом возрасте у диких шимпанзе можно ожидать появления первого детеныша.

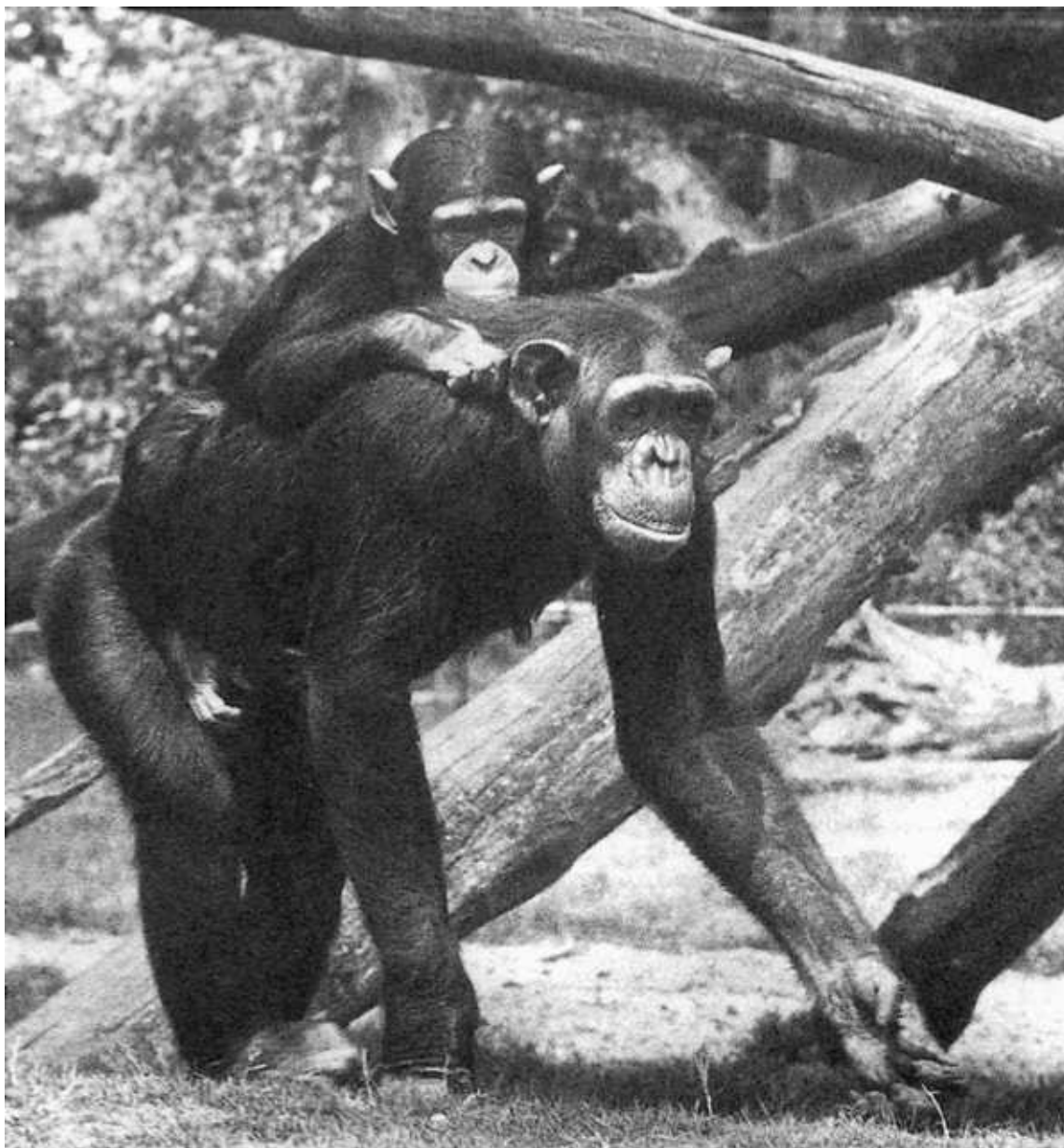
Во время подросткового периода самкам проще, чем самцам. Им не нужно силой прокладывать себе путь во взрослую жизнь, и к ним относятся гораздо более снисходительно, чем к молодым самцам. Не только Амбер, но и трех остальных девиц крайне привлекают

детеныши других самок. Связь с более старыми самками выстраивается достаточно мягко – благодаря общему интересу к самым молодым шимпанзе. Так, техника ухода за потомством передается от взрослых к более молодым самкам.

Лёйт следит за движениями маленького Фонса, которому здесь не более одного года. Позже Фонс стал настолько походить на Лёйта, что почти нет сомнений в том, кто его отец

Многие считают Амбер самой привлекательной в сексуальном плане самкой, поскольку во время флирта она при ходьбе виляет бедрами. Но непонятно, оказывает ли это какое-либо эротическое воздействие на самцов шимпанзе. У нее большие, ясные глаза янтарного цвета и твердый характер. Все больше и больше она демонстрирует настойчивость, которую мы замечаем также и в Горилле. Хотя вклад Амбер в жизнь группы пока еще незначителен, мы уже можем считать ее доминирующим персонажем.

Моник на спине «тетушки» Амбер

Женская подгруппа Мамы, Гориллы, Франье и Амбер уходит корнями в давние времена: три старшие самки приехали из одного и того же зоопарка. Другая подгруппа состоит из трех самок, которые жили вместе в зоопарке Арнема до создания колонии. У одной из них два отпрыска, тогда как две остальные выступают «тетушками» для этих детенышей. Мать, Джимми, — наименее надежная, с точки зрения людей, обезьяна. Когда незнакомых людей пускают к спальному загону, Джимми всегда пытается проделать с ними один и тот же грязный трюк, чтобы привлечь их. Она просовывает хвостину через решетку и смотрит на незнакомца с совершенно невинным видом. Он берется за нее, думая, что это дружеский жест, своеобразный дар. В этот момент другая рука Джимми проскальзывает через решетку и хватает руку жертвы. Чтобы расцепить ее хватку, приходится звать на помощь кого-то еще.

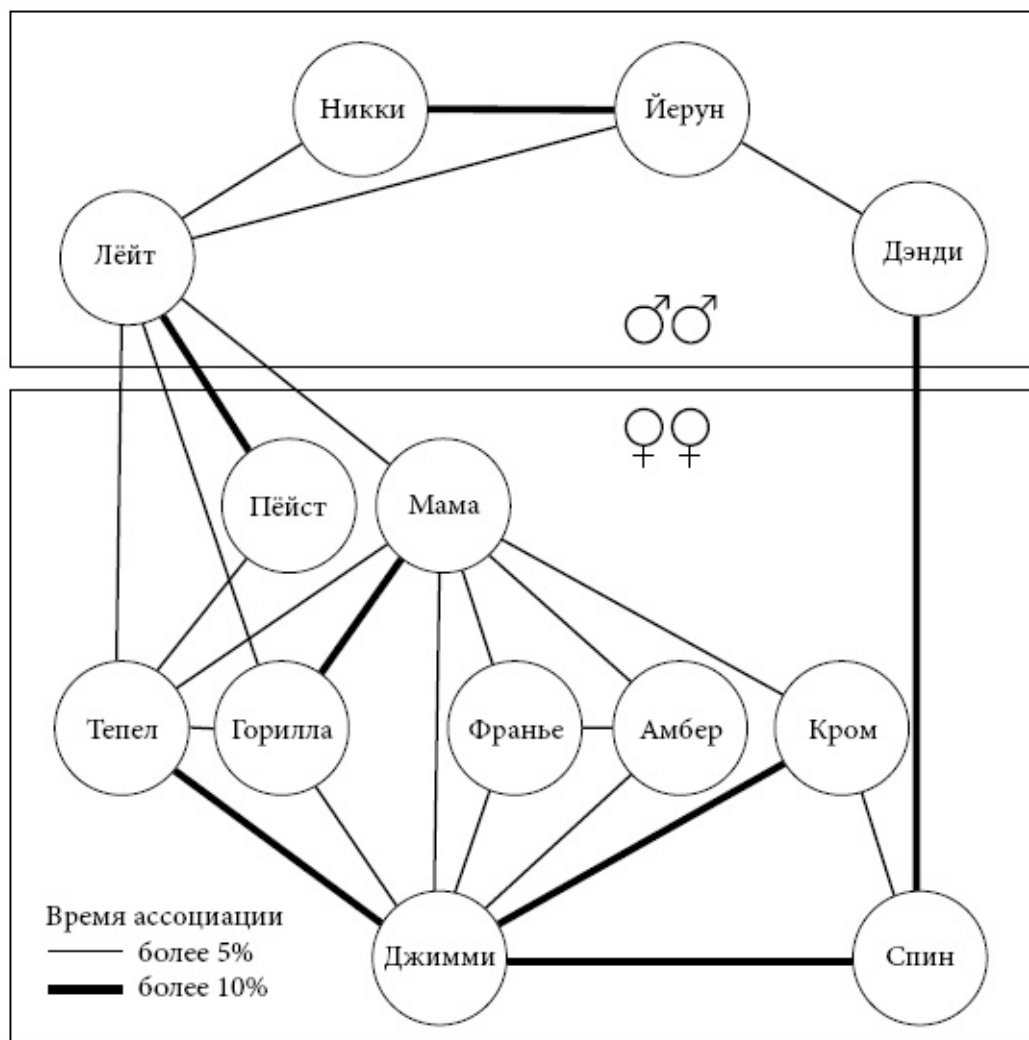

РИС. 1. Паттерны ассоциации

Производя регулярные замеры, мы можем рассчитывать предпочтения в ассоциациях, или дружеские связи, у шимпанзе. Эта социограмма основана на 2400 записях, сделанных в период с 1976 по 1979 г. Она ограничивается взрослыми членами группы: на вершине находятся четыре самца, внизу – девять самок. Тонкими линиями связываются особи, которые проводят более 5 % своего времени на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Широкие линии соединяют особей, у которых время ассоциации превышало 10 %. Максимальной величиной оказались 19,5 % – время связи Кром и Джимми. Социограмма показывает, как Мама и Джимми образовали ключевые связи в сети женских отношений. У Пейст и трех из четырех самцов мало связей с остальной сетью. Важным исключением в числе самцов является Лейт, у которого почти столько же контактов, как и у двух центральных самок

С другими обезьянами Джимми не так груба. У нее ровный, едва ли не тусклый темперамент, и она отлично ладит почти со всеми остальными. В социальной жизни она выполняет функцию центра никак не меньше Мама. Различие в том, что Джимми оказывает на групповые процессы далеко не такое влияние, как старая матриарх.

Джонас, старший сын Джимми, – живое воплощение испорченного ребенка. Когда Джимми была беременна во второй раз, она начала отлучать его от груди. Ему тогда было два года. Отлучение от груди вызвало у него протесты – даже более громкие, чем обычно у молодых обезьян. Каждый раз, когда Джимми отталкивала его от своих сосков или же прижимала свою руку к груди, чтобы он не мог дотянуться, он раздражался преувеличенными криками, бросался на песок, по которому катался кубарем из стороны в сторону, издавая такой звук, словно бы задыхается. Джимми уделяла все меньше внимания его вспышкам гнева, а потому Джонас стал

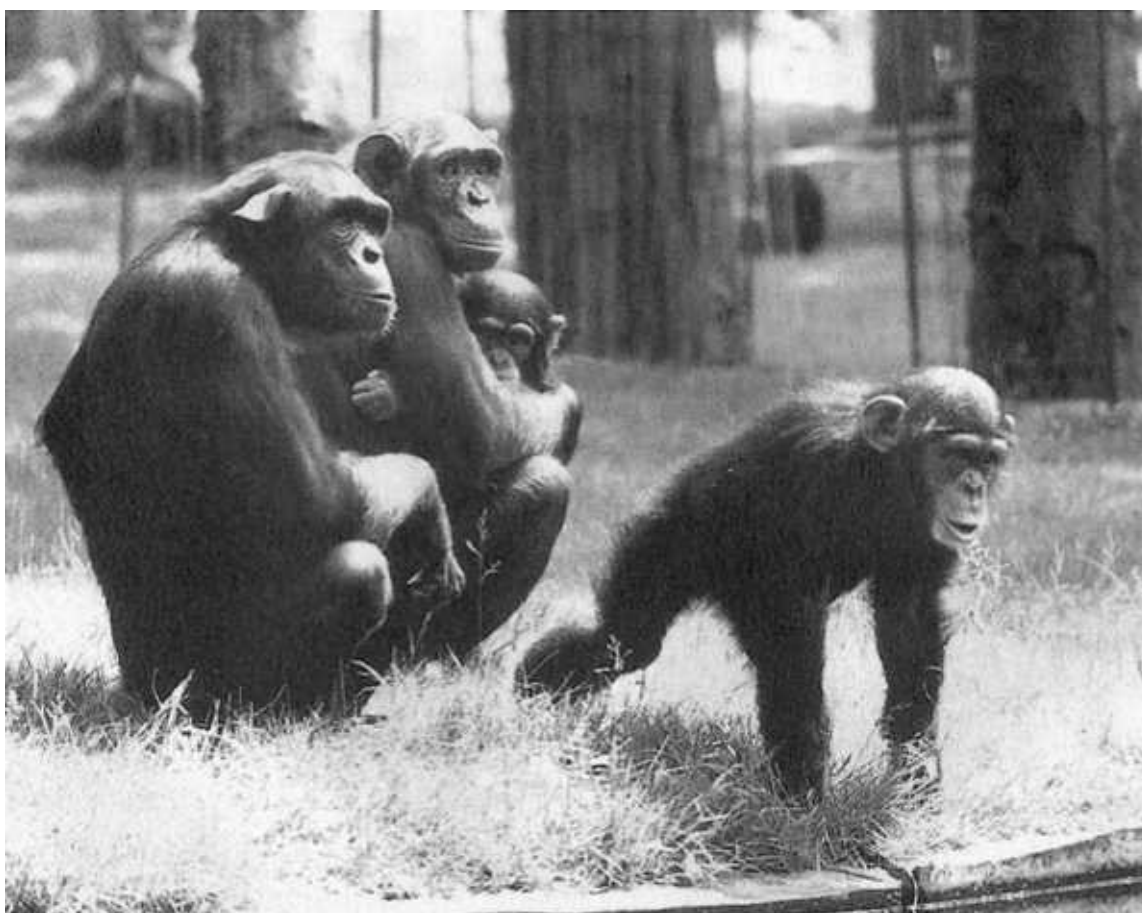
искать сочувствия у других обезьян.

Через несколько недель Джонас заставил Франье себя кормить. Если она отказывалась, отталкивала его или била, маленькое чудовище начинало верещать, и на несчастную Франье сразу же набрасывалась Джимми, лая и угрожая ей. Она стояла рядом с Франье, пока Джонасу не позволялось попить молока. Франье ничего не оставалось, как по возможности держаться от Джонаса подальше.

Спустя почти год, когда родился брат Джонаса Джеки, стало ясно, что Джонас все еще очень привязан к грудному вскармливанию. У Спин было лишнее молоко после того, как она родила ребенка, которого, как обычно, не приняла. Поскольку у Спин всегда была связь с Джимми и ее детенышами, она позволила Джонасу пить свое молоко. Мы вывели ее из группы на довольно большое время, надеясь, что молоко у нее кончится, но это не помогло. К пятилетнему возрасту Джонас был ориентирован исключительно на Спин и проводил с ней в восемь раз больше времени, чем со своей матерью. Хотя молока у нее больше не было, он часто брал в рот сосок своей «тетушки». Он позволял Спин ласкать, переносить и защищать себя. Если сравнивать его со сверстниками в группе, Джонас стал настоящим «маменькиным сынком».

Осталось представить двух взрослых членов группы. Один из них – Кром, самка, не расстающаяся с Джимми. Ни одна иная дружеская связь в группе не отличается подобной крепостью, даже связь между Мамой и Гориллой или между Спин и Дэнди.

«Кром» значит «скрюченный». Тело у нее искривлено, при ходьбе она прихрамывает. Иногда это может стать причиной забавных сценок. Молодые обезьяны, постоянно придумывающие новые игры, однажды увлеклись подражанием Кром, притворяясь ею. Целями днями они ходили за ней гуськом, с тем же самым жалостливым видом, что и Кром.

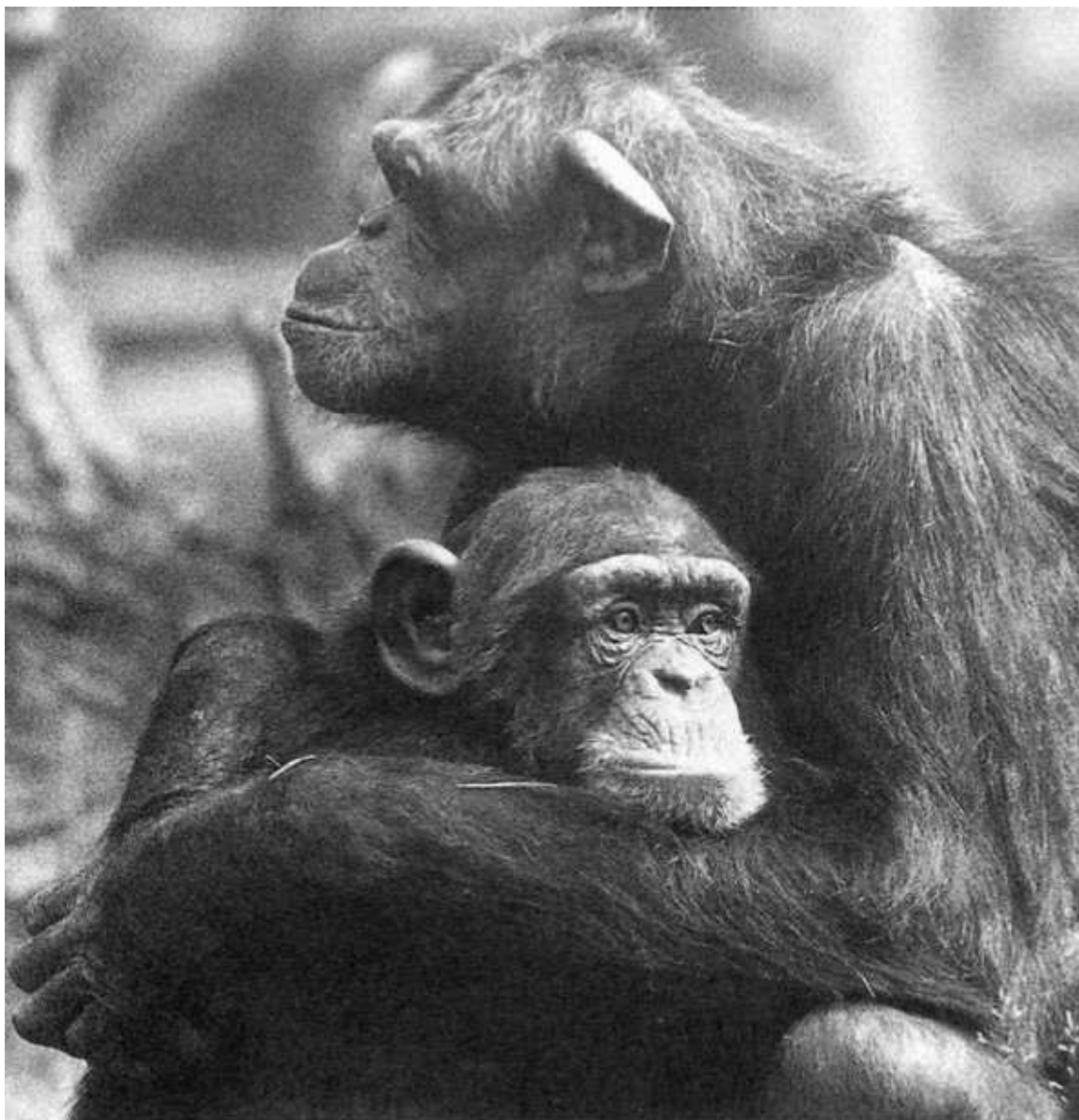

Четыре пары глаз прикованы к приближающемуся взрослому самцу. Слева направо: Ор, Амбер с Моник, Фонс

У Кром есть еще один физический недостаток: она глуха. Когда в группе начинается какое-то волнение, она часто реагирует позже остальных. Сначала она должна увидеть, что что-то происходит, или понять по реакции других обезьян, находящихся рядом с нею. Однако, несмотря на этот недостаток, в группе она занимает видное положение. Визуальные коммуникации – в форме жестов и мимики – очевидно, обеспечивают ее достаточной информацией об отношениях в группе. Кром и сама издает голосовые сигналы. Она умело пользуется репертуаром, который есть у этого вида, хотя ее голос звучит несколько странно. Глухота Кром не мешает ей нормально функционировать в социальном контексте, однако она фатальна для ее потомства. Мы позволили совершить ей несколько попыток, однако все детеныши Кром умирали в течение нескольких недель. Детеныши шимпанзе издают самые разные звуки, которые важны для матери. Например, когда Кром садилась на своего детеныша, он начинал кричать. В обычном случае такой протест сразу же приводит к тому, что мать меняет позу, но Кром не может подстроиться под реакцию детеныша. Поэтому теперь мы отбираем у нее новорожденных. Впервые это было сделано с Розье, которая воспитывается Гориллой.

В группе есть и второй приемный ребенок – Ваутер. Он был назван по имени швейцарского приматолога Вальтера Ангста («Ваутер» – это голландский эквивалент немецкого «Вальтера»), который приезжал к Яну ван Хоффу в его лабораторию в Утрехте, когда я работал там с макаками. Ян пригласил меня посетить вместе с ними Арнем, и тогда-то я и увидел впервые колонию шимпанзе.

В один из дней нашего визита Спин родила. Она отказывалась принять детеныша, и несколько часов сидела к нему спиной. Его забрали и завернули в полотенце. Это был мальчик, и мы решили назвать его Ваутером.

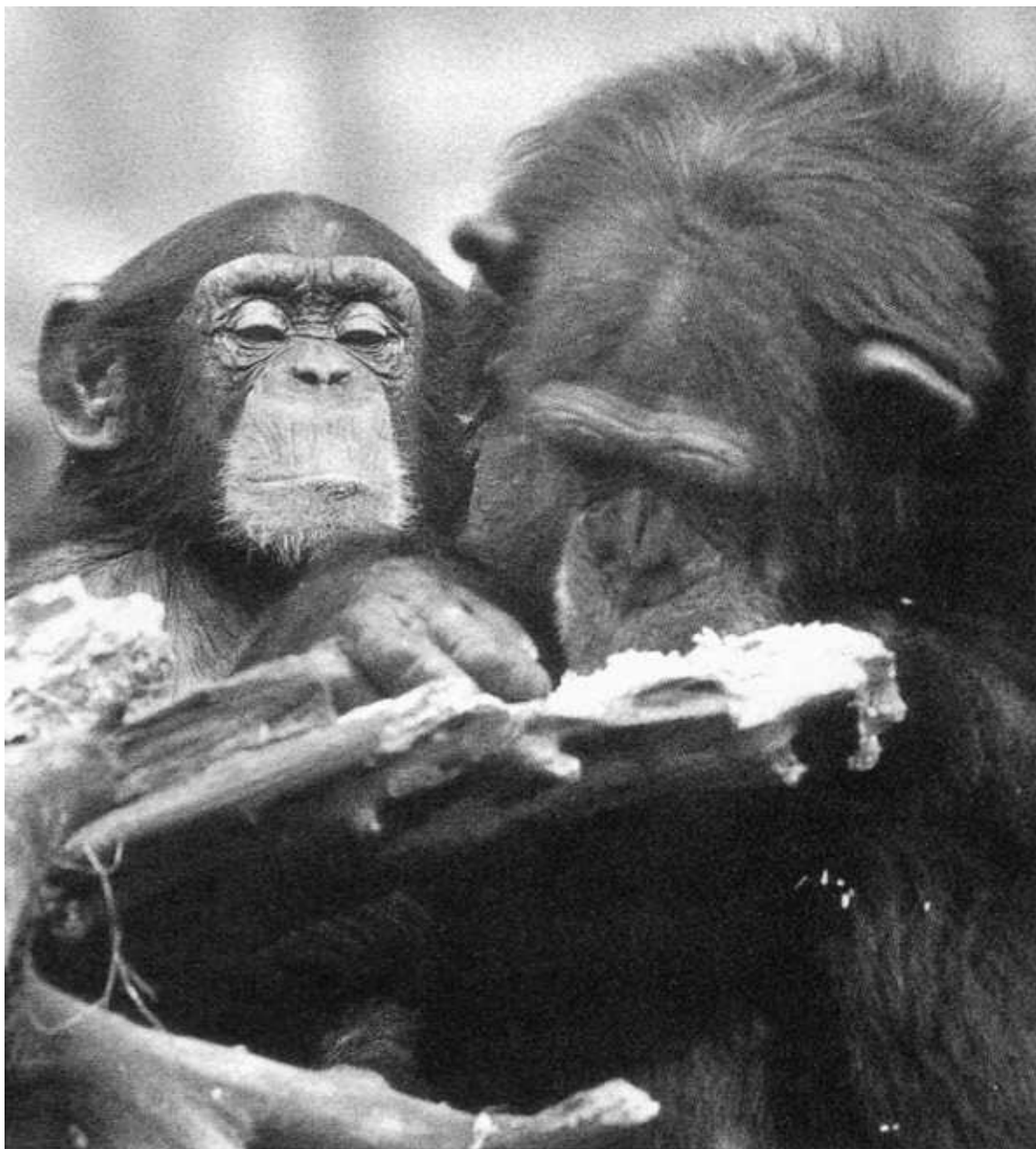

Джонасу все еще нравится, когда его балует и ласкает «тетушка» Спин

Несколько недель за Ваутером ухаживали в доме Яна ван Хоффа, пока из Арнема не пришли новости, что другая самка, Тепел, тоже родила. Но ее новорожденный умер в течение часа – возможно, потому что роды были преждевременными. Ваутера быстро отвезли в Арнем и оставили в соломе одной из ночных клеток. Потом туда впустили Тепел. Ко всеобщему облегчению, она вскоре приняла его. У нее было много молока, и Ваутер без труда нашел, откуда его можно добыть. У Тепел очень большие соски, отсюда ее имя: «Тепел» означает «сосок». Насколько нам известно, это был первый случай действительно успешного усыновления обезьяной. Именно благодаря этому благополучному эксперименту я позже решился на ту же самую хитрую процедуру в случае с Гориллой и Розье. Усыновив Ваутера, Тепел стала в колонии матерью-первопроходцем. Она первой успешно вырастила новорожденного, чем подала пример всем остальным самкам в группе. Шимпанзе нужно это. В отличие от кошек или птиц, у них нет автоматических правильных представлений о родительских функциях. Тепел же принесла свои знания из другого зоопарка.

В возрасте шести лет у Ваутера та же долговязая фигура, что и у его биологической матери Спин, чье имя означает «паук»: у них обоих необычайно длинные и тонкие конечности. Ваутер унаследовал и ее неустранимый характер. Она всегда держит себя вызывающе, сколь бы сильны ни были ее противники. В сравнении с Джонасом Ваутер – образец независимости. Я всегда ощущал некую символическую связь с Ваутером, возможно потому, что держал его в руках во

время моего первого посещения колонии, когда он был новорожденным. Ваутер – самый смелый из всех здешних шимпанзе. Он бросается камнями в наблюдателей, в публику и особенно в других обезьян, а когда ему отвечают агрессией, он убегает к своей «тетушке» Пейст.

Шимпанзе учат, что использовать в пищу, наблюдая за более взрослыми сородичами: Джонас (слева) внимательно следит за тем, как Горилла вытаскивает насекомых из гнилой деревяшки

Последняя третья подгруппа состоит из Тепел и двух ее детенышей, Ваутера и Тарзана, – у всех них особая связь с Пейст. Они не слишком часто оказываются рядом с этой крупной самкой (возможно, по той причине, что Пейст большую часть своего времени проводит вместе с взрослыми самцами), однако их связь особенно четко проявляется в чрезвычайных ситуациях. Тепел, а главное, ее дети, призывают в таких случаях Пейст на помощь. Как правило, Пейст ничем не выражает солидарности с самками и их детенышами, но для этого семейства она делает исключение. Эта связь проявляется и в тех случаях, когда у Пейст игривое настроение. Тогда она порой бродит с детенышами Тепел, которые следуют за ней.

В будущем еще одна женская подгруппа может возникнуть вокруг Амбер. Другие девицы, возможно, укрепят свои связи с Амбер, как только у нее появится первый детеныш. Три этих

особи – Орт, Зварт и Хенни – играют настолько незначительную роль в нашей истории, что нет нужды представлять их в полной мере, хотя каждая из них является полноценной личностью.

Строение группы

Все имена шимпанзе, за исключением тех, что родились в колонии, различаются по первой букве. Эти первые буквы имен используются в качестве кодов в наблюдениях. Благодаря этому можно легко представить строение группы в общем виде. В ней есть три взрослых самца (Й, Л и Н), самец-подросток (Д), восемь взрослых самок (М, Г, Ф, Ж, К, С, Т, П) и четыре девицы, одна из которых почти взрослая (А), а три других – подростки (О, З, Х).

Имена шимпанзе, рожденных в колонии, всегда начинаются с той же буквы, что и имя матери, за исключением двух приемных детенышей. У первого ребенка каждой самки в имени второй буквой всегда идет английская о, а у второго ребенка – а (например, двух сыновей Джимми зовут Джонас – Jonas и Джеки – Jakie). В колонии семь детенышей. Только двое из самых маленьких – самки.

Если сравнивать с сообществами шимпанзе в дикой природе, это небольшая группа. Однако дикие группы настолько изменчивы, что размер и строение колонии Арнема, несомненно, не выпадают из общей картины. Японский приматолог Юкимару Сугияма со своим коллегой несколько месяцев изучали сообщество, состоявшее лишь из двадцати одного шимпанзе. При этом количественное соотношение взрослых самцов и взрослых самок не слишком отличалось от соотношения в нашей колонии.

Это небольшое дикое сообщество было компактным, и старшие члены почти 20 % своего времени проводили вместе в одной группе. Это очень высокий показатель для диких шимпанзе, которые обычно разбиваются на небольшие подгруппы, называемые «партиями», которые разбредаются по джунглям. И в этом отношении наша группа совершенно необычна: все ее члены 100 % времени проводят вместе – в виде единого сообщества.

Незадолго до того как Сугияма отправился в Африку для сбора данных, он посетил Арнем. Ему едва не пришлось отказаться от своего путешествия. Поглощенный наблюдением за шимпанзе, он высунулся из окна, открывавшегося с нашей смотровой площадки, а Никки как раз начал устрашающую демонстрацию. Я слишком поздно заметил, что у Никки в руке тяжелый кусок дерева, который он держал за спиной. Я крикнул Сугияме по-голландски: «Kijk uit!»^[8]. Он кивнул, вежливо улыбнулся и спросил, что это значит. В то же мгновение Никки метнул свое ядро. Рывком я отбросил Сугияму от окна, и деревяшка просвистела мимо его головы, едва не задев. Весь остаток дня он с уважением поглядывал на снаряд. Позже мы получили от него открытку из Африки – он передавал привет Никки.

Но в нашем деле Сугияма установил настоящий рекорд. За один день он научился узнавать почти всех обезьян: правильно указывать их и называть по имени. Это говорит о замечательной наблюдательности, хорошей памяти и правильной установке: наблюдатель должен понимать, что колония обезьян состоит не из безликой массы черных зверей. У каждого животного уникальные личные и внешние черты. Шимпанзе и сами различают индивидов точно так же, как мы различаем людей, причем как в своем собственном кругу, так и за его пределами. Они узнают практически каждое знакомое им человеческое лицо, даже если оно обнаруживается в огромной толпе посетителей. Каждое новое лицо на нашей смотровой площадке, которую обезьяны считают частью своей территории, может расцениваться в качестве приглашения к небольшому тесту. Прием, оказанный Сугияме, оказался лишь чуть более драматичным, чем обычно.

Йерун (слева) пытается привлечь к себе в помощники Никки – он встает рядом с ним и кричит на Лёйта (за кадром)

II. Два переворота

Тяжелый каток, напирający танк, атакующий носорог – все это образы сдерживаемой силы, готовой сравнять с землей все, что попадется на пути. Такое же впечатление производил и Йерун своими демонстративными нападениями. В период своего расцвета он мог, вздыбив шерсть, наброситься на дюжину обезьян и раскидать их в разные стороны. Ни одна из них не осмеливалась продолжать сидеть, когда приближался Йерун, ритмично притопывая ногами. Задолго до того как он настигал их, они уже были на ногах, матери – с детьми на спинах или на животах, готовые к быстрому отступлению. Затем воздух наполняли крики и лай, когда обезьяны в панике разбегались. Иногда все это сопровождалось побоями.

Затем, так же внезапно, как начинался весь этот гвалт, возвращался мир. Йерун обычно усаживался, а другие обезьяны спешили отдать ему дань уважения. Подобно королю, он принимал эти знаки как должное, явно не считая нужным удостаивать своих подданных хотя бы взглядом. После этих «формальностей» все снова спокойно рассаживались, дети бродили вдали от матерей, а Йерун расслаблялся и позволял группе самок искать у него в шерсти или же вступал в короткие стычки с Джонасом и Ваутером, которые всегда были готовы к потешным боям с большим боссом. Они гоняли его и швыряли в него песком и палками, словно бы утратив всякое чувство почтения.

Когда существующие отношения доминирования приостанавливаются во время игры, опасности путаницы не возникает, поскольку такие отношения в эти моменты вполне очевидны. У шимпанзе есть особая форма приветствия, которая подтверждает социальную иерархию таким образом, что никаких сомнений остаться не может. Прежде чем перейти к описанию случаев захвата власти, мне надо объяснить эти более или менее формальные отношения доминирования.

Формальное и реальное доминирование

С начала 1974 г. до середины 1976 г. было совершенно ясно, кто стоит на вершине иерархии. На первый взгляд могло показаться, что превосходство Йеруна обосновано его несравненной физической силой. Его осанистость и самоуверенные манеры наводили на мысль, будто сообщество шимпанзе управляется законом самого сильного. Йерун казался намного сильнее второго взрослого самца – Лейта. Это ложное впечатление создавалось тем, что в годы своей власти шерсть у Йеруна всегда немного стояла дыбом (даже когда он специально не демонстрировал себя), к тому же он ходил преувеличенно медленной и тяжелой походкой. Эта привычка создавать видимость большей величины и массы тела, чем на самом деле, характерна для альфа-самца, как мы выяснили позже, когда ту же роль исполняли другие особи. Пребывание во властной позиции заставляет самца выглядеть внушительнее в физическом отношении, отсюда и предположение, будто он занимает статус, который соответствует внешнему виду.

Никки кланяется Йеруну и «приветствует» его учащенным хрюканьем. Йерун игнорирует эти знаки уважения. Лейт слева

Впечатление о связи между физическим размером и социальным рангом еще больше подкрепляется особой формой поведения, являющейся наиболее надежным показателем социального порядка как в природных условиях обитания, так и в

Арнеме, – *приветствием подчиненного*. Строго говоря, такое «приветствие» – не более чем последовательность коротких приглушенных вдохов и выдохов, известных как «учащенное хрюканье», или «хрюканье с придыханием» (pant-grunting). Подчиненная обезьяна, издавая такие звуки, принимает позу, в которой она смотрит снизу вверх на того, кого приветствует. В большинстве случаев она делает несколько глубоких поклонов, которые повторяются так быстро один за другим, что это действие получило название «подпрыгивание» (bobbing). Иногда «приветствующие» приносят разные предметы (лист, палку), протягивают руку вышестоящей обезьяне, целуют ей ногу, шею или грудь. Доминирующая шимпанзе реагирует на это «приветствие» тем, что вытягивается во весь свой рост и вздыбливает шерсть. Результатом оказывается явный контраст двух обезьян, даже если на самом деле они одного и того же размера. Одна почти расплывается в пыли, тогда как другая с царским видом принимает «приветствие». Среди взрослых самцов это отношение гиганта/карлика может еще больше подчеркиваться шутовскими сценами, в которых доминирующая обезьяна наступает или прыгает на «приветствующего» – это так называемые «наседания» (bluff-overs). В то же самое время подчиненная обезьяна нагибается и поднимает руки, чтобы защитить голову. Подобного рода каскадерские трюки реже встречаются в случае с «приветствующими» самками. Обычно самка показывает доминирующей обезьяне свой зад, чтобы та осмотрела его и обнюхала.

Показ и осмотр женских гениталий – типичная форма поведения шимпанзе, но именно она, если судить по числу комментариев со стороны обычной публики, вызывает у людей наиболее заметный отклик. Однажды мне довелось прочитать, что, если на вас нападает взрослый самец шимпанзе, помочь может демонстрация собственного зада: «Снимите штаны и покажите ему свой голый зад!» Хотя я никому не советовал бы испытывать такую тактику на деле. Вполне

возможно, что показ самками шимпанзе своего зада имеет умиротворяющую функцию, но они никогда не поступают так в момент собственно атаки. Если агрессор набрасывается на них, проявлять смирение уже слишком поздно. Единственный выход – либо бежать, либо драться. Чтобы избежать такой ситуации, обезьянам с низким рангом необходимо опознавать агрессивный настрой до того, как дело пойдет слишком далеко. Если потенциальный агрессор – самка, тогда этого безопасного промежутка времени может просто не быть: самка иногда впадает в ярость безо всяких предупредительных сигналов. Тогда как у самцов обычно протекает несколько минут между первыми медленными покачиваниями корпусом, вздыбливанием шерсти, постепенным увеличением громкости ухания и собственно кульминацией, выражающейся в атаке. Пытаться успокоить самца посредством «приветствия», обыскивания или демонстрации себя нужно до того, как он дойдет до точки невозврата и бросится в атаку.

Приветствие подчиненного можно увидеть в тех случаях, когда обезьяны встречаются друг друга, в качестве реакции на приближение доминирующего члена группы или на первые признаки демонстрации, но прежде всего – через небольшое время после устрашающей демонстрации или вспышки агрессии. «Приветствие» – это своеобразное ритуальное подтверждение отношений доминирования. Такое подтверждение можно наблюдать и после конфликтов, в которых позиции были временно перевернуты. Иногда доминирующая обезьяна проигрывает схватку. У шимпанзе нередко бывает так, что члены группы с низким рангом агрессивно реагируют на побои, а потому регулярно обращают доминирующую обезьяну в бегство или даже физически берут над ней верх, особенно когда объединяют силы. Йерун сам вряд ли когда-либо оказывался в такой ситуации, но я несколько раз видел, как его гоняла группа разгневанных орущих самок. Для меня это было просто откровение – понять, что даже самоуверенный Йерун мог испугаться. Хотя он был не настолько испуган, чтобы оскалить зубы или кричать на бегу, образ всемогущего и непобедимого вожака был все равно подорван. Однако такие события не оказывали какого-либо долгосрочного влияния на его положение, поскольку при последующем примирении самки «приветствовали» его как обычно.

В ссорах между самками отсутствует медленный разгон до кульминации, характерный для ссор самцов. Женская агрессия более импульсивна. Амбер (слева) кричит после неожиданного удара Гориллы

Следовательно, доминирование проявляется двумя разными способами. Прежде всего, существует социальное влияние, или *власть*, проявляющаяся в том, кто кого может победить и у кого наибольший вес при разрешении групповых конфликтов. Исход этих столкновений не является предсказуемым на все 100 %, тем более что шимпанзе постоянно формируют

изменчивые союзы. Неожиданные перемены в социальной иерархии происходят у них намного чаще, чем у других видов животных. Вот почему иерархию шимпанзе так часто называют «гибкой» или «пластичной». Молодой шимпанзе двух-трех лет от роду может иногда обратить в бегство взрослого самца или самку или даже принудить их что-то делать. И это часто не игры, а серьезные конфликты – примером может служить то, как Джонас при поддержке своей матери принудил Франье кормить его грудью.

Детенышей никогда не «приветствуют» взрослые члены группы: иногда они обладают реальной властью, но у них никогда нет формального доминирования. В отличие от исходов конфликтов, которые могут быть весьма различными (иногда даже вожака загоняют на дерево), ритуалы «приветствия» совершенно предсказуемы. «Приветствие» отражает застывшие отношения доминирования. Это единственная распространенная форма социального поведения, не являющаяся взаимной: другими словами, если А «приветствует» В в какой-то определенный промежуток времени, В никогда не «приветствует» А в тот же период. Эта удивительная устойчивость характерна только для приветствия подчиненного, при котором издается учащенное хрюканье. Шимпанзе «приветствуют» друг друга самыми разными способами. Термин «приветствие» я буду использовать в кавычках для обозначения именно голосовой формы. Йерун как альфа-самец никогда не издавал такого учащенного хрюканья, но его часто «приветствовали» все остальные члены группы.

Формальный ранг и власть обычно сходятся друг с другом; однако в некоторых случаях ранг отделяется от власти. Иными словами, положение доминирующей обезьяны оказывается несостоятельным. Как именно шимпанзе определяют этот момент – неизвестно, однако ясно, что главным источником информации по этому вопросу становится ход агрессивных столкновений. Например, если подчиненная сторона начинает все чаще выигрывать в конфликтах или если она по крайней мере регулярно пугает доминирующую сторону, вызывая у нее смятение, это не ускользнет от ее внимания. Если такой сдвиг в отношениях сохраняется, «приветствия» между ними все больше становятся всего лишь пустой формальностью. Подчиненная обезьяна через какое-то время перестает «приветствовать» доминирующую. Таким образом, она словно бы оспаривает актуальный статус их отношений. Этот первый шаг – отказ от «приветствия» – наблюдался при всех перестановках в иерархии колонии Арнема. Весной 1976 г.

Лейт набрался смелости, чтобы бросить Йеруну этот вызов. Их отношения рухнули, и вся группа вступила в период реорганизации, на которую ушло около года.

Йерун был в то время настолько всемогущ, что он один принимал более трех четвертей всех «приветствий» в группе; в определенные периоды этот показатель поднимался до уровня выше 90 %. Лейт также часто «приветствовал» его, но сам получал «приветствия» от других намного реже. Высокопоставленные самки, такие как Мама и Пейст, никогда не «приветствовали» Лейта. Если добавить к этому, что Лейт казался намного меньше и слабее Йеруна, да еще почти всегда держался на заднем плане, станет ясно, что переворот Лейта – последнее, чего я мог ожидать.

Первый удар

Лето 1976 г. выдалось необычайно сухим и жарким. По всей Европе трава постепенно пожелтела. Леса вокруг Арнема страдали от сильных пожаров. В какой-то момент огонь подошел к зоопарку так близко, что мы даже опасались за безопасность животных. В сообществе шимпанзе это было действительно долгое и жаркое лето еще и в социальном плане. 21 июня после обеда я впервые увидел, как Йерун обнажил зубы. И это также был первый раз, когда я

услышал, что он кричит и визжит, т. е. впервые стал свидетелем того, чтобы ему была нужна какая-то поддержка и утешение. Кроме того, различие в размере между ним и Лёйтом внезапно исчезло.

Утром стало ясно, что готовятся серьезные изменения, поскольку Лёйт открыто спарился со Спин. У нее как раз началась течка (или эструс) – набухание половых органов было особенно заметным, и она была сексуально привлекательной для самцов. Йерун обычно совершенно не терпел того, чтобы у других самцов были сексуальные контакты, но в этом случае он тупо сидел в центре площадки безо всяких движений, пока Лёйт и Спин совокуплялись буквально в 10 метрах от него. Он даже повернулся к ним спиной, словно бы предпочитал не наблюдать за этой отталкивающей сценой. Сначала мы предположили, что Йерун серьезно болен, а Лёйт просто воспользовался ситуацией. Но вскоре мы поняли, что это не так, поскольку вечером аппетит Йеруна оказался совершенно нормальным.

В послеобеденное время Лёйт сделал несколько кругов вокруг старого вожака, демонстрируя себя, спровоцировав несколько захватывающих интеракций. Таким образом, он дал сигнал о начале длинной цепочки внушительных демонстраций и конфликтов между ним и Йеруном, которые с каждым днем становились все острее. Далее приводится отчет о первых открытых столкновениях.

21 июня 1976 г., 13.45

Лёйт, вздыбив шерсть, несколько раз обходит кругом Йеруна, держась от него на расстоянии около 15 метров. Он топает ногами и бьет о землю ладонью. Он поднимает по дороге несколько палок или камней и бросает их в сторону. Йерун сидит на траве и время от времени бросает на Лёйта взгляд. Когда противник заходит ему за спину, Йерун не поворачивается, но слегка сдвигает голову так, чтобы краешком глаза наблюдать через шерсть на своем плече за тем, что делает Лёйт. Иногда Лёйт подходит к Йеруну на несколько метров. Тогда тот встает, вздыбив шерсть, и делает шаг вперед. Во время этого кратковременного противостояния два самца *не* смотрят друг на друга, и как только Лёйт проходит мимо, Йерун тут же возвращается на свое место на траве.

Сделав шесть или семь таких кругов, Лёйт подходит к Спин и осматривает ее набухшие гениталии. Горилла подходит к Йеруну и целует его. Никки вместе с Дэнди подходят к Спин, минуя по пути Йеруна. Ни одна из обезьян не «приветствует» Йеруна, что весьма необычно. Лёйт играет с Фонсом, самым молодым в то время детенышем в группе. Мать Фонса Франье и Мама подходят к Лёйту и садятся рядом. Лёйт начинает обыскивать шерсть Мама. После этого группа долго остается спокойной. Ситуация не меняется до тех пор, пока Йерун не поднимается и не приближается к Спин.

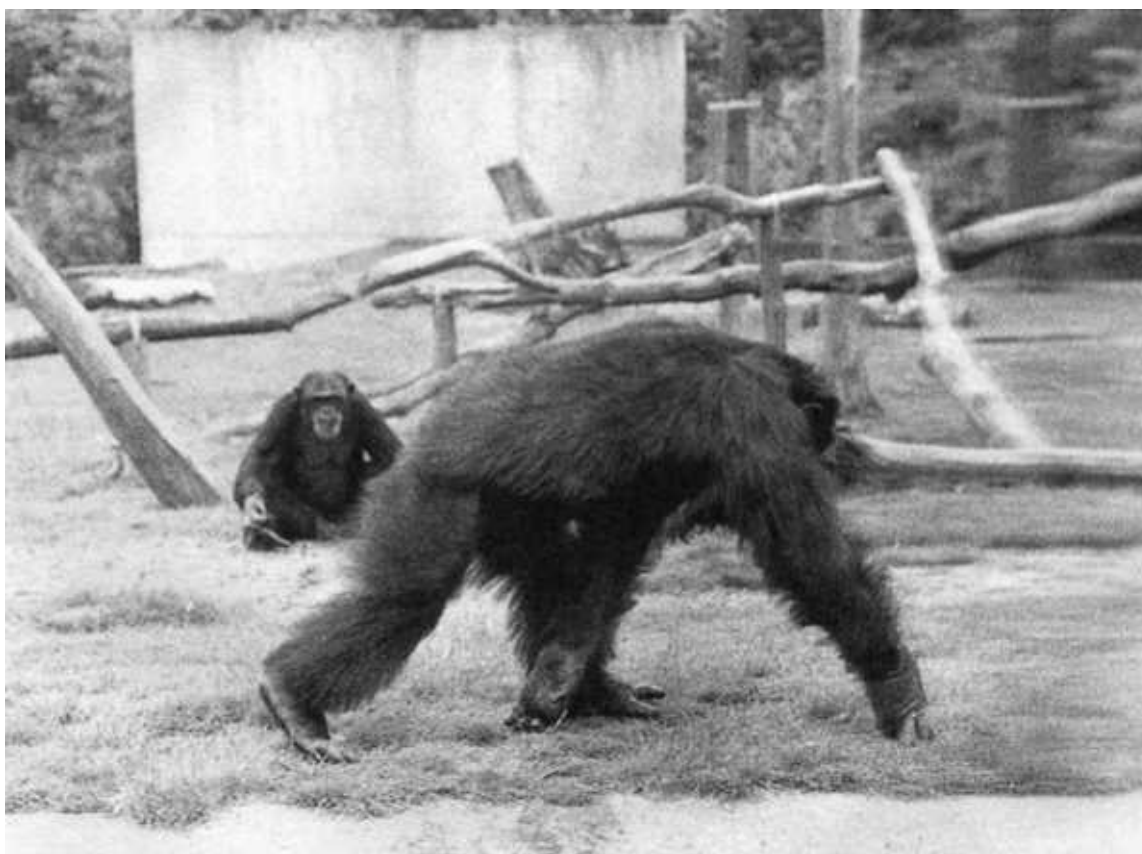
14.25

Как обычно, Пейст находится в компании сексуально привлекательной самки, в данном случае Спин. Пейст «приветствует» Йеруна, который подходит, чтобы присоединиться к ней и Спин. Лёйт тут же приходит в возбуждение. Шерсть у него слегка приподнимается; он начинает собирать несколько больших палок и мягко ухать. В ответ на это Йерун оставляет Спин и проходит мимо Лёйта, слегка демонстрируя себя, но опять же не глядя на него. Йерун подходит к Мама и начинает обыскивать ее. Пока Йерун занят этим, Мама продолжает смотреть по сторонам, чтобы знать, что делает Лёйт. Тот обнимает Франье, тут же отпускает ее, а потом подходит к Йеруну и Мама и усаживается прямо напротив них, готовясь к более открытым акциям. Уханье Лёйта становится все более громким, пока он, наконец, не вскакивает и не бежит изо всех сил на Мама и Йеруна, минуя их на очень небольшой дистанции. Йерун в ответ

на это тут же поднимается, но быстро усаживается за спиной Мамы, когда Лёйт пробегает мимо.

14.35

Пока Лёйт готовит свое второе выступление против Йеруна, Никки успевает воспользоваться ситуацией и спариться со Спин. Никто, кажется, не замечает произошедшего. Лёйт сначала набрасывается на Маму, которая с криками убегает. Затем Лёйт усаживается перед Йеруном и ухает, обращаясь именно к нему. Йерун сидит один под наклонившимся стволом дерева, тогда как Лёйт начинает взбираться на него, демонстрируя угрозы и громко ухая. Йерун неуверенно смотрит на него снизу вверх. Лёйт теперь в нескольких метрах над своим соперником, он ритмично и с силой бьет по стволу дерева. Наконец он спрыгивает вниз, приземляясь непосредственно рядом с Йеруном. Лёйт звонко хлопает Йеруна и сразу же убегает. Йерун взрывается криками на самых высоких тонах своего голоса. Он бежит к группе, состоящей из Гориллы, Кром, Спин, Дэнди, Хенни и некоторых других обезьян, а потом обнимает их всех по очереди. Начинается настоящий бедлам, в котором задействованы почти все обезьяны. При поддержке большой группы ухажующих, кричащих и лающих сторонников и симпатизантов Йерун приближается к Лёйту.

Лёйт нарезает круги вокруг Йеруна, демонстрируя себя

До этого момента Лёйт наблюдал за соперником с расстояния, его шерсть постоянно слегка стояла дыбом, но теперь, столкнувшись с Йеруном и его бандой, он с криками бросается в бегство. Со всех сторон слышны агрессивные звуки, и на Лёйта набрасывается толпа из десяти или даже более обезьян. Некоторые члены группы, однако, отказываются участвовать в драке. Например, Джимми держится в стороне. Дважды Йерун подходит к ней и протягивает, скуля, руку, однако в обоих случаях она отворачивается и уходит от него. Толпа продолжает несколько минут гоняться за Лёйтом, а затем внезапно останавливается. Воцаряется тишина, прерываемая лишь криками Лёйта. Его загнали в дальний угол острова. Он, очевидно, проиграл свою первую битву.

Ор, одна из девиц, подходит к Лёйту и подставляется ему. Лёйт в ответ подставляется ей, продолжая кричать, так что на какое-то время оба стоят друг к другу задом. Внезапно, Лёйта охватывает истерика. Подобно детенышу шимпанзе, который чем-то недоволен, он, вопя, начинает кататься по песку, бьет головой по рукам, издавая приглушенные звуки, словно бы он заболел. Ор снова подходит к нему и заключает в свои объятия. Постепенно Лёйт успокаивается, а затем начинает медленно подстраиваться под Йеруна, перемещаясь обратно в центр вольера.

Весь инцидент длился не более пяти минут. Если не считать исходного шлепка, никакой физической агрессии не было.

14.40

Через несколько минут Лёйт снова начинает слегка демонстрировать себя, атакуя Пейст, которая сидит рядом со Спин. Потом он приглашает Спин к спариванию. В момент, когда Спин принимает его приглашение, Йерун начинает кричать, но не осмеливается вмешаться. Дэнди реагирует тем, что «приветствует» Йеруна и обнимает его, пытаясь успокоить. Все это время Лёйт беспрепятственно спаривается со Спин.

14.50

Йерун присоединился к Маме и Франье и игриво щекочет Фонса. У него игровое лицо, но он все же до конца так и не расслабился, поскольку продолжает бросать взгляды в сторону Лёйта. Лёйт сидит неподалеку, раскачиваясь из стороны в сторону, поднимая ветки руками и ломая их зубами. Мама реагирует на поведение Лёйта тем, что оставляет Йеруна. Тот идет за ней, однако, когда он пытается сесть рядом, Мама встает и снова уходит. Это повторяется несколько раз: Йерун пытается сесть рядом с Мамой, но она ясно показывает, что не желает оставаться в его компании. В то же самое время на Франье, другую самку, которая сидела с Йеруном, набрасывается Лёйт. Он начинает прыгать у нее на спине. Франье и ее сын Фонс начинают орать. Фонс цепляется за живот Франье, и каждый раз, когда Лёйт прыгает по ним обоим, его расплющивает между матерью и землей. Затем Лёйт переключает свое внимание на Йеруна и Маму и несколько раз демонстрирует себя им. Мама продолжает сторониться Йеруна, но тот идет за ней, пока Лёйт, наконец, не прогоняет Маму прочь.

Все остальные обезьяны тоже разбежались, и все снова успокаивается. Теперь два соперничающих самца остались в одиночестве – они стоят на расстоянии примерно 6 метров в самом центре вольера, явно избегая смотреть друг на друга. Лёйт смотрит на пролетающих голубей, а Йерун уперся взглядом в землю.

15.10

Последнюю стадию этой необычайной цепочки событий запускает Кром, которая подходит к Лёйту, «приветствует» его и начинает обыскивать. Лёйт, однако, встает и уходит, причем и Йерун делает то же самое. Кром, как всегда невозмутимо, подходит к Лёйту и снова начинает его обыскивать. Сначала Йерун отходит на 10 метров, но потом неуверенно поворачивает обратно и медленно приближается к Кром и Лёйту. Кром затем подходит к нему, чтобы «поприветствовать», на что Йерун нервно ухмыляется и обнимает ее. Лёйт уходит на место, где раньше сидел Йерун, нюхает землю и усаживается. Достаточно странно то, что Йерун реагирует на это, переходя на прежнее место Лёйта и усаживаясь там, так что два самца снова сидят напротив друг друга.

Теперь Кром начинает обыскивать Йеруна, а Лёйт демонстрирует себя, ходя вокруг них кругами. Он делает несколько широких кругов, а останавливается только после того, как он и Йерун вместе громко ухают в унисон. Лёйт подходит ближе, Кром тут же оставляет Йеруна и

подходит к Лёйту, чтобы обыскать его. Таким образом, она обыскивает одного из двух самцов уже в четвертый раз. Это продолжается в течение еще четырех минут: Йерун сидит один, тогда как Кром с Лёйтом сидят неподалеку и обыскивают друг друга.

Внезапно Лёйт бросает Кром и неуверенно направляется к Йеруну. У обоих самцов шерсть стоит дыбом, и в первый раз они смотрят друг другу прямо в глаза. Йерун быстро обнимает Лёйта, а Лёйт подставляется ему и позволяет Йеруну обыскать свой зад. В случае примирения двух взрослых самцов обыкновенно они сначала обыскивают друг друга зад, прежде чем перейти к другим частям тела. Кром уходит. Время – 15.30. Два соперника обыскивают друг друга в течение примерно пятнадцати минут.

Изоляция Йеруна

Вышеприведенный подробный отчет представляет собой рассказ о первых двух часах процесса, который занял два месяца. На первой встрече решение достигнуто не было. Можно было бы задаться вопросом, почему два соперника не положили своему конфликту конец схваткой, которая сразу бы позволила раз и навсегда решить все вопросы. Ответ прост: дело в том, что физическая сила – лишь один из факторов выяснения отношений доминирования и почти всегда не самый критический.

По своему опыту могу сказать, что примерно четыре из десяти устрашающих демонстраций между взрослыми самцами заканчиваются конфликтами, напоминающими тот, когда Йерун начал кричать, а Лёйт сильно шлепнул его. В типичном случае мы наблюдаем угрозы, погони и крики. Удары – редкость среди самцов, да и одиночный удар не составляет боя. В серьезных столкновениях противники действительно хватают друг друга и начинают кусать. Примерно один конфликт из ста ведет к реальной драке, т. е. около 0,4 % всех столкновений самцов. Но вероятность драки всегда сохраняется, и именно поэтому процесс борьбы за доминирование оказывается столь напряженным.

Социальные маневры, к которым Лёйт и Йерун привлекли самок, были гораздо более сенсационными, чем простое физическое столкновение. Реакции следовали за акциями в относительно быстром темпе. Весь процесс занял довольно большой промежуток времени, однако результат оказался весьма драматичным. Оба самца раз за разом пытались войти в контакт со взрослыми самками. Особенно Йерун подыскивал себе компанию, что неудивительно, если вспомнить, что она его защищала. На протяжении всего переходного периода (от первого удара до закрепления нового вожака) все самки много раз поддерживали Йеруна в борьбе с Лёйтом, тогда как обратного не случилось никогда.

Удивительно то, что девять самок столь сошлись во мнении, хотя и можно все-таки усомниться в том, что они на самом деле были единодушны. Борьба за доминирование между Йеруном и Лёйтом порой создавала напряжение между самками. Мама и Горилла, очевидно, хотели поддержать Йеруна, тогда как другие самки с высоким рангом, такие как Пейст и Джимми, не особенно склонялись к этому выбору. Пейст даже несколько раз атаковала Маму, когда последняя вставала на сторону Йеруна против Лёйта. Позднее отмечалась также и обратная ситуация, когда единый женский фронт начал разваливаться. Когда, наконец, Лёйт утвердил себя в качестве вожака, Пейст оказалась первой самкой, которая оставила Йеруна и присоединилась к новому доминирующему самцу. Сначала Маму возмутило бегство Пейст, и она атаковала ее всякий раз, когда та открыто присоединялась к Лёйту. Вполне возможно, что такие самки, как Пейст и Джимми, перешли бы на сторону Лёйта гораздо быстрее, если бы не Мама. Месяцы единодушной женской поддержки Йеруна, возможно, в большей степени объясняются преобладающим влиянием Мамы, а не спонтанно возникшим согласием.

Можно было бы подумать, что при такой мощной поддержке Йеруну нечего было бояться. Но с первого дня было ясно, что он мог потерять поддержку этой группы. Мама несколько раз покидала его компанию. Это было явно связано с подрывной тактикой Лёйта. Лёйт приходил в возбуждение всякий раз, когда видел Йеруна со взрослой самкой. Он обычно подходил к Йеруну и самке и подвергал ее совершенно безапелляционному наказанию. Даже если ее контакт с Йеруном был весьма кратким и уже завершился, ей все равно грозила расправа (как в случае с Франье в вышеописанном эпизоде). Лёйт, начав применять эту тактику в самый первый день борьбы, никогда не отступал от нее и в последующие несколько недель.

Иногда Лёйту было достаточно просто подняться и начать двигаться к группе, и контакт между Йеруном и самкой тут же прерывался. В других случаях он встречал сопротивление, и конфронтация разгоралась до конфликта. Если бы Лёйт мог рассчитывать исключительно на свои силы, все эти конфликты заканчивались бы его поражением, поскольку его противники были сильны именно числом. И у самок не было бы особых причин избегать компании Йеруна из страха перед агрессивной реакцией Лёйта. Однако ситуация была не столь проста. Вмешательство третьего крупного самца – Никки – означало, что с самого начала было неясно, останется ли Йерун доминирующей стороной и насколько рискованно для самок ввязываться в конфликт между Йеруном и его противником.

Такие действия, предпринятые Лёйтом против контактов Йеруна в группе, я называю *разделяющими вмешательствами*. Их краткосрочный эффект был достаточно очевидным, но, чтобы определить, были ли у них долгосрочные последствия, мы в конце года провели статистический анализ. Это было необходимо, поскольку нельзя полностью полагаться на субъективные впечатления, особенно когда процессы протекают настолько медленно. Каждые пять минут мы записывали на переносной магнитофон, какие именно особи в вольере присоединились друг к другу, образуя подгруппу, т. е. какие именно

животные сидели на расстоянии не более 2 метров друг от друга. Проанализировав буквально сотни таких замеров, производимых летом 1976 г. с частотой раз в пять минут, мы реконструировали картину отношений Йеруна.

Лейт наказывает Тепел за то, что она сидела с его соперником. Йерун (слева) стоит, наблюдая за сценой, но не осмеливается защитить ее

Весной 1976 г., когда Лейт все еще продолжал регулярно «приветствовать» Йеруна, тот проводил около 30 % своего времени в подгруппах со взрослыми самками. Как мы выяснили, в те несколько недель, что предшествовали первому открытому вызову Лейта, этот показатель почти удвоился. Это означало, что в этот период Йерун почти постоянно искал компании самок. Вероятно, он так сблизился с ними потому, что уже чувствовал изменение в позиции Лейта и знал, что его собственное положение под угрозой: в этот промежуток времени Лейт «приветствовал» Йеруна лишь изредка. Тот факт, что Йерун искал безопасную гавань в женской компании в этот еще спокойный период, до шторма, обнаружился только потом, когда мы стали анализировать наши записи. Этим подтвердилось, что предварительные шаги были сделаны в то время, когда мы сами еще не осознавали, что намечаются столь существенные перемены.

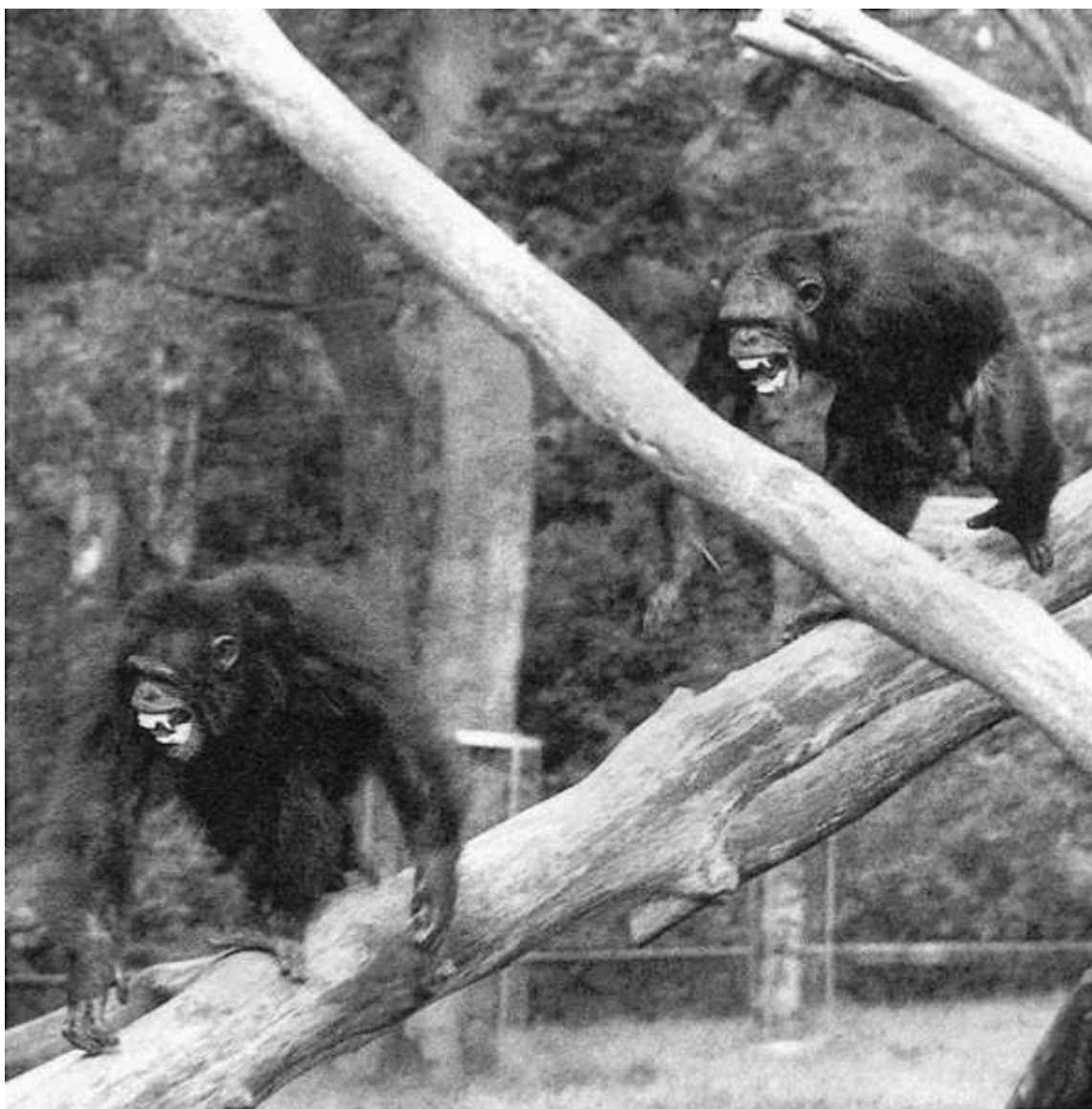
Данные более поздних периодов показывают заметное изменение. В те недели, когда Лейт действительно оспаривал лидерство Йеруна и постоянно проводил разделяющие вмешательства, количество времени, проводимого Йеруном в женской компании, постепенно снижалось. К осени рост контактов Йеруна с самками прекратился, и теперь он проводил с ними даже меньше времени, чем весной. Наши данные подтвердили социальную изоляцию Йеруна.

Негативная установка Лейта по отношению к самкам проявлялась только в тех случаях, когда они связывались с его соперником. В других случаях его отношение к ним было чрезвычайно позитивным. Он часто сидел вместе с ними, обыскивал их и играл с их детенышами. Эти контакты иногда осуществлялись в моменты, обладающие тактическим значением. Это стало ясно в самый первый день, после того как Лейт был сокрушен союзом Йеруна и самок, а потому вынужден был заключить с Йеруном мир. В тот же день, ближе к вечеру, Лейт начал снова демонстрировать себя, и снова его вызов привел к значительному конфликту. За несколько минут до брошенного вызова Лейт «сделал обход». Прежде всего он подошел к Франье, обыскал

ее и некоторое время играл с ее сыном Фонсом. Затем он пошел к Спин, обыскал ее, потом к Горилле, наконец, к Пейст. Сразу после этой необычайно быстрой череды контактов Лейт начал свою устрашающую демонстрацию, разыгрываемую вокруг Йеруна. Не могло ли быть так, что поведение Лейта по отношению к четырем самкам было попыткой убедить их сохранять нейтралитет во время последующего столкновения? Не было ли это своего рода «подкупом» или попыткой «вызвать сочувствие» своими дружелюбными действиями?

Разделяющее вмешательство: Йерун (справа на переднем плане) и Кром (слева) сидели, обыскивая друг друга, однако были вынуждены расстаться из-за Лейта, который демонстрирует себя на стволе дерева над ними. Тепел и Джонас смотрят

Йерун преследует своего соперника Лёйта. Оба самца кричат

Проблемы в отношениях Лёйта и Йеруна никогда не достигли бы такого размаха, если бы не самки. Если бы все ограничивалось ими как отдельными особями, вопрос о доминировании был бы решен в течение недели. Это было ясно по их поведению в спальном помещении, где они ночевали отдельно от всей остальной колонии. И если ранее Лёйт старался оставаться на заднем плане, теперь он передвигался, нисколько не тушуясь. Иногда он даже отнимал яблоки, предназначенные Йеруну. В целом два соперника, находясь вместе в спальном загоне, оставались достаточно мирными, но между ними все же дважды возникали стычки. В обоих случаях, как мы выяснили, у Йеруна было намного больше ранений. И хотя они не были серьезными, Йерун выглядел довольно жалко. Он утратил свою былую самоуверенность, и по его глазам можно было угадать всю меру психологического унижения, которому он подвергся. В то первое утро, когда Йерун явился в таком сокрушенном состоянии, реакция группы была возбужденной. Когда Мама обнаружила у Йеруна раны, она принялась ухаживать и оглядываться по сторонам. Йерун не выдержал, начал кричать и визжать, и тут сбежались все обезьяны, чтобы посмотреть, что же происходит. Когда обезьяны собирались, ухаживая, вокруг него, «виновник» Лёйт также начал кричать. Он нервно бегал от одной самки к другой, обнимал их и подставлялся им. Затем он потратил добрую часть дня на зализывание ран Йеруна. У него была глубокая рана на ноге и две раны на боку – все от мощных клыков Лёйта. Неудивительно, что эти раны вызвали такое волнение, ведь Йерун был ранен впервые за несколько лет.

Лёйт был попросту сильнее Йеруна. Поскольку Лёйт физически превосходил его, социальная

изоляция Йеруна осенью 1976 г. была чрезвычайно важна. Как только его изолировали – не только в ночной клетке, но и в группе, – Йерун был обречен.

Открытая коалиция Лёйта – Никки

Роль Никки в конфликте Лёйта и Йеруна оказалась ключевой. Несмотря на то что Лёйт и Никки действовали независимо друг от друга, они все же образовали коалицию или, точнее говоря, открытую коалицию. Они не так уж часто бывали вместе, не обменивались никакими особыми сигналами во время своих совместных действий, поддерживая друг друга в основном косвенно. Ирония в том, что плоды их сотрудничества стали в итоге бомбой замедленного действия, которая в конечном счете грозила разрушить их отношения. Для Лёйта результатом стала позиция вожака; а для Никки – позиция заместителя командующего, стоящего над взрослыми самками и Йеруном. Продвижение Никки было, в действительности, даже большим изменением, чем продвижение Лёйта, поскольку в начале 1976 г. Никки вообще едва ли воспринимали всерьез. Ни одна из взрослых самок не «приветствовала» его, и на него регулярно усаживались. Никто не удивлялся и не смущался, когда Мама била Никки за то, что тот был груб с ней.

В период, предшествующий вызову, который был брошен вожаку Йеруну, Никки взял привычку вести себя с самками точно так же, как Лёйт. Если Лёйт атаковал самку, Никки тут же сильно шлепал ее. Эта тактика «бей и беги» настолько закрепилась за Никки, что мы стали считать его трусом, который просто пользуется ситуацией. Однако последующие события того же года представили действия Никки, ставшего тенью Лёйта, в совершенно ином свете. Вероятно, оба они уже проверяли на прочность положение Йеруна, поскольку их атаки на самок часто проходили в опасной близости от того места, где сидел Йерун. Даже самки, которые убегали к Йеруну за защитой и обнимали его, не всегда могли обезопасить себя от Никки и Лёйта. Тот факт, что в подобных обстоятельствах Йерун не всегда действовал решительно, был, вероятно, важным показателем для двух других самцов. Вожак, колебавшийся, когда надо защитить своих протеже, скорее всего, не смог бы должным образом защитить и самого себя.

В период открытого конфликта Лёйта и Йеруна Никки только раз напрямую вмешался в столкновение двух соперников, и, что достаточно странно, в этом конкретном случае его действия были направлены против Лёйта. Это случилось на самом раннем этапе борьбы, примерно через десять минут после того, как Лёйт грубо прервал спаривание между Никки и Спин, набросившись на Никки. Это был чрезвычайно важный инцидент, поскольку он показал, что Лёйт не может позволить себе вступить в прямую конкуренцию с Никки. В тот же самый первый день произошел еще один похожий, но менее очевидный инцидент, и причиной снова выступило сексуальное соперничество. Никки, наказанный Лёйтом, с криками убежал к Йеруну, угрожая образовать коалицию против Лёйта. Лёйт среагировал тем, что поспешил обратиться на другую сторону вольера. Два этих инцидента могут объяснить, почему Лёйт приложил все усилия, чтобы не вступать в конфликт с Никки. Чтобы не настраивать Никки против себя, он должен был проявлять терпимость. Лёйт не мог рисковать, отталкивая Никки, поскольку слишком сильно в нем нуждался.

К лету 1976 г. Никки стал вполне взрослым самцом

Никки однажды открыто выступил против Лёйта, однако косвенно он много раз выступал на его стороне, когда помогал отгонять сторонников Йеруна, т. е. самок. Без помощи Никки Лёйт, скорее всего, не смог бы сместить Йеруна. Обычный паттерн взаимодействий в их случае выглядел следующим образом. Лёйт начинал демонстрировать себя, ходя вокруг Йеруна, пока тот не обращал на него внимания и не начинал кричать, призывая на помощь. Йерун либо просил самок прийти и помочь ему, либо сам уходил за ними. Когда Йерун со своими сторонниками подходил к Лёйту, в действие вступал Никки и атаковал одну из самок из группы поддержки Йеруна, чаще Маму или Гориллу. Благодаря этому вмешательству ситуация обычно запутывалась; конфликт между Йеруном и Лёйтом продолжался, но самки объединялись теперь против Никки. В большинстве случаев Йерун и Лёйт в итоге оказывались на вершине дубов – Лёйт продолжал демонстрацию, а Йерун кричал и тщетно протягивал руку к своим помощникам-самкам, которые оставались внизу, но не могли отвлечься от своей борьбы с неутомимым Никки.

Никки был настолько проворным акробатом, что едва ли им удалось поймать его хотя бы раз. Бывало, он разбегался и прыгал на своих противников, уклоняясь от них на каждом повороте, так что они уже просто не понимали, в какую сторону смотреть: иногда он бил их сзади, тогда как они ожидали лобовой атаки. В одной из таких сцен Никки приблизился к Маме сзади, просунул руки под ее широкий зад и бросил ее в воздух, прежде чем она успела что-либо понять.

Эти трюки продемонстрировали удивительную физическую силу Никки; его уже нельзя было игнорировать, удерживая на прежнем месте. Его драки с самками стали совершенно самостоятельным явлением, которое развивалось независимо от борьбы на вершинах деревьев. Иногда случалось так, что Никки и самки продолжали сражаться, когда конфликт между Йеруном и Лёйтом давно уже закончился. Иногда, впрочем, Никки, вероятно, вполне осознанно помогал Лёйту. Так, однажды он отогнал Маму от Йеруна на одно из небольших мертвых деревьев, а потом остался стоять под ним, демонстрируя себя, пока Йерун и Лёйт не закончили спорить. Только после этого Маме было позволено спуститься.

Коалиция между Мамой (слева) и Кром против Никки (справа)

И наоборот, Лёйт поддерживал Никки в его великой борьбе против самок. В те редкие случаи, когда Никки сам попадал в неприятную ситуацию, к нему на помощь приходили Лёйт или Пейст. И снова роль Пейст оказывалась совершенно не женской. Хотя все остальные самки демонстрировали свою солидарность, когда атаковали Никки, Пейст шла наперекор им всем, становясь «не на ту» сторону. Ее особое отношение к Никки, как и отношение Лёйта к Никки, отличалось взаимностью. Агрессивные действия Никки никогда не были направлены против Пейст, и она являлась единственной самкой, которая могла рассчитывать на его поддержку в случае, когда сама оказывалась в затруднительном положении.

Если бы Никки взялся серьезно бороться с самками, т. е. если бы он стал использовать свои опасные зубы, он наверняка вынудил бы их подчиниться раньше. Но он строго следовал правилам и дрался только руками и ногами, никогда не кусаясь клыками. Самцы иногда кусают самок, но только резцами. Напротив, самки, у которых нет больших клыков, используют свои зубы гораздо менее осторожно – как в боях с другими самками, так и при защите от агрессоров-самцов. Из-за этих правил конфликты Никки и самок, длившиеся неделями, не приходили к какому-то определенному результату, как не было между ними и серьезных драк, поскольку Никки был достаточно проворен, и его просто невозможно было поймать. Он снова и снова провоцировал самок, а когда они начинали кричать и возмущаться, он выжидал, чтобы увидеть, насколько близко они осмелятся к нему подойти. Они знали, что если подойдут к нему слишком близко, то получат тумаков. Но с другой стороны, если их собиралось слишком много для него одного, Никки часто просто ловко убегал от них. Несмотря на силу Никки и возмущение самок,

их столкновения никогда не приводили к травмам.

Тот факт, что такие зрелищные процессы, связанные с доминированием, могут происходить в большой колонии без кровопролития, оправдывает оптимизм, с которого начинался проект Арнема. И в то же самое время он опровергает аргументы руководителей зоопарков и лабораторий, которые считают, что шимпанзе следует держать изолированно или хотя бы в очень мелких группах из-за их, как говорят, «чрезмерной агрессивности». Самцы шимпанзе невероятно сильны, и они могут убить, но они способны и сдерживать себя. У Никки был фактически нож в кармане, но он все равно дрался с самками голыми руками. Клыки могут применяться только в тех редких случаях, когда самцы дерутся друг с другом, и даже тогда шимпанзе обычно руководствуются жестким кодексом поведения.

За несколько месяцев столкновения Никки с самками постепенно ослабли, поскольку все больше самок стали его «приветствовать». Последними его новое положение признали Мама и Пейст. Они не «приветствовали» Никки до октября. С этого момента ранг Никки стал выше, чем у всех самок. Новый статус он заполучил не просто благодаря своей быстро выросшей физической силе (у него был взрывной период роста в 1975–1976 гг.), но также из-за хаотической ситуации в самой группе. У самок больше не было того, к кому они могли бы обратиться. У группы не было вожака, а Никки к тому же провоцировал конфликты в те моменты, когда два претендента на роль вожака были слишком заняты борьбой друг с другом, проходившей на вершинах деревьев. Значительная выгода, полученная Лейтом от действий Никки, была для последнего, возможно, лишь побочным эффектом. У Никки и Лейта были не тождественные, а параллельные интересы: претензии Лейта на власть, вероятно, оказалось проще реализовать благодаря борьбе за доминирование между Никки и самками, и наоборот. Поскольку их сотрудничество было очевидным, но сферы их деятельности были столь разными, я назвал их взаимоотношения *открытой коалицией*.

Единичные случаи более тесного сотрудничества Лейта и Никки отмечались после того, как Йерун был едва ли не полностью изолирован от остальных членов группы. К этому времени, когда между Йеруном и Лейтом разгорался конфликт, Никки сопровождал их, выступая в роли придворного шута. Он не принимал участие в самом конфликте, но наблюдал со стороны, бегая туда-сюда, кувыркаясь и всячески подбадривая Лейта с расстояния. Он ухал вместе с Лейтом на Йеруна, а иногда швырял в Йеруна разные предметы, когда тот, как обычно вопящий и раздраженный, пытался уклониться от приставаний Лейта. Казалось, что Никки просто развлекается за счет Йеруна.

Истерики и схватки

Может показаться, что летом 1976 г. шимпанзе только и делали, что дрались. Но это ложное впечатление. Описанные инциденты были просто наиболее яркими моментами этого вялого времени года. Порой шимпанзе часами сидели или нежились на солнце – настолько расслабленные, что у них закрывались глаза. Временами несколько обезьян медленно бродили по вольеру или спокойно обыскивали друг друга в тени. Однако несмотря на это внешнее оцепенение, шимпанзе никогда не забывали о том, что должно было произойти. Каждый раз, когда Лейт с сонным видом поднимался, чтобы оценить ситуацию, и замечал, что Йерун, пока Лейт спал, пытался присоединиться к какой-нибудь самке, мы сразу же наводили на него видеокамеру, приготовившись к действиям. Три-четыре раза в день начинался настоящий ад. Именно эти моменты я записывал, но не остальные часы глубокого покоя и мнимой гармонии.

Период борьбы за доминирование между Лейтом и Йеруном был для нас сложным, но крайне интересным. Это история, полная неожиданностей и поворотов. В первый месяц не было ясно, каким будет окончательный результат. В некоторые дни казалось, что Йерун полностью контролирует ситуацию, поскольку ему удавалось запугать Лейта или при поддержке самок прогнать его. В другие дни верх одерживал Лейт. Он настойчиво демонстрировал себя Йеруну и никогда не обнажал зубы во время стычек со своим соперником. Йерун, напротив, обнажал зубы, что у шимпанзе является признаком неуверенности. На ранних этапах казалось, что Йерун словно бы пытается скрыть свою неуверенность от Лейта. Безо всякого особого выражения на лице Йерун отодвигался от своего противника и только потом скалился или же издавал мягкое повизгивание, когда он был достаточно далеко от Лейта и сидел к нему спиной. Этот удивительный спектакль, позволяющий «сохранить мину», стал еще более очевидным в последующей борьбе за доминирование.

Другой феномен, который также наблюдался в последующих процессах и который я потом стал интерпретировать как начало конца, – это истерические припадки у проигрывающей стороны. У Йеруна такие истерики начали появляться после того, как конфликт продолжался уже около месяца. С непогрешимым чувством драматизма он падал с дерева подобного гнилому яблоку и начинал кататься с криками и воплями по земле, тогда как Лейт продолжал угрожающую демонстрацию. Эти истерики создавали впечатление едва сдерживаемого чувства отчаяния и безнадежности. Когда самообладание к нему отчасти возвращалось, Йерун начинал бегать, крича на самок, бросался на землю в нескольких метрах от них или протягивал к ним обе руки. Это был жест уже не просьбы, а мольбы – мольбы о поддержке. Если самки отказывались помочь или даже старались уклониться от него, Йерун снова падал наземь и бился в истерике. Казалось, что он полностью утратил контроль над своей мускулатурой, – он жалостливо кричал и извивался как рыба, выброшенная на берег.

Его реакция была совершенно другой, если самки предлагали ему помощь. В этом случае он обычно сразу же вскакивал, обнимал их и направлялся к своему сопернику со свитой самок за спиной. Но со временем самки все больше теряли желание помогать Йеруну, что вряд ли может удивить, если помнить о жестоких акциях Никки. С ростом чувства бессилия перед выходками Никки у Йеруна участились и истерики. Все выглядело так, словно бы Йерун пытается вызвать жалость и мобилизовать своих симпатизантов против Лейта. Однако привыкание порождает презрение; со временем вспышки Йеруна стали чем-то совершенно обыденным и предсказуемым, так что другие обезьяны перестали обращать на них внимание. То же случилось и с нами. Сначала мы часами простаивали на смотровой площадке, испытывая глубокую жалость к Йеруну, демонстрировавшему «безутешное отчаяние». Но со временем эта жалость

притупилась. Нам стало трудно воспринимать отчаяние Йеруна всерьез: оно выглядело наигранной позой. У Йеруна эти частые истерики прекратились, как только он утратил практически всю поддержку. После столкновения с Лёйтом он больше не издавал душераздирающих криков, а просто сидел с пустым взглядом. Из него как будто вынули стержень.

Ваутер обнимает Йеруна, пытаясь успокоить его во время одной из истерик

Интересным моментом в этих вспышках раздражения у Йеруна является то, что он в своем более чем зрелом возрасте (ему было 30 лет) пытался привлечь внимание и вызвать симпатию, впав в детское, если не сказать младенческое поведение. Истерики обычно встречаются у маленьких детенышей, когда мать отлучает их от груди. Детеныши чувствуют, что мать отвергает их, а потому кричат и брыкаются, пока она не притянет их к себе обратно. Удивительно (и подозрительно) то, как резко детеныши прекращают свои истерические припадки, если мать уступает им. Возможно, Йерун демонстрировал то же самое поведение, поскольку ощущал фрустрацию и угрозу со стороны кампании Лёйта, нацеленной на его смещение. Йеруна словно бы буквально *отлучали* от власти.

Медленное падение Йеруна с господствующей позиции нашло отражение в его наиболее серьезных столкновениях с Лёйтом. Я уже упоминал о двух таких боях в их спальных загонах — оба они закончились полной победой Лёйта. Если считать день, когда началась борьба за доминирование, нулевым днем, тогда ночные бои произошли на 30-ю и 59-ю ночь. Другие серьезные инциденты наблюдались днем. Они описаны ниже. Для удобства ориентации я исхожу здесь из того, что процесс борьбы за доминирование завершился на 72-й день, когда Йерун впервые «приветствовал» Лёйта.

День 16-й

В первом физическом столкновении между двумя самцами атакующим выступает Йерун. В

ответ на провокационные демонстрации Лёйта Йерун, при поддержке Гориллы, преследует его и ловит. Лёйт пытается прорваться, но оказывается в окружении врагов (в драке участвует по меньшей мере восемь особей). Прежде чем Лёйту удастся наконец убежать на дерево, Йерун кусает его по меньшей мере один раз. Лёйт не кусает его в ответ.

День 24-й

Агрессор – снова Йерун, спровоцированный демонстрациями Лёйта. Вместе с Гориллой и Пейст Йерун гонит Лёйта на максимальной скорости, крича на бегу. Лёйт тоже кричит. Но тогда, когда Йеруну удастся догнать Лёйта, он случайно(?) переворачивается вверх тормашками. После этого погоня продолжается, но внезапно заканчивается, когда оба самца убегают на дерево, а две самки не следуют за ними. И это неудивительно, поскольку выбранное самцами дерево – живое, а оно защищено высоковольтной сеткой. Конфликт настолько обострился, что самцы отважились испытать на себе удары электрического тока. Когда оба самца рассаживаются на дереве, под ними собирается вся группа, чтобы поглазеть на столь удивительное зрелище. Первым спрыгивает Йерун, его успокаивают несколько членов группы. Они целуют его и обнимают, а некоторые кладут ему палец в рот. Йерун несколько раз приглашает Лёйта спуститься. Его приглашения сопровождаются самыми разными жестами: от вытягивания руки и выпячивания губ до сексуальных знаков (у Лёйта и Никки тоже эрекция). Однако Лёйт остается на дереве и отламывает несколько веток, которые он кидает вниз. Другие члены группы подбирают их и начинают объедать листья. Несколько раз Лёйт оказывается буквально над головой Йеруна, балансируя на тонких ветвях и протягивая ему свою руку. Только через три четверти часа Лёйт наконец спускается с охапкой отломанных веток. Пока другие члены группы жадно собираются вокруг еды, принесенной Лёйтом, Йерун следует за ним в другую часть вольера, где они спокойно мирятся. Снова став друзьями, они долгое время обыскивают друг друга, а потом усаживаются по-братски, чтобы попировать листьями с большой ветки, которую Йерун приволок с собой.

Йерун протягивает руку Лёйту, приглашая его спуститься с дерева после конфликта между ними. Слева направо: Дэнди, Никки и Спин наблюдают. Пёйст сидит справа, а на стене Мама (слева) пытается взять несколько листьев у своей подруги Гориллы. Позже Лёйт набросал с дерева больше листьев, так что хватило всем

У этого драматического события оказались далеко идущие последствия, поскольку с этого дня значительно возрос интерес обезьян к живым букам. На следующий день Лёйта можно было несколько раз заметить сидящим под тем же деревом – он посматривал вверх, хотя уже не предпринимал попыток забраться. Через четыре дня обезьяны решили проблему электрического ограждения, прислонив к дереву длинный сук – в качестве своеобразной лестницы. Этот метод позднее использовался чаще, превратившись в особый навык, в котором специализировались Лёйт и Никки. Йерун никогда не проявлял инициатив в этом направлении. Возможно, Лёйт случайно разыграл из себя Санта-Клауса в этом первом, как и последующих эпизодах, когда осыпал толпу едой, однако мне сразу показалось, что он нашел весьма умный способ привлечь к себе внимание.

День 36-й

Еще одна атака Йеруна после повторных провокаций Лёйта. Йерун зажимает Лёйта на вершине одного из деревьев (мертвых) и кусает его. На этот раз Лёйт кусает в ответ. Мама, Горилла, Пёйст и Никки также играют определенную роль в этом столкновении. Только Пёйст присоединяется к самой драке, хотя, к сожалению, неясно, на чьей она стороне. Почти сразу после того, как все они спустились с дерева, Йерун насаждает на Лёйта. Затем два самца целуют друг друга и зализывают друг другу раны. Раны Лёйта явно глубже.

У этого инцидента был косвенный результат, который стоит упомянуть в связи с возможной ролью Мама как лидера женской группы, поддерживающей Йеруна. Когда потасовка на дереве

подошла к концу и все спустились на землю, Мама стрелой помчалась к Джимми, которая поспешно схватила своего детеныша и убежала от Мамы с громкими криками. Горилла, бывшая в те времена подругой и союзницей Мамы, атаковала Кром. Причина двух этих внезапных атак, должно быть, в предшествующем конфликте двух самцов, но Джимми и Кром не имели к нему никакого отношения. Возможно, основанием для действий Мамы выступил как раз их нейтралитет? Точно мы никогда не узнаем, но это был не единственный случай, когда основной конфликт Йеруна и Лёйта сказывался на действиях самок.

День 64-й

Последняя серьезная драка происходит после того, как Лёйт какое-то время преследовал Йеруна и бросал в него камни. Йерун с криками убегает, но потом внезапно останавливается и разворачивается, чтобы сразиться с Лёйтом. Пейст подбегает к дерущимся самцам и бросается в бой; и снова неясно, кого она поддерживает. Скорее всего, на этот раз она против Йеруна, поскольку сразу после того, как Пейст присоединяется к драке, Йерун выбирается из этой кутерьмы и с криками убегает к Маме. Лёйт преследует его, однако вместе с Мамой Йерун способен от него отбиться.

Когда все успокоилось, Пейст подходит к Маме и «приветствует» ее с подчиненным видом. Йерун и Лёйт целых полчаса не могут урегулировать свои разногласия. На этот раз ранен был Йерун, а не Лёйт.

Раны у Йеруна и Лёйта мы видели только после двух драк в спальном помещении и трех драк в группе. Поэтому мы можем с большой уверенностью предполагать, что у соперников было только пять серьезных столкновений. Три схватки в группе, которые я только что описал, демонстрируют вполне очевидную картину. В первой драке Йерун был атакующим и победителем, причем его противник не кусался в ответ. Во второй драке Лёйт уже кусался. В третьей (и последней) драке Лёйт был атакующим и победителем. Если учесть, что промежуток между этими драками составлял несколько недель, объяснение нельзя найти в изменении физической силы двух самцов; в действительности, результаты отражают изменение их социального статуса по отношению друг к другу.

Мы обычно думаем, что результат боя определяет социальные отношения, тогда как в данном случае как раз наоборот, результат определялся социальными отношениями. То же самое наблюдалось и в последующих процессах борьбы за доминирование. Общая социальная атмосфера влияла на самоуверенность соперников. Казалось, что их эффективность зависит от установки группы (примерно так же футбольная команда лучше играет на своем поле, чем на чужом). Хотя по прошествии четырех недель Лёйт показал в драке в спальном помещении, что физически он сильнее Йеруна, ему понадобилось девять недель, чтобы убедительно продемонстрировать себя группе в целом. К тому времени Йерун едва ли мог надеяться на какую-либо поддержку, а одна из самок, Пейст, по-видимому, вообще покинула его лагерь. Лёйт тщательно отслеживал реакции группы, прежде чем осмелился предпринять открытую атаку на Йеруна. Его успех в последнем бою был не просто демонстрацией грубой силы: он со всей ясностью показал Йеруну, что установка группы претерпела радикальное изменение.

Я не могу поверить в то, что драки самцов действительно представляют собой пробу сил, поскольку самцы слишком сдержанны. Они кусают только конечности, обычно палец или ступню, реже плечо или голову. Такого рода сдержанная борьба отчетливо заметна уже в столкновениях двух самцов-подростков, Ваутера и Джонаса, – как в играх, так и немногочисленных серьезных инцидентах, случавшихся между ними. Поскольку это едва ли не единственная форма сражения самцов друг с другом, они не могут дать себе волю, проявив в полной мере свою физическую силу. Ключевой фактор в данном случае – их способность

эффективно драться в рамках определенных правил. Самец должен уметь быстро убирать руки и ноги, а также не менее быстро хватать руки или ноги противника. Скорость и ловкость не менее важны, чем сила.

Ограничения и правила, определяющие столкновения самцов шимпанзе, характерны для видов с сообществами, включающими много самцов. Такие виды довольно редки. Общественные млекопитающие обычно живут в группах из нескольких (иногда многих) самок, но немногих самцов. У некоторых видов, например, слонов, самцы вообще не являются частью общества, тогда как у большинства других видов единственный самец держит соперников вдали от «своих» самок. В более редких случаях самцы терпят друг друга, обычно изредка совершая дружеские контакты, но самая нестандартная ситуация – когда все самцы действительно являются друзьями или союзниками.

Три других вида больших человекообразных обезьян типичны: отношения в их сообществах варьируют от нетерпимости взрослых самцов друг к другу до напряженных, но некооперативных связей. Самцы орангутангов скитаются по огромным территориям в дождевом лесу, отпугивая других самцов. Самцы горилл иногда живут в одной и той же группе, однако в типичном случае монополизируют самок и забивают вторгающихся самцов до смерти. Самцы бонобо живут вместе, однако они крайне конкурентны: они не охотятся вместе, в отличие от самцов шимпанзе, и точно так же они не защищают вместе территорию и не образуют политических союзов. Самцы бонобо, в том числе и вполне взрослые, ходят за своими матерями по лесу и зависят в своем статусе от них: на вершине обычно оказываются сыновья матерей с высоким статусом. Общество бонобо связывается самками и подчиняется им, что само по себе впечатляет, но является неудачной моделью для сложных отношений самцов, характерных для человеческого общества.

Самцы шимпанзе выделяются среди наших ближайших родственников своей способностью преодолевать базовые склонности к конкуренции, обнаруживаемые у всех самцов животных, и достигать кооперации более высокого уровня. Точно так же, как мужчины постоянно участвуют в конкурентных играх на работе, отбивая при этом единым фронтом корпоративных «врагов», самцы шимпанзе сдерживают и ритуализируют свою состязательность, поскольку им нужна единая линия обороны от соседей. Даже если в Арнеме нет соседских групп, психология самцов шимпанзе, сформированная миллионами лет межгрупповых войн в естественных условиях обитания, – это психология одновременно конкуренции и компромисса. Каков бы ни был уровень конкуренции между ними, самцы рассчитывают друг на друга, когда приходится иметь дело с внешней угрозой. Ни один самец не знает, когда ему понадобится его самый заклятый враг. Естественно, именно из-за этого сочетания товарищества и соперничества между самцами общество шимпанзе кажется нам намного более знакомым, чем социальная структура других больших обезьян^[9].

Цена мира

Поскольку пять серьезных драк были настолько сенсационными, мы, вероятно, приписываем им слишком большое значение. В интервалах между ними состоялись буквально сотни демонстраций и ненасильственных конфликтов. Драки были драматическим представлением положения вещей, однако последнее определялось в конечном счете сложными цепочками факторов, которые отражались в бесчисленных непрерывно предпринимаемых социальных маневрах.

Противовесом немногим серьезным вспышкам агрессии между Йеруном и Лёйтом выступает немалое количество времени и энергии, потраченных ими на подавление этой агрессии: по крайней мере это наиболее вероятная функция многих дружеских контактов и долгих сеансов груминга, проходивших между двумя соперниками. Самцы обычно обыскивают друг друга в периоды напряжения – этот факт совершенно отчетливо демонстрируют графики груминга среди обезьян, построенные нами на основе многолетнего сбора данных. Пики груминга между самцами совпадали с периодами, когда отношения между ними были неустойчивыми. Рекорд – 20 % во время одного из этапов борьбы за доминирование; иными словами, несмотря на все свои конфронтации, два соперника около одной пятой своего времени занимались взаимным грумингом. Йерун и Лёйт никогда не тратили столько времени на обыскивание друг друга, однако и у них груминг занимал гораздо больше времени, чем обычно. Несмотря на то что груминг кажется крайне расслабленной деятельностью, есть основания утверждать, что когда самцы начинают обыскивать друг друга более регулярно, это сигнал трений. Я подчеркиваю слово «самцы», поскольку это правило не обязательно применимо также и к самкам шимпанзе.

Сеанс груминга обычно происходит вскоре после примирения. Собственно, уже и сами примирения Йеруна и Лёйта крайне озадачили нас, поскольку самцы сначала садились друг перед другом, вздыбив шерсть, словно они снова собирались начать демонстрацию. В тот первый послеобеденный эпизод это явление внушило мне чувство страха и удивления, но позже я узнал, в чем различие между демонстративным поведением, ведущим к дружескому контакту, и обычными демонстрациями, которые еще больше усугубляют конфликт. Во время примирения оба индивида всегда безоружны (в руках нет ни палок, ни камней), и у них есть зрительный контакт. Самцы шимпанзе избегают смотреть друг на друга в моменты напряжения, вызова и устрашения. А в моменты примирения они смотрят прямо в глаза бывшему противнику. После конфликта два шимпанзе могут иногда около четверти часа сидеть напротив друг друга, пытаясь поймать взгляд другого самца. Как только противники наконец начинают смотреть друг на друга, сперва неуверенно, но потом все более прямо, примирение не за горами.

Помимо многих сцен примирения Йеруна и Лёйта, мы также были свидетелями перемирий. По крайней мере я не могу придумать лучшего объяснения длительным и интенсивным контактам между ними, случавшимся непосредственно до того, как по вечерам они удалялись в спальный загон. Они никогда не уходили в клетку, не помирившись, а тот факт, что у них было только две ночные драки, может объясняться именно этими перемириями. Для того, чтобы лучше понять этот момент, рассмотрим одно из таких вечерних «рукопожатий у двери».

День 1-й, 17.00

Все обезьяны уже зашли внутрь, за исключением Йеруна и Лёйта, которые стоят у входа. Лёйт слегка демонстрирует себя в стороне от Йеруна. Тот придвигается к Лёйту и пыхтит на него. Он протягивает руку и ухмыляется. Лёйт ухмыляется в ответ, но держит дистанцию. Размашистыми шагами Лёйт, вздыбив шерсть, делает несколько кругов вокруг Йеруна, тогда как

тот продолжает выпрашивать контакт. Лейт делает несколько шагов к Йеруну, но потом снова отступает. Отступая, Лейт продолжает ухмыляться, и в то же время у него появляется эрекция. Примерно в 20 метрах от Йеруна Лейт ложится на живот и делает несколько толчков тазом в песок, все время пыхтя. Йерун неуверенно приближается к нему. Довольно неожиданно обе обезьяны начинают кричать в один и тот же момент, и Лейт подставляется Йеруну, который начинает обыскивать ему спину, все время продолжая пыхтеть. Через несколько минут они усаживаются и принимаются обыскивать друг друга, на что у них уходит много времени. Спустя час они проходят в здание. Другие обезьяны уже успели поест. Я вместе с кипером терпеливо ждал, пока самцы не успокоятся настолько, чтобы войти вместе в спальное помещение. Оба они с аппетитом поели.

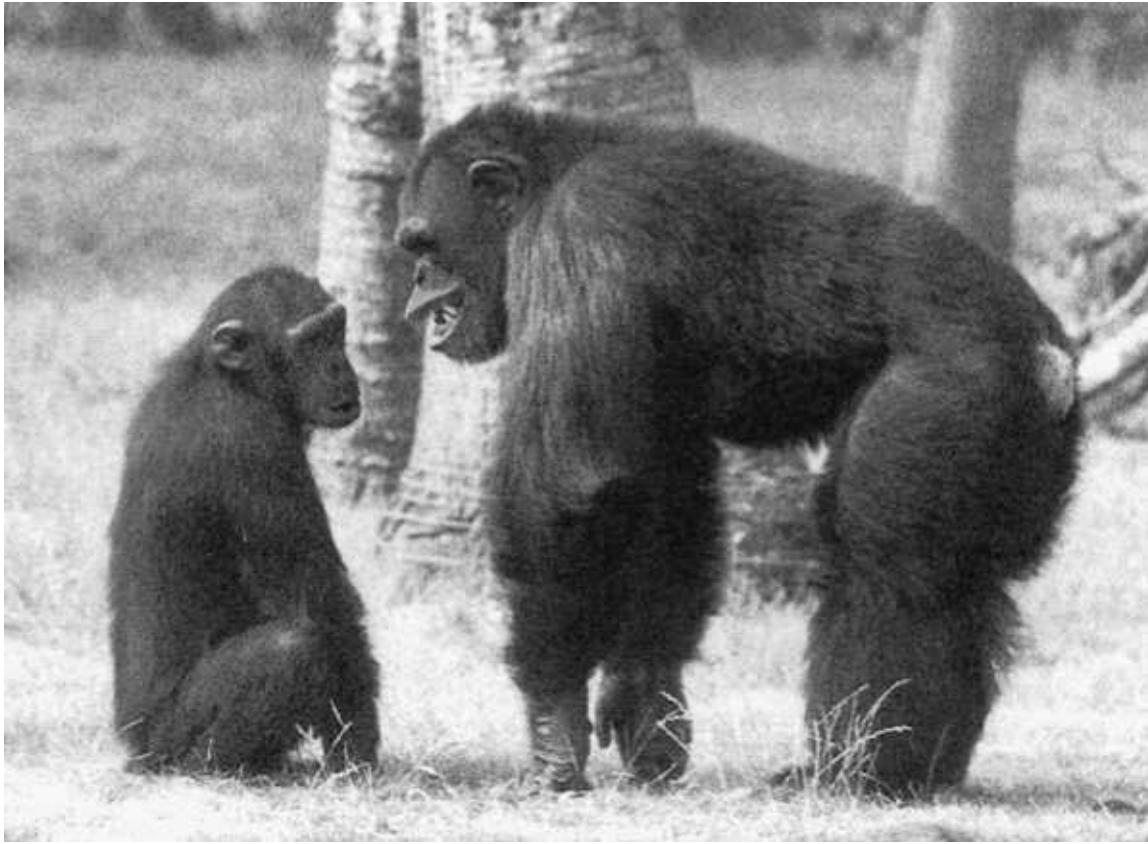
Эти примирения и перемирия между Йеруном и Лейтом не были чем-то автоматическим. Скорее казалось, что на карту поставлено их «чувство чести». Если ни один из них не был готов сделать первый примирительный шаг – например, посмотреть на другого, протянуть руку, попыхтеть с дружеским видом или просто подойти к противнику, – оба они продолжали сидеть в напряжении друг против друга, и часто из этого тупика им помогала выйти третья сторона. Такой третьей стороной всегда выступала одна из взрослых самок. Посредничество, осуществляемое самками, может принимать разные формы. Например, в первый день в примирении Лейта и Йеруна, которое я уже описал, участвовала Кром, однако ее роль не была настолько решающей, чтобы ее можно было рассмотреть в качестве действительной попытки посредничества, множество очевидных примеров которого наблюдалось позже. Как только конфликт двух соперников затухал, самка-посредник обычно подходила к одному из них, целовала или какое-то небольшое время обыскивала его. После того как она подставилась ему, а он осмотрел ее гениталии, она медленно шла к его противнику. Первый самец часто следовал за ней, нюхая время от времени ее влагалище и не смотря на своего противника. Явный интерес самца к задку самки-посредника был достаточно необычным. В других ситуациях взрослый самец обычно не идет за самкой, которая только что подставилась ему, особенно если у нее нет набухания. (В действительности, самки с набуханием половой кожи никогда, по нашим наблюдениям, не выступали в роли посредников. И это понятно, ведь они стали бы лишь источником дополнительных разногласий.)

Самец, вероятно, следовал за самкой-посредником, чтобы иметь предлог приблизиться к своему противнику и в то же время не смотреть на него. Было очевидно, что самка не случайно направлялась к противнику: ее посредничество было целенаправленным актом. Она часто оглядывалась, чтобы проверить, идет ли все еще за ней самец, а если он не шел, она оборачивалась и тянула его за руку, заставляя следовать за собой. Когда она вместе с самцом достигала его противника, она садилась и оба самца начинали обыскивать ее, каждый со своей стороны. Когда самка через несколько минут скромно удалялась, самцы продолжали заниматься грумингом, словно бы ничего не произошло, но теперь, разумеется, они обыскивали друг друга.

Эту удивительную каталитическую функцию самок можно истолковать лишь в том смысле, что восстановление мира было в их интересах. Каждая из взрослых самок в тот или иной момент играла роль посредника, однако не у всех методы были настолько тонкими, как в только что описанном случае. Наиболее впечатляющим примером, которому я стал свидетелем, являлся более или менее вынужденный контакт между Лейтом и Никки после их конфликта: Пейст продолжала пихать Лейта рукой в бок, пока он не сел рядом с Никки и не был вынужден выбирать между двумя вариантами – убежать или придвинуться еще ближе к своему противнику. Он выбрал последний.

Теперь, когда мы рассмотрели груминг, зрительный контакт, перемирие и посредничество, причины моего живейшего интереса ко всей этой теме примирения, вероятно, стали понятнее. Я

полагаю, что социальное значение этого поведения невозможно переоценить. Оно почти наверняка играет ключевую роль, выступая в качестве конструктивного противовеса силам, которые грозят подорвать жизнь группы. Удивительно, как мало исследований было посвящено этому аспекту поведения. В 1960-1970-х годах были потрачены значительные суммы на исследование агрессивного поведения людей и животных, но почти не было исследований по его сдерживанию.

Попытки Лёйта пересмотреть ритуал доминирования крайне возбудили Йеруна. С визгом он отбежал от своего соперника, а теперь приближается к Зварт, чтобы его успокоили

Один из аспектов примирения я приберег до этого момента, поскольку он тесно связан с завершением борьбы Йеруна и Лёйта. Это феномен совместной демонстрации, совершаемой обеими сторонами в качестве прелюдии к примирению. Он, вероятно, имеет особое значение для проверки статуса отношений доминирования. Лёйт неделями не «приветствовал» Йеруна, так что не было сомнений относительно того, к чему все идет. В отсутствие этого типа поведения, демонстрирующего подчинение, акцент сместился на доказательство доминирования. Первоначально в конце конфликта только Йерун вставал в доминирующую позу. Он делал это перед тем, как начать искать контакт для примирения. Когда два самца приближались друг к другу, вздыбив шерсть, пытаясь выглядеть как можно больше и смотря друг другу прямо в глаза, именно Йерун проводил наседание. Другими словами, он наступал на Лёйта, поднимая руку вверх. Только тогда два самца целовались, начинали обыскивать друг друга или выбирали какие-то иные формы контакта.

После нескольких недель наседаний, проводимых Йеруном, начался переходный период, когда примирения почти никогда не сопровождалось демонстрациями. Потом Лёйт постепенно сам начал проводить наседания. Его попытки вызвали у Йеруна сильнейшее напряжение. В первый раз, когда Лёйт попытался поменяться с ним ролями, оба самца приблизились друг к другу, демонстрируя себя и вытягиваясь в полный рост, пока не встретились лицом к лицу, стоя на двух ногах. Лёйт поднял руки, чтобы насесть на Йеруна, но тот с криками убежал и забился в

истерике!

Только на 49-й день Лёйту впервые удалось провести с Йеруном заседание. Позднее это стало стандартной процедурой, однако переворот был очень медленным, постепенным процессом. Несколько недель Йерун и Лёйт проводили заседания друг для друга. Они оба пытались избегать роли подчиненной стороны, а в результате примирение порой оказывалось под вопросом. В одном из случаев Йерун даже нарушил все неписанные правила, которым следуют подобные столкновения, – резко ударив своей головой в грудь Лёйта, когда тот наступил на него. Лёйт с криками удалился, протестуя. В других случаях Лёйт отказывался, чтобы на него заседали. Когда Йерун приближался, он отступал, продолжая стоять на ногах, тогда как Йерун начинал визжать и убегал к ближайшему члену группы, чтобы успокоиться кратковременными объятиями, а потом снова возвращался к Лёйту.

В последнюю неделю всего этого процесса все более доминирующее поведение Лёйта наконец было подтверждено подчиненным поведением Йеруна. И снова это произошло в контексте примирения. Мы наблюдали несколько новых моментов: попытки контакта в конце конфликта теперь предпринимались только по инициативе Йеруна. Лёйт регулярно отказывался иметь с Йеруном дело, а это означало, что Йеруну требовалось несколько попыток, прежде чем Лёйт будет готов принять его предложения. В такие моменты Йерун издавал в направлении Лёйта звуки, которые, хотя и сильно напоминали «приветствие», были слишком мягкими и невнятными, чтобы считаться таковым. В то время я еще не распознал возможной связи между тремя этими явлениями – потребностью в контакте, проявляемой одной стороной, отказом другой стороны в контакте и невнятным «приветствием». Только после изучения более поздних процессов я внезапно понял, как все это объясняется: все выглядело так, словно приглашения к примирению на этом этапе отношений могли увенчаться успехом только в том случае, если они сопровождались этим мягким «приветствием». То есть на последней стадии потребность проигравшей стороны в контакте настолько велика, что победитель может просто шантажировать проигравшего! Победитель отказывается иметь дело с проигравшим до тех пор, пока не услышит от него уважительного хрюканья.

Я так часто видел, что «приветствие» прокладывает путь к примирению с доминирующим членом группы, который исходно не настроен на него, что теперь совершенно уверен в том, что для того, кто ищет контакта, это действительно ситуация в стиле «поклонись или пропадешь». (Если эта интерпретация и может показаться натянутой, то в основном потому, что мы, люди, склонны полагать, будто такое поведение требует холодного и расчетливого мышления, однако я не уверен, что это всегда так. Интеллект и социальная осведомленность, необходимые для осуществления эмоционального давления на других, могут быть подсознательными. В конце концов, дети в семье порой становятся настоящими диктаторами уже в самом раннем возрасте, но рационально они не сознают, что делают.)

В результате этого шантажа первые неотчетливые «приветствия» были адресованы спине нового доминирующего самца, поскольку последний готов был уйти и остановился, присев, только тогда, когда слышал мягкое хрюканье. Этот феномен «приветствия» спины противника наблюдался между Йеруном и Лёйтом до 72-го дня, когда Йерун впервые совершенно отчетливо издал череду хрюканий в лицо Лёйту. Я считаю это первым настоящим «приветствием», а потому оно отмечает конец борьбы за доминирование.

После этого число конфликтов и демонстраций между Лёйтом и Йеруном резко уменьшилось. Неделью группа наслаждалась необычайным покоем. Через две недели бывшие соперники даже начали снова играть друг с другом, чего они не делали целых три месяца. И не они одни. Никки, Дэнди и даже Мама, Пейст и Джимми резвились с игровыми лицами. Это было совершенно удивительное зрелище, поскольку взрослые самки редко бывают в таком

игривом настроении.

Устойчивая иерархия – это гарантия мира и гармонии в группе. И цифры подтверждают мое мнение: с 1976 по 1978 г. в сумме было тридцать семь серьезных боев между взрослыми самцами, и большинство из них (двадцать два) случилось в периоды, когда подравшиеся особи не «приветствовали» друг друга. Эти периоды без «приветствий» составили менее четверти общего времени. А это значит, что риск насилия, пусть даже минимальный в абсолютном исчислении, был почти в пять раз выше в те времена, когда формальные отношения доминирования были подорваны.

Эти цифры подтверждают предположение о том, что «приветствия» оказывают успокаивающее воздействие. Вероятно, они выступают своего рода страховкой для доминирующего самца, показывающей, что его положению ничто не угрожает. Демонстрация уважения в форме «приветствия» со стороны проигравшего в борьбе за доминирование – это цена, которую он должен заплатить за спокойные отношения с победителем. Именно так Йерун купил мир у Лёйта в конце 1976 г., и именно так взрослые самки купили мир у Никки. С установлением нового порядка группа почти наверняка вступила бы в период стабильности, если бы не тот факт, что смещение Йеруна было далеко не просто сдвигом в иерархии. Падение Йеруна внезапно открыло совершенно новые возможности для создания коалиций, а шимпанзе, прямо как политики, никогда не преминут выявить такие возможности и воспользоваться ими, если только они им представятся.

Формирование треугольника

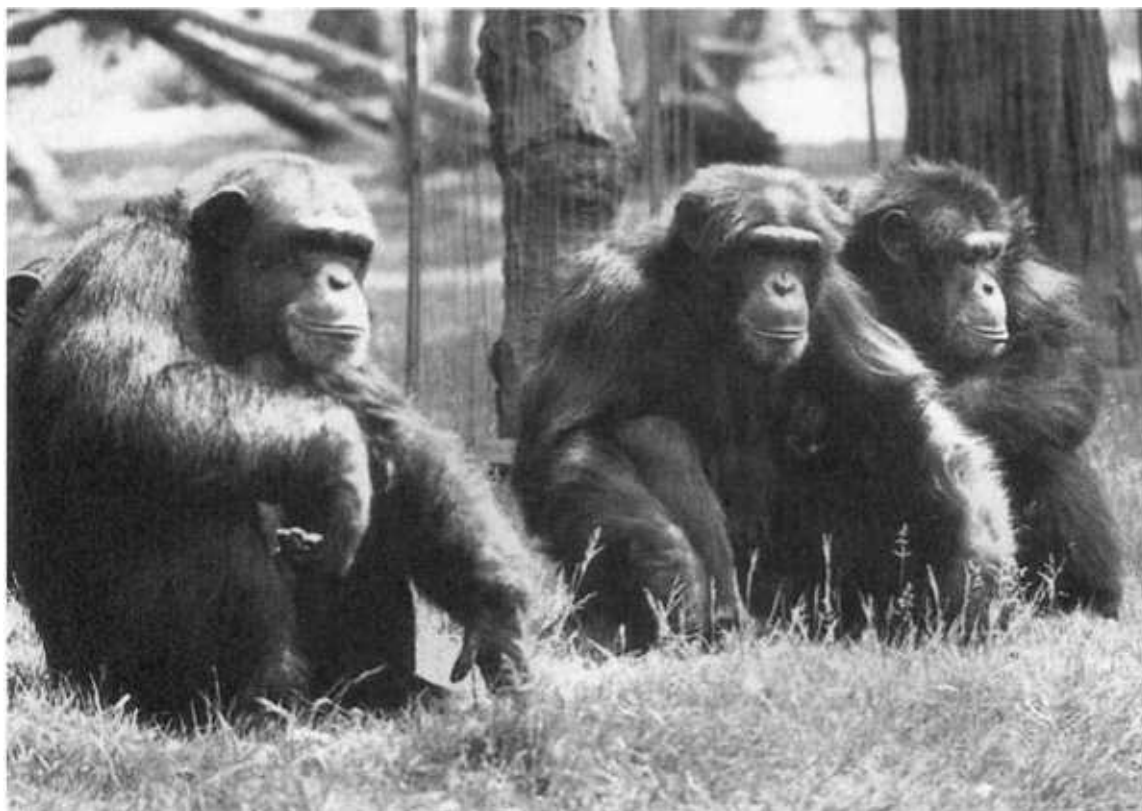
Растение растет настолько медленно и постепенно, что этот рост невозможно увидеть невооруженным взглядом. Однако мы можем определить, растет ли оно, поскольку научились распознавать определенные признаки, такие как полураскрытые почки или молодые листья. Но когда я только начинал изучать шимпанзе, мне не были известны индикаторы, которые показывали бы, что происходят определенные социальные процессы. Новые ситуации складываются настолько медленно, что изменение становится явным только тогда, когда процесс почти завершился. Это означает не то, что я никогда не мог проследить промежуточные этапы, а то, что мне приходилось это делать задним числом, сверяясь с моими записями и дневниками. В действительности именно дневниковые наблюдения и составляют основу этой книги. Кроме того, я вместе со студентами провел систематическое исследование груминга, игр, коалиций и «приветствий», а также зафиксировал другие данные, подходящие для компьютерной обработки. Результат – количественная картина, весьма ценная для ученых, поскольку она является для них той твердой почвой, на которой можно строить выводы. Именно изучая весь этот материал, мы можем ретроспективно реконструировать изменения в социальных отношениях.

Самым большим изменением, случившимся в колонии Анема, было образование «мужского клуба». Это был типичный пример медленного и постепенного процесса, не заметного для невооруженного взгляда. Данные, собранные летом 1976 г., показывают, с какой частотой два самца или более сидели вместе без сопровождения самок. В те времена вероятность увидеть подгруппу, включавшую всех самцов, составляла 1:10. В следующие годы эта вероятность возросла до 1:4 – в летние периоды 1977 и 1978 гг., а потом и до 1:3 – летом 1979 г. С годами самцы явно образовали собственную подгруппу, осуществив, таким образом, сегрегацию по половому признаку. В этом отношении наша колония стала походить на группы шимпанзе в их естественной среде обитания, где самцы образуют отдельные банды и проводят большую часть своего времени в компании друг друга.

Группа, включающая всех самцов, слева направо: Дэнди, Йерун, Никки и Лёйт – все спокойно спят на теплом песке

В центре вольера часто можно было увидеть трио – Йерун– Лёйт – Никки, – тогда как самки разбивались на небольшие группы и бродили со своими детенышами. Это не значит, что больше не было контактов между самцами и остальной группой: самцы все еще регулярно играли с детенышами и обыскивали самок. Но в социальной деятельности группы произошло решительное изменение. Три самца стали ходить, заниматься грумингом, играть и расслабляться вместе, так что их соперничество теперь было четче ограничено их небольшим кругом. Поскольку Лёйт и Никки объединились, чтобы сместить Йеруна, создав преграду между ним и самками, борьба за власть стала частным делом. Трио сформировало, так сказать, политическую арену, или центр власти. Единственной самкой, которой удавалось с успехом поддерживать контакты с самцами, была Пейст. Она часто бывала в их компании, играла важную роль в тех случаях, когда в их среде случались конфликты, а также в определенной мере действовала в качестве буфера между ними и самками. Любая самка, которая искала мужской компании, но оставалась с самцами «слишком долго», рисковала тем, что могла подвергнуться нападению Пейст.

Треугольник, слева направо: Йерун, Лейт, Никки

Пейст выполняла ту же функцию и по отношению к четвертому самцу – Дэнди, который в первые годы свободно общался с другими самцами, но позднее был изгнан из их компании. Иногда она еще больше подчеркивала его изолированность, отгоняя его от трех «больших боссов» или, если она сама не могла это сделать, натравливая на него одного из других самцов. По какой-то причине Дэнди не удалось найти для себя нишу среди самцов, и его вклад в групповую жизнь редко поднимался выше вклада самок с низким рангом. Объяснение этому факту можно было бы поискать в его физических способностях. Дэнди, очевидно, был меньше остальных трех самцов, однако в боях он показал себя достойным противником самок, и был даже период, когда самки, включая и Маму, подчиненно «приветствовали» его. Во всех отношениях Дэнди был физически зрелым самцом. Поэтому причину отсутствия у него влияния в группе следовало искать в социальных процессах. Обстоятельства способствовали развитию закрытых, предельно замкнутых трехсторонних отношений между бывшим вожаком Йеруном, новым вожаком Лейтом и многообещающим Никки.

Основания этих трехсторонних отношений были заложены осенью 1976 г. Успешный переворот Лейта, который многим был обязан Никки, сопровождался изменением положения Никки по отношению к бывшему вожаку. По несколько раз на дню можно было наблюдать, как Никки сидел где-нибудь в одиночестве, вздыбив шерсть и ухаю. Его уханье постепенно крепло, пока не переходило в громкий хриплый крик. Тогда он обычно срывался в бег, тяжело топал по земле или бил в металлические двери. В некоторых случаях он подпрыгивал почти на 2 метра вверх, и громко ударял обеими ногами по двери. Первоначально казалось, что его устрашающие демонстрации не направлены ни на кого конкретно, однако они все чаще происходили поблизости от Йеруна. Наконец он начал ухать прямо на Йеруна. Бывало, он сидел напротив него и махал в воздухе большими деревянными палками. Временами он махал деревяшкой туда-сюда перед лицом Йеруна, так что тот был вынужден пригнуться или повернуться, чтобы не встретиться с ней.

Странно то, что Йерун не протестовал. Он не начинал громко кричать и не отвечал

контратакой, в отличие от того, как он поступал с Лёйтом. Он пытался по возможности игнорировать Никки. Все выглядело так, словно бы он не видел или не слышал своего обидчика, хотя Никки стоял прямо перед ним, ухая с вызывающим видом. В нескольких случаях Йерун призывал на помощь Лёйта, обращаясь к нему с отрывистым ворчанием и кивая несколько раз головой в сторону Никки. Лёйт порой отвечал, отгоняя Никки. В других случаях Йерун протягивал свою руку Никки и повизгивал, словно бы умолял его остановиться. Они никогда не дрались, и после каждой из длительных устрашающих демонстраций Никки оба они обыскивали друг друга. Эти сеансы груминга представляли собой форму примирения, однако в них не наблюдалось сильных объятий, которые сопровождали примирения Йеруна и Лёйта. Возможно, примирения Йеруна и Никки были довольно прохладными, поскольку напряжение между ними никогда не было особенно большим.

В конце октября мы впервые услышали, как Йерун «приветствует» Никки. Это означало конец борьбы за доминирование, которая прошла без кровопролития и лишь слегка сказалась на жизни группы в целом. Иерархический порядок выглядел теперь так: 1. Лёйт, 2. Никки, 3. Йерун, а потом уже все остальные. Исходный порядок был таким: 1. Йерун, 2. Лёйт, а потом – все остальные, включая Никки. То есть Никки поднялся из ниоткуда до места заместителя командующего, на котором он сидел теперь очень прочно, будучи зажат двумя ранее превосходившими его по рангу самцами.

Почему Йерун не отвечал на вызовы Никки? Я могу предложить множество объяснений, но ни одно из них не будет полностью обоснованным. В конце своей борьбы с Лёйтом Йерун, казалось, был совершенно истощен. Возможно, конфликт столь серьезно сказался на нем, что ему уже было неважно, превосходит ли его Никки по рангу. Кроме того, на этот раз разыгрывалось всего лишь второе место в иерархии.

Но возможно, что в 1976 г. Йерун не хотел проблем с Никки именно по стратегическим причинам. Соперничество между Лёйтом и Никки нарастало каждый день, и сопротивление, которое Йерун мог бы оказать Никки, в определенной степени сыграло бы на руку Лёйту. Возможно, Йерун уже почувствовал, что можно получить определенную выгоду от роста напряжения между двумя другими самцами, к тому же он мог предвидеть, что эта благоприятная для него ситуация получит развитие, если Никки придется укреплять свою позицию второго по рангу самца. Я не знаю, способны ли шимпанзе на такого рода предсказания, однако факт остается фактом: впоследствии Йерун сильно нажился на столкновении Лёйта и Никки. Подчинившись Никки, Йерун понизил свой статус, но это был маневр, позволивший ему занять ключевую позицию в треугольнике.

Новая политика Лёйта

В 1977 г. на экскурсию в Арнем приехала группа школьников средних классов, которые пару дней наблюдали за колонией шимпанзе. Когда я спросил, кто, по их мнению, является вожаком, двадцать один школьник сказал, что это Лёйт, три указали на Никки, а два – на Йеруна. Дети ничего не знали о наших критериях доминирования, и я специально дал самцам новые имена, чтобы я со своими студентами мог обсуждать обезьян, не боясь оказать на детей какое-либо влияние. По мнению детей, Лёйт был доминирующим самцом, поскольку он был самоувереннее и демонстрировал себя более внушительно, чем два других, поскольку члены группы боялись его больше и поскольку, наконец, Лёйт был таким огромным. Судя по их описанию, Лёйт явно дорос до позиции альфа-самца. Подобно Йеруну до него, шерсть у него постоянно слегка стояла дыбом, так что он казался больше и сильнее. Он выглядел величественно.

Йерун (справа) игнорирует громкое уханье Никки

Но изменилось не только то, как Лёйт выглядел внешне и как он запугивал других. Он еще и стал проводить совершенно новую *политику*. (Слово «политика» используется здесь для обозначения устойчивого социального поведения, направленного на достижение некоей цели, независимо от того, определяется ли это поведение врожденными склонностями, опытом, соединенным с дальновидностью, либо обоими этими факторами. Например, шимпанзе-мать, которая защищает своего новорожденного младенца при любой угрозе или атаке, также проводит определенную политику – политику защиты своего потомства.) Вначале Лёйт при поддержке Никки следовал политике, которая привела к смещению Йеруна. Как только захват власти был осуществлен, социальная установка Лёйта поменялась. Казалось, что его новая политика направлена теперь на совершенно иную цель, а именно на стабилизацию его недавно

завоеванного положения. Он изменил свою установку по отношению к взрослым самкам, к Йеруну и к Никки.

Новая установка Лёйта по отношению к самкам была совершенно ясной по его действиям, которые он проделывал всякий раз, когда происходила какая-нибудь серьезная ссора. Например, однажды стычка Мама и Спин вышла из под контроля, превратившись в драку с укусами. К схватившимся самкам поспешили многие обезьяны, чтобы присоединиться к потасовке. Огромный клубок дерущихся и орущих обезьян катался по песку, пока Лёйт не прыгнул в него и буквально не разорвал его на части. Он не выбирал, чью сторону занять, в отличие от остальных; напротив, любой, кто продолжал драться, получал от него затрещину. Раньше я никогда не видел, чтобы он действовал столь внушительно. Данный инцидент произошел в сентябре 1976 г., т. е. спустя всего лишь несколько недель после того как он стал вожаком. В других случаях он останавливал серьезные конфликты, применяя не столь жесткие методы. Когда Мама и Пейст сцепились в драке, он просунул между ними руки и просто растащил двух крупных самок. Затем он постоял между ними, пока они не прекратили орать.

Помимо таких беспристрастных вмешательств, Лёйт совершал также и акции, в ходе которых занимал ту или иную сторону. Но и в этом случае его политика изменилась. Вместо того чтобы выступать в качестве *сторонника победителя*, он теперь стал *сторонником проигравшего*. Термин «сторонник проигравшего» используется для обозначения любой третьей стороны, которая вмешивается в конфликт, вставая на сторону того участника, который без такого вмешательства оказался бы проигравшим; например, если Никки атаковал Амбер, Лёйт вмешивался, чтобы помочь Амбер прогнать Никки. Без помощи Лёйта Амбер никогда не смогла бы отбить Никки. Если бы вмешательства Лёйта были совершенно случайными, он поддерживал бы проигравших примерно в 50 % случаев, а в других 50 % – победителей. В действительности же после получения власти Лёйт начал демонстрировать солидарность с более слабой стороной. До этого он поддерживал проигравших в 35 % случаев, но после его возвышения этот показатель увеличился до 69 %. Контраст между двумя этими цифрами отражает драматические изменения в позиции Лёйта. Годом позже поддержка Лёйтом проигравших увеличилась еще больше – до 87 %.

Неудивительно, что Лёйт как альфа-самец должен был играть роль поборника мира и спокойствия, пытаясь предотвращать эскалацию конфликтов и помогая проигрывающей стороне. Поведение такого рода называют «контролирующей функцией» альфа-самца, и оно встречается у многих видов приматов. Меньше мы знаем о возможном значении этой роли для самого самца. Есть признаки, указывающие на то, что в группе макак оберегающая роль вожака и его крепкие связи с самками оттесняют других самцов от центральной позиции в группе. А это еще больше закрепляет стабильность его лидерства. Соперники, которые не слишком боятся вожака, сталкиваются со значительным сопротивлением. Один из таких примеров был описан Ирвином Бернстейном, который наблюдал за сменой вожака в группе макак. Он пришел к выводу, что «молодые самцы с более высокими бойцовыми качествами не могут присвоить власть без поддержки значительной части группы».

Вполне можно представить, что есть связь между защитой, предлагаемой доминирующим членом группы, исполняющим свою контролирующую роль, и поддержкой, которую он получает взамен, когда его положению что-то угрожает. Другими словами, альфа-самец, который не способен защитить своих самок и детенышей, не может ожидать того, что они помогут ему отогнать потенциальных соперников. А это указывает на то, что контролирующая роль альфа-самца является не столько милостью с его стороны, сколько обязанностью: от нее зависит само его положение. В этом смысле падение Йеруна могло объясняться его неспособностью эффективно защищать других от агрессии Лёйта и Никки. Поведение Лёйта можно

интерпретировать в том же ключе. Первоначально он просто показывал, что самки, по сути, не могут рассчитывать на защиту Йеруна, атакуя и преследуя их в присутствии последнего. Позже его установка полностью изменилась, и он сам взял на себя роль защитника.

Примерно через четыре месяца после того как борьба за доминирование между Йеруном и Лёйтом закончилась, самки стали поддерживать Лёйта. Зимой 1976 г., вмешиваясь в конфликты Йеруна и Лёйта, самки в девяти случаях из десяти выступали на стороне Лёйта. То же самое относилось и к их вмешательствам в конфликты Лёйта и Никки. Альфа-позиция Лёйта стала опираться на более широкий базис. Только Горилла отказывалась оставить Йеруна. В период, когда другие переходили из одного лагеря в другой, между Гориллой и Пейст возникло значительное напряжение. Причиной едва ли не ежедневных драк двух самок было, вероятно, выдвижение Пейст на роль наиболее важной сторонницы Лёйта. Осенью мы иногда наблюдали, как Пейст бежит на помощь Лёйту, но Мама часто понимала, что именно собирается сделать Пейст, и подавляла такие инициативы в зародыше, отгоняя ее. Зимой Мама проявляла меньше готовности вмешиваться (она была беременна), поэтому для Пейст путь был открыт, и другие тоже дали волю своим «подлинным чувствам». Однако на этом все не закончилось, поскольку со временем Мама тоже «присягнула» на верность Лёйту. Теперь новый вожак мог обратиться к этой сильной и влиятельной самке, когда другие самцы ставили его в затруднительное положение.

Если бы Лёйт был вожаком группы макак, поддержки самок уже было бы достаточно. Однако у шимпанзе стремление образовывать коалиции самцов настолько сильно, что вожак всегда должен учитывать возможность того, что другие самцы объединятся в банду против него, если в его группе, кроме него, есть еще два или несколько самцов. Пока Йерун был на вершине власти, эта проблема не возникала. Позиция Йеруна опиралась на поддержку самок; Лёйт, другой взрослый самец, был вынужден жить несколько обособленно. Его часто видели в одиночестве вдали от остальной группы. В те времена структура группы весьма напоминала небольшую колонию макак с абсолютным вожаком, фокусирующим на себе всеобщее внимание, и потенциальными соперниками, вытесненными на периферию. Лидерство Йеруна завершилось только тогда, когда Никки достаточно подрос и превратился для Лёйта в возможного партнера по созданию коалиции. Последующий процесс борьбы за доминирование не только повлиял на индивидуальные ранги главных членов группы или изменил их, но также сказался и на условиях устойчивой позиции вожака. Новый альфа-самец, Лёйт, должен был теперь справляться не с одним, а с двумя соперниками. Для Лёйта не было смысла пытаться изгнать и Йеруна, и Никки на периферию социальной жизни группы. Это равнялось бы политическому самоубийству, поскольку два отлученных самца просто объединили бы силы против него. У Лёйта оставался единственный вариант – попытаться обратить одного из них в свою веру; и он выбрал Йеруна.

Никки гонит Лёйта и грозит ему тяжелым камнем

Выбор Лёйта доказывает, насколько дружеские связи у шимпанзе ситуативны. В конце концов, Лёйт вместе с Никки выступал против Йеруна и самок. Теперь он поставил все с ног на голову и объединился с Йеруном и самками против Никки. И если ранее атаки Никки на самок значительно способствовали решению задач самого Лёйта, так что последний временами даже

поддерживал Никки в конфликтах с самками, то теперь он встревал между Никки и самками порой еще до того, как начинался инцидент. Когда Никки вздыбливал шерсть и, слегка раскачиваясь, приближался к самке, изготавившись атаковать, Лёйт нередко вставал позади или перед агрессором, так что Никки не осмеливался продолжать. В других случаях Лёйт просто атаковал Никки, шлепал его и бил, пока тот с криками не убирался. Установка Лёйта по отношению к Никки значительно ужесточилась, а число конфликтов между ними выросло.

Самым большим источником конфликтов между ними были, однако, не самки, а контакт с Йеруном. Каждый пытался подружиться с бывшим вожаком и не позволял другому сидеть рядом с ним. Каждый раз, когда два других самца отдыхали неподалеку друг от друга, Никки начинал ухаживать, угрожая им с некоторого расстояния, и продолжал так несколько минут, пока Йерун не вставал и демонстративно не покидал Лёйта. Йерун не оказывал особого сопротивления, но часто сомневался, на чью сторону встать. Иногда сначала он уходил от Лёйта, но когда Никки прекращал демонстрацию, он возвращался к Лёйту и усаживался рядом с ним, что заставляло Никки опять ее начать. Когда это случалось, Лёйт вставал между Йеруном и Никки или отгонял Никки в сторону, оберегая тем самым свой контакт с Йеруном.

Позднее Лёйт стал еще более живо интересоваться контактами Йеруна и Никки. Благодаря своей позиции он мог действовать решительно и эффективно – обычно атакуя Никки. Это, в свою очередь, означало, что Лёйт, как правило, выигрывал состязание и закреплял свои достаточно тесные узы с Йеруном. К концу года Лёйту удалось выстроить ситуацию так, что сам он намного чаще контактировал с Йеруном, чем с Никки. В этом смысле стратегия Лёйта была вполне успешной. Однако существовал фактор, который он не мог контролировать, но именно от него зависела его позиция альфа-самца, – собственная установка Йеруна.

Закрытая коалиция Йеруна и Никки

В один прекрасный весенний день в середине апреля 1977 г. колонию выпустили из помещения. В течение следующих нескольких месяцев я все больше убеждался в том, что Лейт крепко стоит у руля. В поведении Никки по отношению к нему проявлялась угодливость, причем по несколько раз в день: он пытался выглядеть совсем небольшим, его шерсть прижималась к телу, и он громко «приветствовал» его. Если Лейт прямо приближался к нему, Никки отскакивал назад по-лягушачьи (это движение известно как «подпрыгивание»). В одном из таких случаев он даже забыл оглядеться, а потому, прыгнув назад, оказался во рве (который, к счастью, у берега очень мелкий). Лейт, несомненно, произвел на него сильное впечатление.

Йерун также «приветствовал» Лейта, но не настолько преувеличенно. Да и чрезмерные приветствия были бы ниже его достоинства и не соответствовали бы его возрасту. Я никогда не видел, чтобы Йерун вел себя слишком уж смиренно: он мягко «приветствовал» Лейта и в случае необходимости даже кланялся ему, опуская голову, но не более того. Лейт, в свою очередь, прерывал любые контакты между Йеруном и Никки с видом величайшей уверенности. В один из редких случаев, когда Йерун защищал Никки от атаки Лейта, он потом сразу начал «приветствовать» Лейта и обыскивать его, словно бы извинялся за сделанное. Лейт же решил закрепить свою позицию, снова начав гонять Никки, но на этот раз Йерун не стал вмешиваться. В другие моменты Йерун просто игнорировал просьбы Никки оказать помощь: он поворачивался к нему спиной и уходил, когда Никки кричал и протягивал к нему руку. Казалось, Йерун наконец решил поддерживать Лейта. Часто мы замечали, что он сидит рядом с Лейтом, а иногда он даже демонстрировал себя вместе с ним против Никки. Кроме того, у нас было вполне убедительное объяснение сотрудничества двух старых самцов. Они знали друг друга задолго до того, как была основана колония, поэтому казалось вероятным, что их исторические узы в конечном счете приведут к созданию их коалиции.

Сколь бы логичным ни казалось это объяснение, оно все же является довольно слабым. Коалиции, основанные на личных привязанностях, должны быть относительно устойчивыми: взаимное доверие и симпатия не появляются за одну ночь и не исчезают. Однако до сих пор так и не было получено данных, подтверждающих подобную стабильность, по крайней мере в коалициях взрослых самцов. Разорвал ли Лейт свою коалицию с Никки потому, что внезапно разлюбил его? И являлось ли формирование коалиции Лейта и самок следствием внезапно охватившей их взаимной симпатии? Если дружба настолько гибка, что ее можно по желанию приспособливать к ситуации, лучше назвать ее оппортунизмом. Собственно, с самого начала всегда существовала вероятность, что отношения между Йеруном и Лейтом переживут тот рубеж, после которого они уже не будут служить какой-то полезной цели, демонстрируя, таким образом, что они покоились на подлинной дружбе, однако последующим событиям суждено было опровергнуть эту идею. Даже таких старых уз было недостаточно для того, чтобы выдержать постоянную борьбу за власть.

В августе трехсторонние отношения постепенно начали меняться. И Никки, и Йерун все меньше преклонялись перед Лейтом и все чаще сопротивлялись его вмешательствам. Когда вожак демонстрировал себя перед ними двоими, они больше не теряли уверенности. Йерун начинал орать и набрасывался на Лейта, тогда как Никки держался рядом с Йеруном, вздыбив шерсть, словно бы угрожал Лейту. Никки постепенно все лучше удавалось разделять двух других самцов. Лейт пытался мешать ему в этом, но Никки не отступал, и Йерун уходил от Лейта, который был не в силах изменить решение Йеруна. Короче говоря, казалось, что чаша весов сдвигается в сторону коалиции бета-и гамма-самцов, которая представляла собой весьма

серьезную угрозу альфа-самцу. Постоянно растущее беспокойство привело к кульминации через шесть недель, вылившись в массовую драку. В период, который предшествовал этой драке, сначала Никки, а потом и Йерун перестали «приветствовать» Лёйта, и оба самца все ближе подходили к реальной коалиции, которая сохраняла свою силу и в 1980 г., т. е. целых три года.

В исходных инцидентах этих недель участвовали два более старых самца. Примерно дважды в день Лёйт демонстрировал себя перед Йеруном, надеясь впечатлить его, но Йерун уже не «приветствовал» его как раньше, а недвусмысленно протестовал. С громкими криками он бежал за Лёйтом, который спокойно уступал ему путь и продолжал демонстрировать себя. Чаше погоня заканчивалась на вершинах мертвых дубов, где Лёйт нередко прыгал подобно Тарзану с одного дерева на другое, вздыбив шерсть. Йерун пытался догнать Лёйта, но на самом деле никогда не осмеливался прикоснуться к нему, когда подходил близко. Поведение Йеруна, однако, мгновенно менялось, если появлялся Никки и начинал демонстрировать себя у основания дерева или же залезал на него, немного к ним приближаясь. Тогда Йерун набирался смелости, начинал кричать более агрессивно и пытался схватить Лёйта за ногу. По лицу Лёйта можно было легко понять, что в таких ситуациях он был крайне напуган. Он обнажал зубы, когда видел, что Никки подходит, а иногда даже начинал орать и убегал к Маме. И все же в первые несколько недель Никки не предпринимал никаких самостоятельных действий. Он демонстрировал себя рядом с Йеруном и позволял ему себя обнимать, но не более.

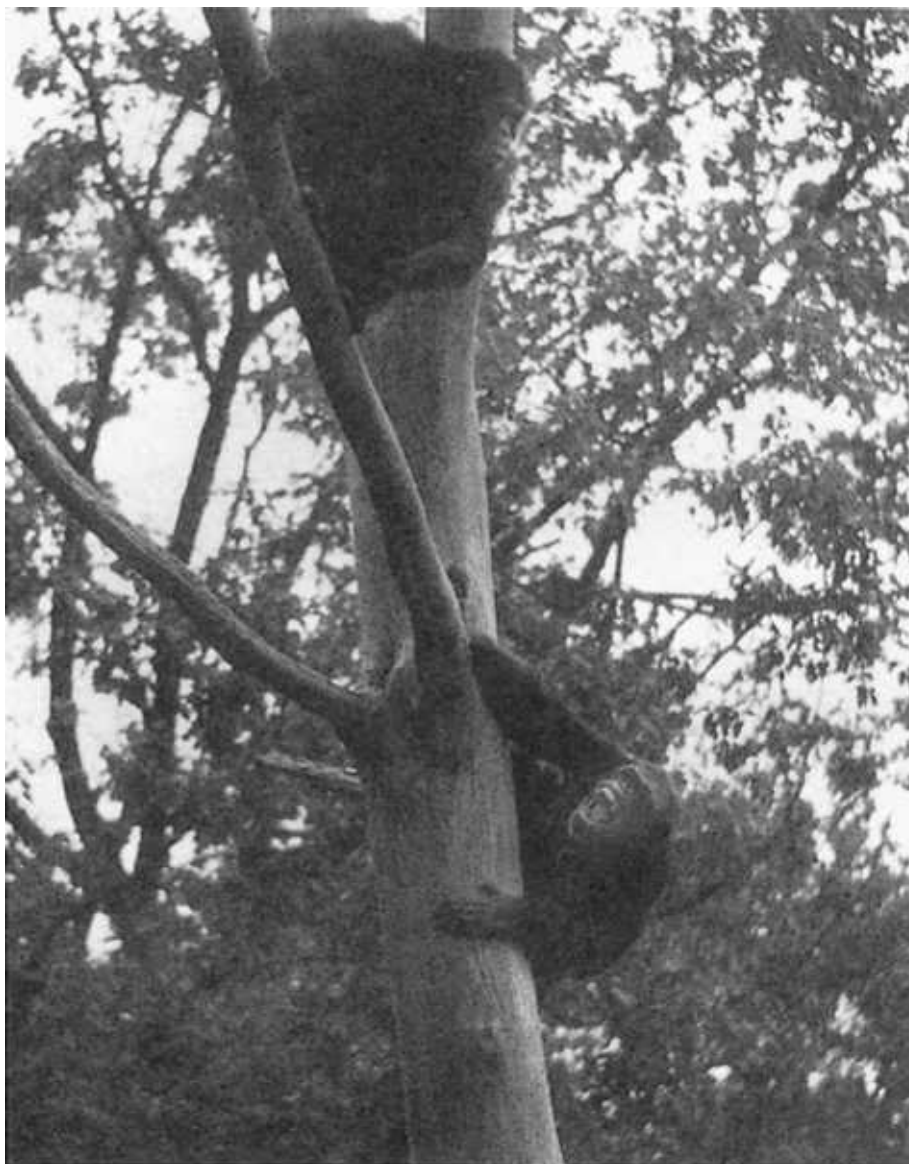
После таких инцидентов, когда все спускались обратно на землю, Никки демонстрировал себя перед Йеруном, пока Йерун не «приветствовал» его. Конфликт, который часто длился целых полчаса, начинался с сопротивления Йеруна демонстрации Лёйта, а заканчивался тем, что Йерун покорно принимал то же самое поведение, но уже в исполнении Никки. Таким образом, после каждой совместной акции отношения доминирования в коалиции закреплялись для обоих самцов.

Складывающаяся коалиция против Лёйта: Лёйт (на переднем плане) совершает

ужасающую демонстрацию, двигаясь мимо Йеруна, который пытается запугать его с возвышения. На с. 159 сверху: Йерун меняет свою тактику и с криками загоняет Лёйта на дерево. Лёйт не показывает зубы. Снизу: теперь Лёйт (второй слева) показывает зубы, когда Йерун (справа) кричит, чтобы привлечь внимание Никки. Никки демонстрирует себя где-то справа от них, за кадром, Пейст сидит рядом с Лёйтом, а Ваутер – рядом с Йеруном

Со временем акцент сместился на прямое столкновение Никки и Лёйта. Йерун становился все более самоуверенным и занимался устрашением так часто, словно он чуть ли не вернул себе положение вожака. Но в то же время он больше довольствовался тем, что позволял Никки проводить свои дуэли с Лёйтом, совершенно ясно при этом показывая, на чьей он стороне. Когда Никки начинал демонстрацию, Йерун обычно подходил и вставал позади него, обнимал его руками вокруг торса, прижимал нижнюю часть живота к задку Никки и начинал мягко ухаживать вместе с ним. Это жест называется «садкой», и он явно происходит от полового акта. В этом контексте, однако, он не имел полового значения – он должен был *демонстрировать единство*. Никки и Йерун буквально образовали замкнутый фронт. В первый раз, когда Никки и Йерун встали, объединившись, перед Лёйтом, Лёйт в ответ сорвался и убежал с криками, а потом бросился в траву и, катаясь по ней, стал бить кулаками по земле и по собственной голове. Два его противника стояли и какое-то время кричали хором вместе с Лёйтом, наблюдая за его истерикой, однако потом вместе ушли, оставив безутешного вожака другим членам группы, которые могли бы попытаться его успокоить. С этого дня число конфликтов между Лёйтом и Никки быстро увеличилось. Нарастающее напряжение выражалось не только в многочисленных сеансах груминга двух этих самцов и в интенсивности их примирений. Даже во время этих примирений Йерун, бывало, подбегал к Никки и Лёйту, взбирался на небольшое время на Никки и подчеркивал тем самым еще раз, как обстоят дела.

Никки, который годом ранее наполовину в шутку ухал вместе с Лёйтом и бросал песок в Йеруна, теперь совершил поворот на 180 градусов. При этом его поведение стало намного более угрожающим, а его влияние заметно выросло. Он был теперь не просто гирей, положенной на

весы двух других самцов, – акцент сместился на равновесие между ним и Лёйтом, а гирями стали самки и Йерун.

Вторая смена вожака, в отличие от первой, не была вызвана претендентом, который был бы физически сильнее актуального вожака. Я сказал бы, что Лёйт и Никки были примерно одинаковой физической силы. По этой причине Никки осмеливался бросать вызов Лёйту и провоцировать его только в тех случаях, когда рядом был Йерун. В других случаях он был весьма осторожен. Однажды, когда группе пришлось остаться в помещении из-за проливного дождя, Лёйт беспрерывно бил Никки, покусав его в нескольких местах. Никки не стал отвечать на удары, а, коротко вскрикнув, убежал к Йеруну. Никки поступил бы глупо, если бы решил дать сдачи, поскольку все самки находились в зале вместе с ними, а они наверняка бы пришли Лёйту на помощь.

Под открытым небом влияние самок было меньше, поскольку они разбредались по вольеру, однако Лёйт и сам по себе был для Никки опасным противником. Напряжение между двумя самцами становилось наиболее очевидным, когда они оба демонстрировали себя друг перед другом. И Лёйт, и Никки прилагали все усилия, чтобы не показать ни малейшего признака неуверенности в присутствии друг друга: Лёйт по привычке топал ногами по земле, а Никки ухал и бросался камнями, точно выверяя цель. Но когда они были вне поля зрения друг друга, можно было заметить у них явные признаки страха. Это был как раз случай *настоящего блефа* – в том смысле, что каждый притворялся, будто он смелее и не так напуган, как на самом деле. Например, во время одного из их столкновений, я заметил целый ряд удивительных маскировочных сигналов. После того как Лёйт и Никки демонстрировали себя поблизости друг от друга в течение более десяти минут, начался конфликт, в котором Лёйта поддерживали Мама и Пейст. Никки загнали на дерево, но чуть позже он начал снова ухать на вожака, продолжая сидеть там же. Лёйт сидел у основания дерева, повернувшись спиной к своему обидчику. Когда он снова слышал вызывающие звуки, он обнажил зубы, однако тотчас поднес руку ко рту и прижал губы друг к другу. Я не мог поверить своим глазам и поспешно навел на него бинокль: на его лице снова появляется нервная усмешка, и снова он пальцами сжал губы. В третий раз Лёйту удалось, наконец, стереть усмешку со своего лица; только тогда он повернулся. Вскоре он начал демонстрировать себя перед Никки, словно бы ничего не случилось, а с помощью Мама загнал его обратно на дерево. Никки наблюдал, как его противники уходят. Внезапно он повернулся спиной, и когда другие уже не могли его увидеть, на его лице появилась усмешка, и он начал мягко повизгивать. Я мог слышать Никки, потому что стоял недалеко, однако звук был настолько приглушенным, что Лёйт, скорее всего, не заметил, что его противнику тоже было не так-то просто скрыть свои эмоции.

Интенсивные примирения Никки и Лёйта. Сверху: желание начать груминг с ануса настолько велико, что они принимают положение «69». Снизу: потом они переходят к более расслабленной позе. На обеих фотографиях Никки – слева, Лёйт – справа

14 октября напряжение выплеснулось в полномасштабный бой. На этот раз коалиция Йеруна и Никки впервые по-настоящему показала кулаки, продемонстрировав, насколько шатким было положение Лёйта.

Йерун начинает с того, что старается в ответ запугать Лёйта, однако не решается атаковать его и начинать визжать. Йерун подходит к Никки и протягивает ему руку. В то же время Никки начал бегать по открытому вольеру, вздыбив шерсть, демонстрируя себя и время от времени набрасываясь на самок. Йерун продолжает просить у Никки поддержки, и ему удается загнать Лёйта на дерево. Лёйт отвечает Йеруну, пытаясь его запугать, однако с криками пускается наутек, когда Никки, наконец, прибегает, чтобы присоединиться к Йеруну. Лёйт прыгает на другое дерево и съезжает на землю. Его противники следуют за ним, он взбирается на небольшое одиноко стоящее дерево, которое оказывается, однако, тупиком: он теперь не может спуститься вниз, не столкнувшись с двумя другими самцами. Лёйт поднимает такой крик, какой я от него никогда не слышал. Кажется, что он не может совладать с охватившей его паникой. И хотя моя камера со мной, я слишком разволновался, чтобы сделать фотографии. Поскольку Лёйт зажат на вершине дерева, а его соперники, видимо, настроены его поймать, я уверен в том, что исход будет фатален.

Никки (слева) выглядит больше, чем на самом деле: вздыбив шерсть, он идет на двух ногах, тогда как Лёйт уклоняется от него, издавая звуки «приветствия»

Пейст подбегает и прогоняет Никки, но ненадолго. Вскоре Никки возвращается и занимает свою прежнюю позицию напротив Лёйта. Пока Пейст угрожающе лает на обоих агрессоров, Мама медленно передвигается к сцене конфликта в сопровождении почти всех остальных членов группы. Шерсть у нее стоит дыбом, она усаживается на траве примерно в 10 метрах от дерева, на котором зажат Лёйт. Никки торопливо спускается вниз и подходит к Маме, обнимает ее рукой и кричит. Мама отталкивает его руку. Он подходит и садится поближе. Она смотрит на Йеруна. Тот остается на своей позиции на дереве. Он протягивает свою руку Маме, крича при этом. Она не реагирует. Если Никки и Йерун надеялись переманить Маму на свою сторону, они ошиблись.

Никки и Йерун издают оглушительный крик, и оба взбираются наверх к месту, где сидит Лейт. У последнего нет выбора, кроме как отбиваться, поскольку убежать он не может. Никки и Йерун хватают его и кусают, но эта неравная борьба длится недолго, поскольку самки с наибольшим рангом объединяются и быстро забираются на дерево вслед за противниками Лейта. Йеруна кусают Мама и Пейст. Мама стаскивает Йеруна с дерева и начинает гонять его с яростными криками по всему вольеру. Пейст остается на дереве и вместе с Гориллой бросается в атаку на Никки. Теперь, когда Йеруна прогнали, Лейт спускается с вершины дерева и присоединяется к атаке на Никки. Наконец, Никки терпит поражение, уступая союзу Лейта, Гориллы, Пейста, Ор и Дэнди. Спасательная операция принесла успех, заняв менее минуты.

Фаза 3

Все переводят дыхание. Я никогда не видел, чтобы так много шимпанзе получили ранение в одно и то же время. У Лейта поврежден палец и стопа, у Никки – стопа и спина, у Пейста – рана на стопе, а у Йеруна – царапина на носу. Все раны поверхностные, однако после этого происшествия Лейт несколько дней не мог при ходьбе опираться на кисть. (Вместо этого он стал опираться на запястье. Интересно, что все молодые обезьяны подражают ему и внезапно начинают припадать при ходьбе, опираясь на запястье.)

Лейт явно проиграл, хотя сторонники пришли ему на помощь и спасли его. Никки ведет себя так, словно бы победил. Примерно через пять минут после конфликта Никки надвигается на Лейта, вздыбив шерсть, и пытается провести наседание. Лейт отказывается нагибаться, но целует его с пыхтящим звуком и уходит. Через полчаса Никки снова приближается к Лейту и начинает обыскивать его. Йерун подходит, чтобы присоединиться к ним, и тоже начинает обыскивать Лейта. Мир восстанавливается, однако Лейту явно суждено отказаться от лидерства. Два других самца заставили его понять, что их коалицию стоит принимать всерьез, и самки никак не могут это изменить. С этого дня положение Лейта постепенно ухудшалось, пока через семь недель он наконец не признал Никки за старшего.

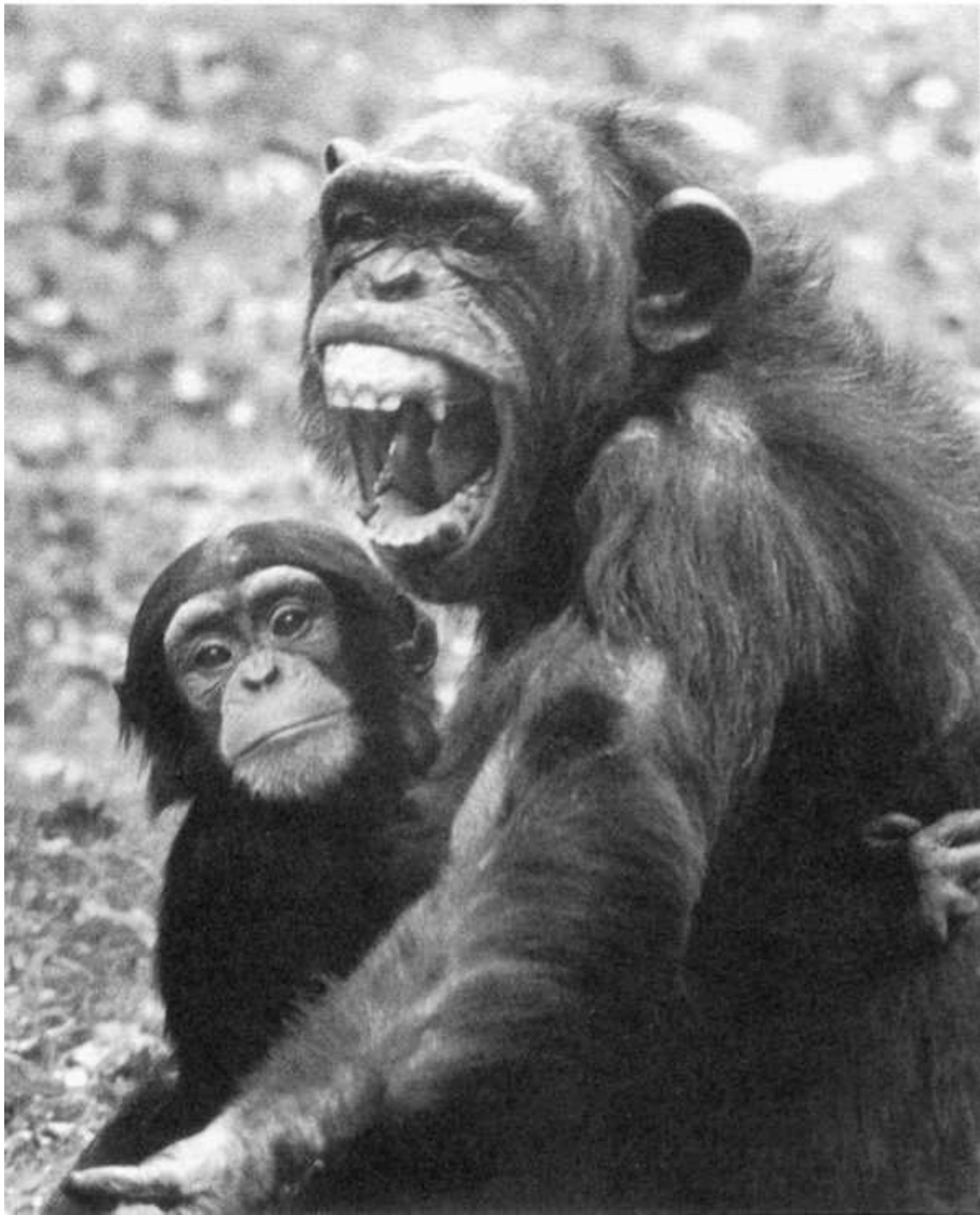
Отлучение Никки

Борьба за доминирование между самцами в колонии породила напряжение не только среди самок, но и среди наблюдателей-людей. Во время быстрого восхождения Никки к вершинам власти возникли серьезные затруднения между мной и кипером шимпанзе. Кипер настаивал на мнении, что Никки слишком молод и неуправляем, чтобы стать вожаком. В определенном смысле он был прав, поскольку, как мы знаем по шимпанзе в дикой природе, самец возраста Никки, вероятно, недостаточно зрел, чтобы занимать высшее положение. Мой контраргумент состоял в том, что как вожак он будет полностью зависеть от самого старого самца, а потому нам нечего бояться абсолютной диктатуры сопливого юнца.

В первые недели после того как Никки стал вожаком, у него были очень тяжелые времена. Но тогда снова была зима, и колония жила в закрытом помещении. В сравнительно ограниченных условиях закрытого проживания Йерун и Лейт с неизбежностью должны были время от времени садиться рядом друг с другом. Никки пытался помешать этому любой ценой. Иногда можно было видеть, как Никки и Лейт толкаются и пихаются, чтобы сесть рядом с Йеруном, и каждый пытается вытолкнуть локтем другого. Однажды такая толкотня превратилась в настоящую драку (единственный случай, когда, по моим наблюдениям, самцы начали драться, не проведя сначала устрашающей демонстрации).

Как-то раз в чрезвычайно накалившейся атмосфере Никки схватил Ваутера за руку во время устрашающей демонстрации и яростно швырнул его над своей головой, бросив в стену. Хотя все

самки тотчас вскочили и устремились с криками негодования спасти бедного Ваутера, быстро вызволив его из неприятного положения, молодой шимпанзе потом три недели хромал, и хорошо еще, что ни одна кость не оказалась сломанной. Очевидно, с грубым поведением Никки надо было что-то делать.

Мама кричит

Кипер вместе со мной решил вывести Никки из группы на весь остаток зимы. На следующее лето он будет помещен обратно, и мы посмотрим, как будут разворачиваться события. Риск уже не будет таким большим в открытом вольере. Мы ожидали, что произойдет одно из двух: либо два более старых самца ухватятся в промежуточный период за свой шанс, чтобы скрепить старые узы, так что Никки уже никогда не сможет развести их, либо будет борьба за доминирование между Йеруном и Лёйтом, которую, вероятно, выиграет Лёйт, а потому мы просто вернемся к той самой ситуации, которая существовала до того, как Никки стал претендовать на власть. А что в таком случае не позволит Йеруну снова объединиться с Никки, когда тот вернется?

Как только Никки был выведен из группы, отношения между Йеруном и Лёйтом радикально изменились. Если в предыдущий период Лёйт постоянно пытался усесться рядом с Йеруном и даже вступал по этой причине в конфликты с Никки, теперь он держался от него на расстоянии и избегал его. Их соперничество изо дня в день все больше обострялось, и между ними наверняка снова назревала борьба за доминирование, только на этот раз инициатором выступал Йерун. Но он превратился в неудачника, поскольку все самки, исключая Гориллу, поддерживали Лёйта. После добрых двух месяцев демонстраций и конфликтов Йе-рун сдался. И решение Йеруна, казалось, стало для всех обезьян огромным облегчением, поскольку в ответ на его самое первое негромкое «приветствие» вся группа кинулась к двум самцам с уханьем и стала обнимать и целовать обоих. Все обнимались друг с другом, едва ли не танцевали от радости, празднуя признание Лёйта в качестве вожака. Эту необычайно сильную реакцию можно объяснить тем, что это был единственный эпизод борьбы за доминирование, который разворачивался в закрытом помещении, где нет места, чтобы уклониться от тренировок. Другие члены группы, казалось, знали, что первое «приветствие» со стороны Йеруна означало завершение всего процесса, и они были правы. После этого дня (16 мая) отношения Йеруна и Лёйта быстро наладились. В тот же день они обыскивали друг друга дольше, чем когда бы то ни было раньше, а через несколько дней на фоне продолжающихся длительных сеансов груминга начался период настоящего расслабления, когда они даже играли вместе. Теперь мы волновались из-за того, продлятся ли эти новые дружеские отношения с возвращением Никки.

10 апреля 1978 г.

Группа находится на открытой территории, когда впускают Никки. Люк открывается и... Никки не решается выйти. Лёйт вбегает внутрь и набрасывается на него. С криками Никки выбегает в вольер и устремляется со всех ног к высоким деревьям.

Вся группа гонится за ним, *за исключением Йеруна*. Пока Никки сидит на вершине дерева, скаля зубы от страха, внизу собирается вся группа. Первыми взбираются наверх и делают дружественные жесты Горилла, Ор и Дэнди. С этого момента Горилла берет на себя роль защитника Никки. Она прогоняет Кром и Джимми, которые все еще стоят рядом с Никки и угрожающе лают на него. Немного позже Пейст атакует Никки, но Горилла вмешивается, защищая его.

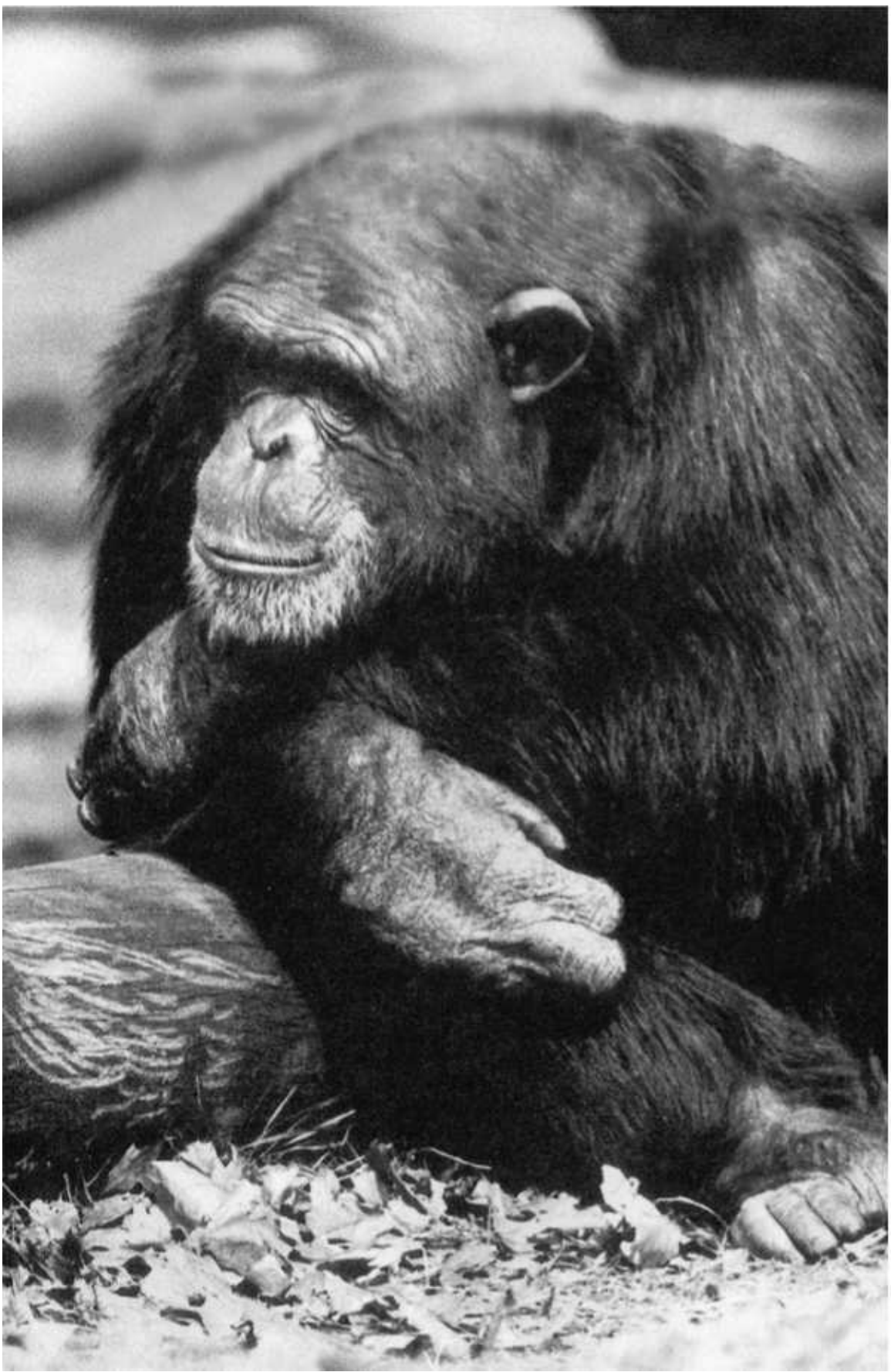
Когда Никки наконец спускается, он крайне напуган Лёйтом – он несколько раз меняет курс и убегает при его приближении. В конце концов Никки протягивает руку Лёйту. Тот хватается за руку Никки и позволяет ему погладить свою мошонку (обычная форма успокоения у самцов шимпанзе). После этого к ним присоединяется Йерун, который целует Никки. Позже в то же утро Лёйт и Никки проводят долгий сеанс груминга. Когда Йерун пытается обыскать Никки, Лёйт успешно вмешивается и не допускает их контакта. То же происходит и в послеобеденное время, однако на этот раз Лёйту не удается разделить их, поскольку, когда он приближается, Йерун и Никки реагируют криками и обнимают друг друга, а потом вместе загоняют Лёйта на дерево. Таким образом, уже в самый первый день Лёйт сталкивается со старой коалицией Никки и Йеруна.

Следующие несколько дней пропитаны атмосферой заговора против Лёйта. Когда Лёйт усаживался в окружении самок и детенышей, два противника садились вместе чуть поодаль в другом углу вольера. Горилла была единственной, кто часто контактировал с ними, и мы отмечали, как часто она целовала Никки. Лёйт пытался порой помешать ей посещать двух конкурентов – например, он вставал перед ней или демонстрировал себя, – однако никогда не атаковал ее. В предшествующую зиму Горилла подтвердила, что не перестала поддерживать Йеруна, так что не удивительно было, что она перенесла свою лояльность и на его партнера по

коалиции. Но меня очень удивило то, что это никогда не приводило к явным проблемам между ней и ее подругой Мамой. Если начинался конфликт между самцами, Мама и другие самки накидывались на Никки и прогоняли его, тогда как Йерун и Горилла защищали его. При этом Горилла атаковала любых самок, но она словно бы не видела Маму. И наоборот – Мама никогда не предпринимала ничего против Гориллы, хотя поведение ее подруги подрывало ее собственные усилия. Их дружба была, очевидно, столь сильна, что они могли смириться с этим важным различием в установках. Я никогда не был свидетелем конфликта двух этих самок.

Обычно Никки по несколько раз в день приближался к Лёйту, который почти всегда находился неподалеку от Мамы. Вздвигнув шерсть, Никки усаживался напротив него и с вызовом ухал. Йе-рун сидел, прижавшись к спине Никки, ухая и приложив рот к его уху. Если, воодушевившись такой поддержкой, Никки вставал и начинал бросать камни и палки, самки могли ответить ему довольно агрессивно, однако Лёйт всего лишь апатично убегал *за* спины своих сторонников. Он явно не считал, что у него есть шансы против противостоящей ему троицы.

Через неделю Никки снова стал альфа-самцом.

Можно задаться вопросом, думал ли Йерун о последствиях своего сотрудничества с Никки до того, как вступил в их коалицию

III. Неспokoйная стабильность

В обществе шимпанзе бывают не только захваты власти. Картина, которую я на данный момент нарисовал в этой книге, является совершенно односторонней, поскольку в ней рассматриваются лишь жесткие, оппортунистические аспекты жизни колонии. Внимание сразу же притягивают впечатляющие демонстрации угроз и шумные конфликты самцов. Однако, когда социальная иерархия стабильна, можно рассмотреть множество иных, не менее захватывающих элементов жизни шимпанзе, например, формирование социальных связей, различные способы выращивания самками своих детенышей, успокаивающее и примирительное поведение, сексуальные контакты и поведение подростков. Каждый элемент представляет собой особый угол зрения, с которого можно изучать жизнь группы в целом. С некоторых из этих точек зрения три главных самца представляются едва ли чем-то большим статистов. И сложно сказать, какой угол правильнее, типичнее или важнее.

Классическая оптика, через которую западные ученые обычно смотрели на животных, когда пытались изучать их социальное поведение, обусловила фокусировку на конкуренции, территориальности и доминировании. После открытия порядка клевания у кур норвежцем Скъеллерупом-Эббе в 1922 г. иерархия статусов стала считаться главной формой социальной организации. В исследовании хвостатых и человекообразных обезьян долгое время преобладали попытки ранжировать индивидов по вертикальной шкале, сверху вниз. Но было и исключение – в японской школе приматологии исследователи больше интересовались родственными и дружескими связями. Они составляли горизонтальные классификации особей, представляя их в качестве сети социальных связей. Различие проводилось между центральными позициями в сети и все более периферийными позициями, выстраивающимися в виде концентрических кругов вокруг ядра группы. Они интересовались тем, в какой мере определенная особь принималась другими членами группы и к какой группе родства она принадлежала. В целом если западные ученые стремились описать общество приматов в виде *лестницы*, то японцы представляли его в виде *сети*. Если считать два этих подхода взаимодополняющими, станет ясно, почему стабильные отношения доминирования только отчасти гарантируют мир в социальной системе. «Горизонтальные» процессы, определяющие то, как растут детеныши, как создаются и разрываются социальные связи и как ими пренебрегают, неизбежно влияют на временно зафиксированный «вертикальный» компонент, т. е. на иерархию.

Наилучший показатель мирной и расслабленной атмосферы – это игра. Здесь три взрослых самца играют вместе: слева направо – Никки, Лейт и Йерун

Это одна из причин, по которой стабильность иерархии нельзя приравнять к застою и монотонности. Вторая состоит в том, что доминирование необходимо постоянно доказывать. Установившаяся иерархия сама себя не поддерживает. Треугольник Йеруна, Лейта и Никки всегда балансировал на грани новой нестабильности. Различия во влиянии трех членов триумvirата были незначительными, поэтому баланс сил мог в любой момент сместиться. Возможности не менялись: с одной стороны, это выбор между столкновением и примирением, с другой – паттерны образования коалиций и изоляции.

Ниже дается краткое описание ситуации на период 1978-1980 гг., т. е. после захвата власти Никки. Какими бы напряженными ни казались отношения, всегда следует помнить, что вспышки агрессии случались относительно редко. Разделяющие вмешательства, устрашающие демонстрации и «приветствия» среди самцов были обычным, повседневным делом, однако многие дни проходили вообще без серьезных конфликтов, не говоря уж о реальных драках.

Разделяй и властвуй

С самого начала поведение Йеруна уже в каком-то смысле сбивало с толку. Хотя сперва он весьма положительно среагировал на возвращение Никки в группу, через неделю его установка полностью поменялась. Он стал кричать в ответ на демонстрации Никки. Часто ему удавалось натравить всю группу против Никки, и он защищал любого, кого тот атаковал или кому угрожал. В действительности, Йерун теперь пытался подорвать позицию Никки, которую тот во многом получил именно благодаря его поддержке.

В первые несколько недель Лёйт горячо поддерживал Йеруна в его акциях, но после он быстро потерял интерес, что неудивительно, ведь сам он мало выигрывал в этой ситуации. Йерун неизменно отказывался мириться с одной вещью – действиями против Никки, к которым побуждал не он. В редких случаях, когда Лёйт демонстрировал себя Никки или атаковал его по собственной инициативе, Йерун каждый раз вставал на сторону Никки. Колеблющееся поведение Йеруна исключало для Лёйта всякую возможность снова забраться на вершину. И Лёйт недолго позволял Йеруну «использовать» себя; его отношение к Йеруну медленно изменилось: он перестал быть его активным сторонником и превратился в нейтрального симпатизанта.

Поддержка Йеруна самками постепенно уменьшилась. Но это почти наверняка определялось систематической стратегией Никки, заключавшейся в том, что он разбирался с каждым членом группы, который выступил против него в конфликте, по отдельности. Как только он мирился с Йеруном после того или иного конфликта, пусть даже это примирение проходило не раньше, чем через полчаса, он приступал к наказанию самок, которые были на стороне Йеруна. Не щадил он даже тех особей, которые просто лаяли на Никки издали. Эта политика систематических репрессий иногда приводила к формированию нового альянса против Никки, но в целом она сыграла свою роль сдерживающего средства. Поскольку самки все больше тяготели к нейтралитету, Йерун остался в своем противостоянии с Никки в одиночестве. Кроме того, Лёйт сам начал оказывать давление: когда между двумя другими самцами начинался конфликт, он принимался демонстрировать себя. Единственный способ держать Лёйта под контролем – сомкнуть ряды. Поскольку сам Йерун не мог противостоять пышущему молодецкой силой Никки, перед Йеруном встал выбор между подчинением Никки и разрывом коалиции, что наверняка означало бы возвращение Лёйта к власти.

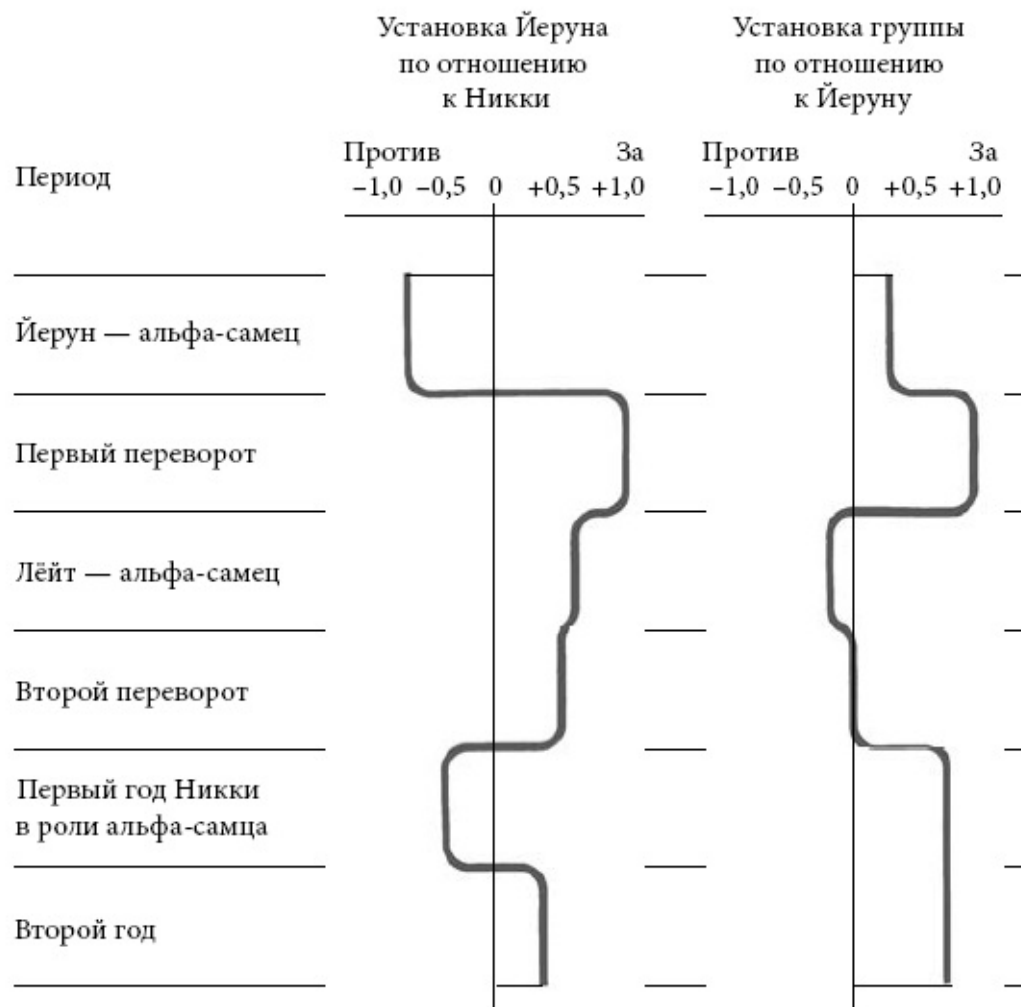

РИС. 2. Анализ коалиций

То, как обезьяны вмешиваются в конфликты друг друга, указывает на существование коалиций. Приведенные здесь примеры показывают установку Йеруна в конфликтах с участием Никки и установку самок и детенышей в конфликтах с участием Йеруна.

В первом примере установка Йеруна значительно колебалась. С тех пор как его позиция вожака оказалась под угрозой и была узурпирована, он поддерживал Никки. Он продолжал поддерживать Никки даже в столкновениях с новым вожаком Лёйтом, определив, таким образом, возможность смещения последнего со стороны Никки. Когда это случилось, Йерун снова стал поддерживать противников Никки. Но после незначительного периода он опять вернулся к прежней роли.

Когда позиция Йеруна как альфа-самца впервые оказалась под вопросом, его поддерживала вся группа. Второй пример показывает, как постепенно распалась эта поддержка, так что в итоге вмешательства в его пользу были уравновешены многочисленными вмешательствами против. Йерун вернул себе общую поддержку самок и детенышей после второго переворота. После этого отношение группы к нему было более позитивным, чем к двум другим старшим самцам, включая и нового вожака.

В конце 1978 г. Йерун окончательно подчинился Никки, и с этого момента между ним и Никки сформировалась крепкая связь. Их коалиция оказалась весьма длительной, хотя в последующие годы между ними время от времени и случались конфликты. В подобных случаях угрожающее поведение Лёйта заставляло их прекращать ссоры и поспешно устранять свои разногласия. Демонстрации и атаки Лёйта вызывали в группе хаос, и спокойствие можно было восстановить лишь совместными действиями двух других самцов.

Пока их коалиция действовала, Йерун и Никки почти все делали вместе. Вместе они сидели и ходили, проводили бок о бок демонстрации и вместе контролировали изолированного Лёйта, прерывая его контакты с высокопоставленными самками и Дэнди. Во всех этих мероприятиях Йерун подначивал Никки и выступал его советчиком. Например, три самца сидят в тени, к ним подходит Дэнди и садится рядом с Лёйтом. Йерун тотчас замечает это и привлекает внимание Никки несколькими обращенными к нему похрюкиваниями, а когда Никки поднимает взгляд, Йерун кивает головой в сторону Дэнди и Лёйта. Никки вскакивает, на мгновение садится на Йеруна сверху, а затем прогоняет Дэнди. Подобные инциденты случались регулярно, и у нас сложилось впечатление, что Йерун лучше видел потенциально опасные процессы и лучше своего партнера понимал, что их надо подавлять в зародыше. То, что Йерун был бдительнее, вполне понятно, если учесть его возраст и опыт.

Трудно было не прийти к выводу, что Йерун был мозгом, а Никки – мускулами их коалиции. Йерун производил впечатление хитрого лиса, тогда как наиболее заметными качествами Никки была его сила и скорость. Однако успешное восхождение Никки на вершины власти и тонкая политика, примененная им после, вряд ли соответствуют этому образу безмозглого громила. По отношению к двум самцам он придерживался политики «разделяй и властвуй», которая парализовала их и сделала зависимыми. Когда между Йеруном и Лёйтом возникало напряжение или даже конфликт, Никки не вмешивался, если только один из них не шел к явной победе. Демонстрации, устраиваемые его главным противником, Лёйтом, в определенной степени были выгодны Никки, поскольку они вынуждали Йеруна искать защиты. Иногда Никки, видимо, хотел даже подчеркнуть зависимость Йеруна – он удалялся, когда Йерун приходил к нему в надежде получить помощь. Это означало, что у Йеруна не было иного выбора, кроме как идти за своим партнером. Получаемая им от Никки защита была минимальной. Никки вмешивался лишь в тех случаях, когда агрессивное поведение Лёйта сохранялось длительное время и когда он демонстрировал себя слишком близко к Йеруну. Обычно вмешательство Никки принимало форму наседания, осуществляемого над Лёйтом, который потом прекращал всякие попытки запугать других. Йерун часто набирался смелости, когда Никки вмешивался, и сам начинал демонстрировать себя перед Лёйтом. Казалось, что он пытается воспользоваться переменой в ситуации. Но и в этом случае Никки порой утверждал себя, обрывая подобные акции. Таким образом, хотя Никки и мог защищать своего партнера по коалиции от их общего соперника, он не позволял ему обращать это в свою пользу. Никки уравнивал одного самца другим.

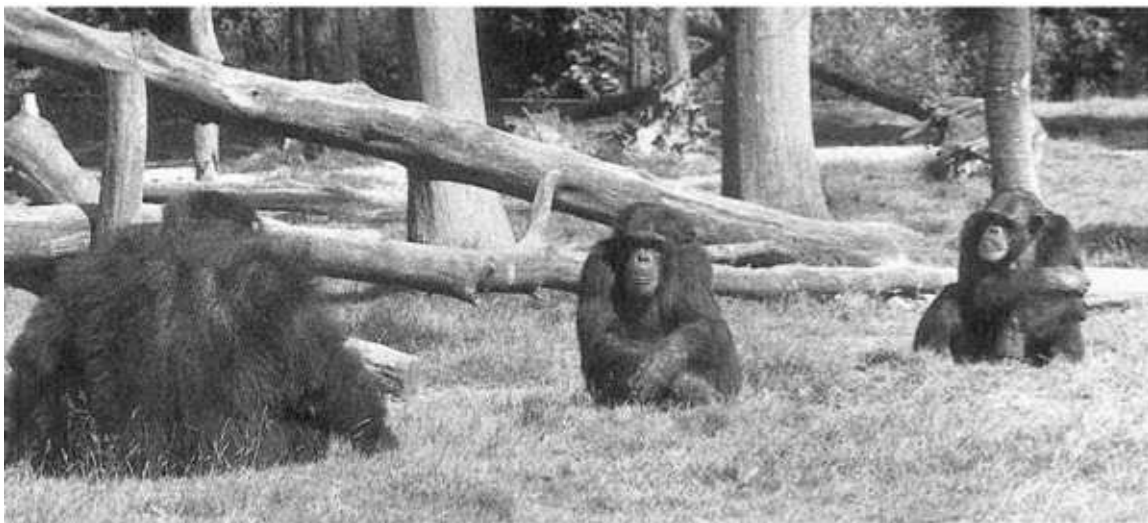
Отношения между Йеруном и Лёйтом были весьма напряженными. После того как Никки стал вожаком, они никогда не «приветствовали» друг друга. Отсутствие доминирования одного над другим выражалось также в частых *взаимных* устрашающих демонстрациях. Подобные столкновения случались только тогда, когда Никки был рядом (если его не было, Лёйт был слишком силен для Йеруна). Они приближались друг к другу, вздыбив шерсть, и ни один не был готов уступить или склониться для наседания. Иногда они даже хватали друг друга, но только для того, чтобы тут же расступить и с криками убежать к Никки. Йерун в таких случаях залезал на Никки сзади, тогда как Лёйт приближался спереди, чтобы «приветствовать» его. Все это происходило с быстротой молнии. Характерный результат – Никки в середине и Йерун, «прилипший» к нему, – указывал на то, что два более старых самца не решались самостоятельно разобраться в своих отношениях без участия Никки. Вероятно, Йерун боялся ввязываться в драку с Лёйтом, тогда как тот боялся вмешательства Никки. Никки действовал в качестве противовеса. Бывали периоды, когда подобное происходило по несколько раз на день.

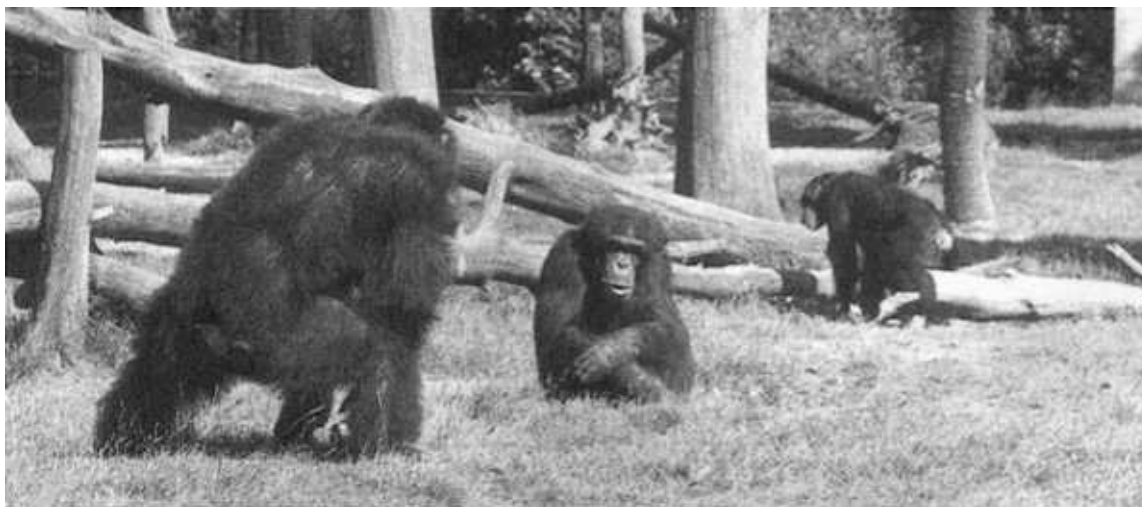
Последний аспект политики Никки состоял в том, что он – и это вполне естественно – не терпел того, чтобы два старших самца находились в компании друг друга. Когда он замечал, что они сидят рядом или как-то контактируют, он проводил перед ними демонстрацию, пока они не

расходились. Никки весьма последовательно осуществлял свои вмешательства и почти всегда добивался успеха; по сути, он запрещал двум другим самцам контактировать. Было ясно, что Йеруну и Лёйту известно об этом правиле, поскольку они нарушали его, лишь приняв меры предосторожности. Однажды я увидел, как они обыскивают друг друга, пока Никки спит. Они могли продолжать это занятие целых пять минут (в этом им повезло), однако каждый из них следил по очереди за Никки – словно проказливые мальчишки, которые следят за фермером, забравшись в его сад. Как только Никки открыл глаза, Лёйт, приняв по возможности беззаботный вид и не оглядываясь на двух других самцов, удалился, чтобы не привлечь внимание Никки.

Под нажимом со стороны Лёйта (слева) Никки ухмыляется и протягивает руку своему партнеру по коалиции Йеруну, с которым он был в конфликте. Во время конфликтов двух других самцов Лёйт проводил впечатляющие демонстрации, которые Никки мог остановить, лишь заделав брешь в их коалиции с Йеруном

Вожак не потерпит присутствия своего партнера по коалиции вблизи своего соперника. Сверху: Никки (слева) подходит и, вздыбив шерсть, садится с угрожающим видом напротив Лёйта и Йеруна. Посередине: Йерун уходит, когда Никки начинает демонстрацию. Снизу: Никки запугивает Лёйта, и его разделяющее вмешательство завершается успехом

Функция разделяющих вмешательств заключается, вероятно, не только в предупреждении формирования нежелательных коалиций, но и в проверке существующих. В конце концов, Никки не смог бы силой растащить двух других самцов. Он демонстрировал себя рядом с ними, а потом ждал, прекратят ли они общаться друг с другом. Однажды мы наблюдали, как он демонстрировал себя целый час, тогда как два других самца просто игнорировали его. Запрет Никки мог действовать только до тех пор, пока Йерун предпочитал добрые отношения с ним контакту с Лёйтом. Следовательно, каждым успешным вмешательством Никки подчеркивался закрытый характер наличной коалиции.

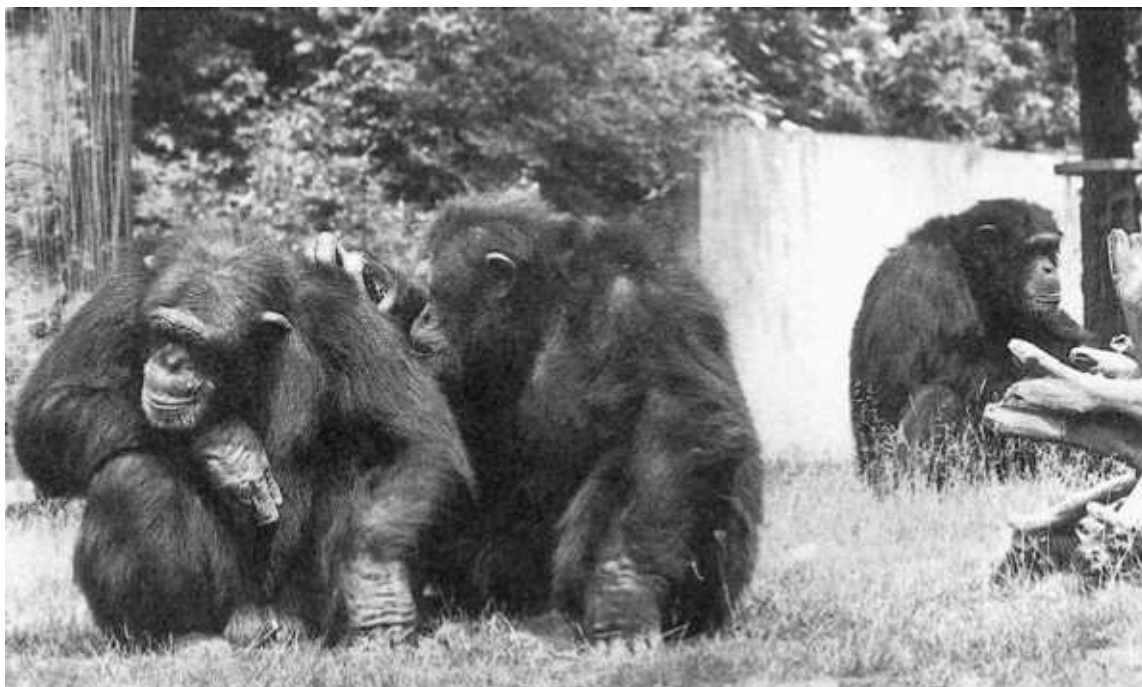
Контакты Йеруна и Лёйта происходили по несколько раз за день, и часто их зачинщиком выступал Йерун. Зачем ему это было нужно? Разве ему не проще было бы просто полностью избегать Лёйта? В конце концов, его отношения с Лёйтом и в другие времена не были особенно хорошими, а когда они вступали в контакт, им всегда, безо всяких исключений, мешал Никки. Мое объяснение в том, что так Йерун заставлял Никки чувствовать свою зависимость. Йерун открывал дверь для отношений с соперником Никки и готов был закрыть ее снова лишь тогда, когда его партнер успевал ощутить сквозняк. Возможно, поведение Йеруна служило Никки напоминанием, предупреждающим, что его позиция покоится лишь на решениях Йеруна.

Коллективное лидерство

Никки завоевал себе крепкое положение. Его «приветствовал» Йерун, Лейт и все остальные члены группы, т. е. он стал формальным вожаком колонии. Но его статусу вожака кое-чего не хватало. Он сталкивался со значительным сопротивлением со стороны самок – они не выказывали большого желания считаться с ним. Он был непопулярен, и его авторитет не так-то легко принимался. Его «приветствовали», обыскивали, ему подчинялись, однако это не было чем-то само собой разумеющимся, в отличие от ситуации с двумя предыдущими вожаками. Его больше боялись, чем уважали.

Когда Лейт стал вожаком, он также стал выступать в качестве сторонника проигравшего. Он получил поддержку самок и поднялся в их мнении настолько высоко, что они «приветствовали» его чаще, чем Йеруна. Ранее я уже объяснял эти моменты следующим: вожак получает помощь и уважение группы в обмен на поддержание порядка. То же самое произошло и после второго переворота, но на этот раз существенное отличие состояло в том, что эти качества были обнаружены не у вожака. Не Никки, а его партнер по коалиции, Йерун, защищал мир, а потому завоевал всеобщее уважение. Это удивило меня больше всего остального. До этого момента я думал, что эту роль, как и функцию формального доминирования, должна исполнять одна особь. Но если Йерун и Лейт были вожаками-одиночками, то Никки *делил* свое лидерство с другой особью.

Миротворческие функции выполнялись Йеруном. Не считая тех многих случаев, когда он и Никки вмешивались в конфликты друг друга, Йерун был сторонником проигравших в 82 % случаев, а Никки – только в 22 % (по измерениям 1978–1979 гг.). Никки, несмотря на свое положение альфа-самца, оставался сторонником победителей. Первоначально, после восхождения Никки на вершину власти, Йерун настолько эффективно действовал против него, что Никки на самом деле нельзя было считать тем, кто контролирует ситуацию. Например, когда молодой вожак, вздыбив шерсть, готовился вмешаться или уже вмешался в конфликт двух самок, Йерун нередко сразу же нападал на него и отгонял, иногда при помощи двух этих самок. Вполне возможно, что сопротивление Йеруна миротворческим попыткам Никки мешало последнему получить полный контроль вплоть до 1979 г.

Типичная ситуация в треугольнике: Никки (в центре) обыскивает своего партнера, тогда как Лейт сидит в одиночестве неподалеку

Лейт не может противостоять совместным действиям Йеруна и Никки. Здесь он беспомощно бросается в них песком после того, как ему не дали обыскивать Маму и прогнали его

Никки – пример вожака, который регулярно подвергался нападению со стороны союзов самок. Но еще удивительнее было то, что Йерун подталкивал самок сопротивляться своему собственному партнеру по коалиции, хотя и с меньшей силой, чем ранее, так что длительность и острота этих инцидентов снизились. Другая сторона медали в том, что Йерун был самцом, обладавшим наибольшим политическим авторитетом среди самок. Они выступили против него во время лидерства Лейта, однако после смещения последнего они вернулись в лагерь Йеруна; они поддерживали его еще более активно, чем Лейта, а Никки вообще не поддерживали.

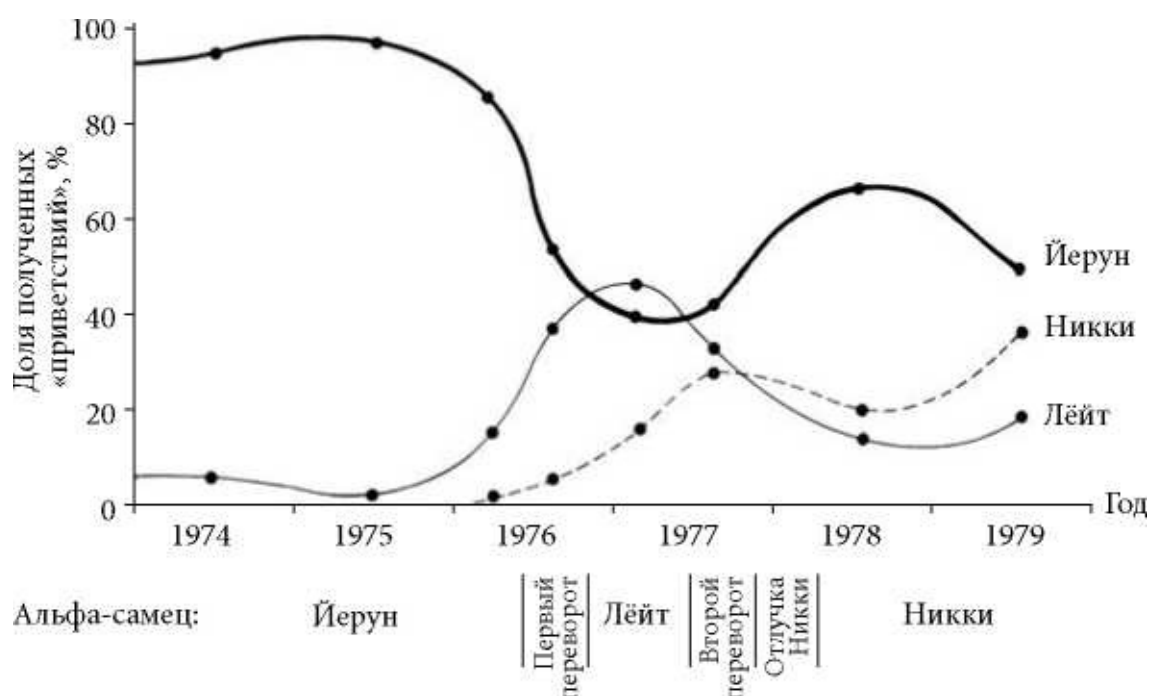

РИС 3. График уважения

Уважение членов группы с высоким рангом измеряется в том числе и частотой, с которой их «приветствуют». Этот график, составленный на основе нескольких тысяч наблюдений, показывает, как самки и их детеныши распределяли свое уважение между тремя главными

самцами в 1974-1979 гг. Общее число «приветствий» в данный период приравнивается к 100 %. «Приветствия» между самими самцами не учитываются, хотя они и представляют собой критерий ранга альфа-самца: альфа-самец – тот, кого «приветствуют» все остальные взрослые самцы.

В 1974 и 1975 гг. Йерун получал примерно 100 % приветствий. В 1976 г., когда ему бросил вызов Лейт, показатели Йеруна упали. В период лидерства Лейта, Йерун не был уже самым «приветствуемым» самцом, однако, когда Лейт потерял власть, уважение к Йеруну снова выросло. Не новый вожак Никки, а его пожилой партнер по коалиции Йерун – вот кто больше всего выиграл от смещения Лейта. С годами количество «приветствий», обращенных к Никки, постоянно росло, так что к 1980–1981 гг. он достиг уровня уважения, нормального для альфа-самца

Уважением группы в основном пользовался именно Йерун. Самки и детеныши «приветствовали» его почти в три раза чаще, чем Никки, и в пять раз чаще, чем Лейта. Когда Йерун и Никки заканчивали одну из своих частых совместных демонстраций и приближались вместе к группе сидящих обезьян, вполне обычным было увидеть, как члены группы с низким рангом вставали и спешили «поприветствовать» и поцеловать Йеруна, при этом как будто совершенно не замечая присутствия Никки. Однако, как показывает график на с. 182, со временем показатели Никки стали расти. В 1980 г. Никки стал получать то же количество «приветствий», что и Йерун, – через целых два года после того, как взял власть в свои руки.

Иногда же казалось, что Никки использовался в качестве подставной фигуры, так что Йерун со всем опытом и хитростью, которые у него были, крутит им, как хочет. Широкой базой, на которую опиралась позиция вожака, владел не Никки, а Йерун. У более старого самца была коалиция с самками, позволявшая оказывать на Никки давление, а коалиция с самим Никки давала ему возможность контролировать Лейта. В этом свете ситуация выглядела так, словно бы Йерун смог вернуться к власти. Лейт лишил его поддержки и уважения, которыми он ранее пользовался, но Йерун, продвинув вперед самого молодого самца, сумел, похоже, получить и то, и другое.

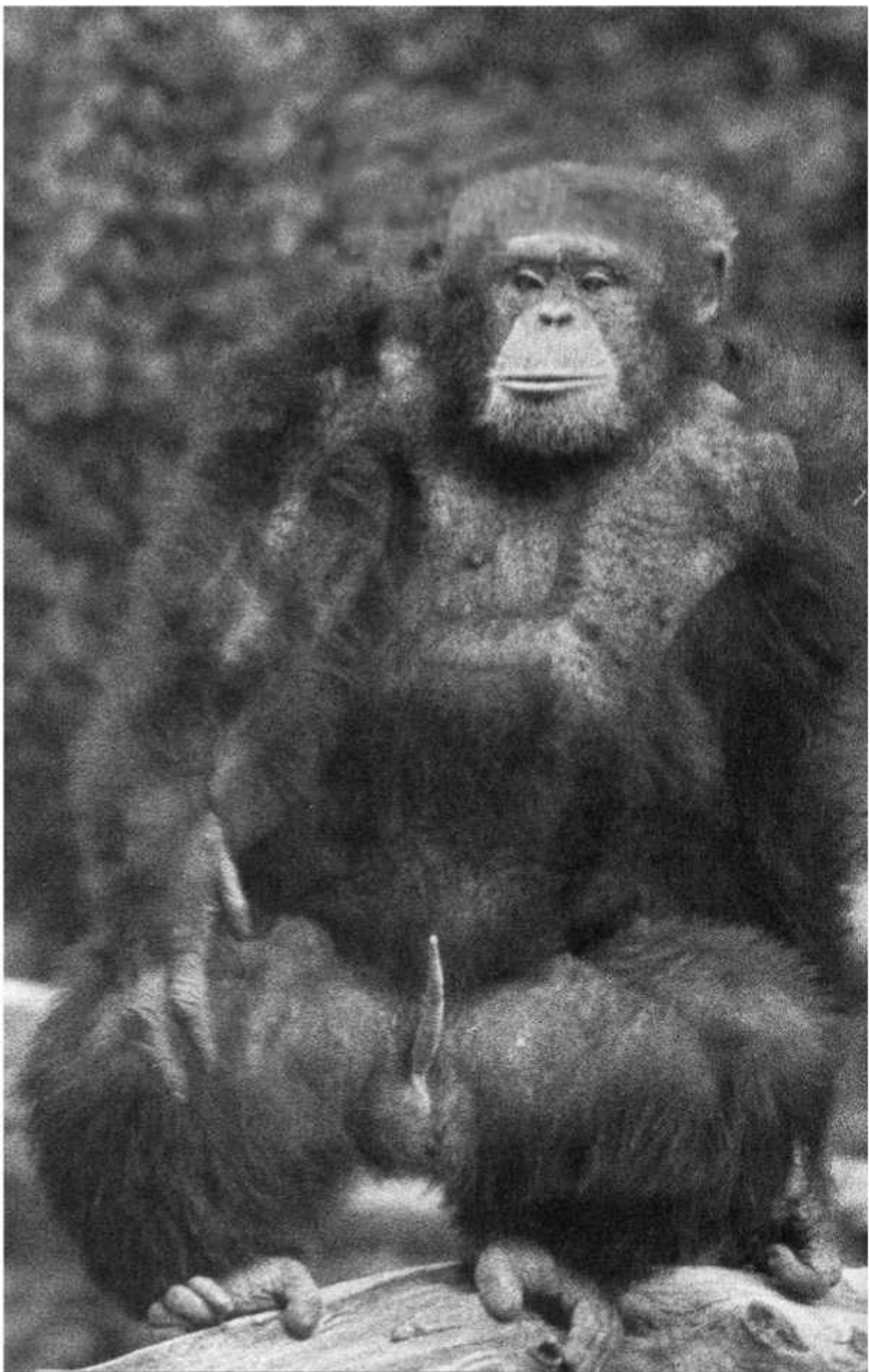
Йеруна не только «приветствовали» чаще всего, ради этих «приветствий» ему почти ничего не приходилось делать. Даже когда он спал, самки нередко подходили к нему и по собственной воли выражали свое уважение. Здесь – Ор (справа)

Но эта картина не является совершенно точной. Йеруну пришлось многим пожертвовать за

свое «возвращение». Верно, что Никки не всегда над ним доминировал, однако он был достаточно силен, чтобы Йерун его «приветствовал». Если Йерун отказывался признавать положение Никки – а именно так он и поступал в первые месяцы лидерства Никки, – это приводило к серьезным конфликтам между ними, и коалиция грозила вот-вот рухнуть. Никки зависел от Йеруна, но и обратное тоже верно. Кроме того, Никки, как мы увидим в следующей главе, пользовался сексуальными привилегиями, приличествующими его рангу. Никки занимал высшее положение, а Йерун исполнял контролирующую функцию, а потому пользовался связанным с нею авторитетом.

Положение Никки было не из простых. В сравнении с ним Йерун и Лёйт были чуть ли не всемогущими – благодаря сотрудничеству с самками. Важное различие между лидерством Никки и старым порядком состояло в том, что Никки стоял на плечах того, кто сам по себе был весьма амбициозен. Соответствующие проблемы хорошо известны и в мире людей. Макиавелли писал об относительной слабости лидеров такого рода. Если в следующей цитате из «Государя» мы заменим «знать» «самцами высшего ранга», а «обычный народ» – «самками и детенышами», мы увидим, что «государство» Никки, в действительности, существенно отличалась от власти двух его предшественников:

Тому, кто получает государство при помощи знати, удержать его намного сложнее, чем тому, кто становится государем при поддержке простого народа, поскольку он оказывается государем среди тех, кто считают себя равней ему, а потому он не может ни править, ни управлять ими по собственной воле.

Никки приглашает самку спариться с ним

IV. Сексуальные привилегии

Некоторые посетители зоопарка уходят в смнении, уводя за собой детей, когда видят, как шимпанзе занимаются сексом. Другие начинают смеяться и проводят многозначительные сравнения, тогда как какая-то другая группа может просто наблюдать сцену в неловком молчании. Секс никого не оставляет равнодушным. Раздувшиеся половые губы самок сразу же привлекают внимание. Хотя посторонним трудно в это поверить, мы настолько привыкли к набухшим розовым задкам самок, что больше не считаем их гротескными, а у некоторых самок, например, Амбер и Гориллы, они нам кажутся даже красивыми и элегантными. Зрители, однако, считают их отвратительными и обычно принимают за хронические нарывы. Как-то раз одна женщина даже заявила в приемную зоопарка с целью предупредить нас о том, что у нас живет обезьяна с ужасной красной *головой*. Несомненно, одна из самок какое-то время стояла в этот день на голове, триумфально подняв в воздух набухшие гениталии. Для самки в течение это вполне обычное поведение.

Долгое время обезьяны традиционно представлялись в виде похотливых сатиров, прожигающих жизнь в извращениях и грехе и сравнимых с людьми, изображенными на картине Иеронима Босха «Сад земных наслаждений». Неспроста старое латинское название шимпанзе – *Pan satyrus*. У этой человекообразной обезьяны из джунглей была даже репутация насильника человеческих женщин. Эта стародавняя тема использовалась и в фильме «Кин-Конг», в котором изображена горилла. Все эти истории о похищении людей и изнасиловании – не более чем литература ужасов; только обезьяны, выросшие среди людей, могут демонстрировать определенный сексуальный интерес к ним. А обезьяны, живущие в своей собственной среде, далеко не распущены. Половые контакты у них подчиняются точно определенным правилам. Шимпанзе не известны исключительно моногамные пары, однако их сексуальная жизнь не является совершенно беспорядочной.

Нижеприведенные цифры показывают, что половую активность наших шимпанзе нельзя назвать неконтролируемой. У самок шимпанзе средний менструальный цикл составляет тридцать пять дней, и их гениталии полностью раздуты в течение примерно четырнадцати дней. Когда самки находятся на привлекательной фазе своего цикла, частота спаривания из расчета на взрослого самца составляет в среднем одно в пять часов. Это означает шесть спариваний в восьмичасовой день для самки, поскольку в нашей колонии четыре самца. Это частота спаривания для взрослых самок, исключая Пейст (которая отказывается от них); в случае самок-подростков частота спаривания более чем в полтора раза выше. Дело не в том, что они привлекательнее; напротив, самцы больше всего интересуются именно зрелыми самками. Просто соперничество между самцами за контакт со взрослыми самками ограничивает частоту половых актов с ними.

Самцы крайне заинтересованы самками с набуханием половой кожи. Здесь Лёйт осматривает Маму

Спаривание происходит с вышеописанной частотой лишь в тех случаях, когда у самки течка. Как только набухание в ее генитальной области спадает, самцы теряют интерес. Бывают также длительные периоды, когда цикл самки останавливается или становится крайне нерегулярным (во время беременности, которая длится семь с половиной месяцев, а также в трехлетний период кормления грудью). В колонии, где рождается большое число младенцев, например, в нашей, это означает, что у взрослых обезьян порой месяцами не бывает ни одного полового акта.

Три самца идут за возбуждающей самкой, стараясь ни на мгновение не потерять из виду друг друга. Альфа-самца Никки можно узнать по его шерсти, которая стоит дыбом, а самку – по ее набуханию

Неверно было бы говорить, что в жизни группы господствует секс, однако это не означает, что он неважен. Например, взрослые самцы могут днями отказываться от еды, если у одной из самок течка. Когда я вижу обезьян-самцов по утрам в их спальном помещении, в их глазах можно прочесть возбуждение. У них алчный вид, который можно заметить и тогда, когда у них, например, появляется что-то особенно вкусное. Очевидно, что они предвкушают удовольствия грядущего дня.

Ухаживания и совокупление

Ухаживания среди взрослых шимпанзе почти всегда инициируются самцом. Он встает от самки в течке на небольшом расстоянии, примерно в 1-20 метрах. Садится с прямой спиной и широко расставленными ногами, чтобы его эрекцию было легко заметить. Его длинный и тонкий пенис розового цвета, поэтому его хорошо видно на фоне темной шерсти. Иногда он быстро дергает пенисом вниз и вверх, за счет чего еще больше привлекает к нему внимание. Во время демонстрации своей мужественности самец поддерживает себя, опираясь руками сзади, и толкает тазом вперед. Если самка сидит к нему спиной, он привлекает внимание несколькими мягкими похрюкиваниями. Глухая самка Кром не реагирует на этот сигнал, так что самцу приходится бросать в нее камешки, топтать ногами по земле или бить по ветви дерева, где она сидит. Далеко не всегда самка удостаивает самца вниманием, но если она все же бросает взгляд в его сторону, самец тут же раскрывает руки и разводит их перед собой приглашающим жестом. Если самка принимает приглашение, она припадает к земле, так что ее набухшие гениталии оказываются между его ног. Самец хватается самку за плечи и осторожно вводит в нее свой пенис. Само совокупление длится менее четверти минуты и заключается в нескольких глубоких и мощных толчках. Все это время самка неподвижно лежит на животе. Обычно лица любовников почти ничего не выражают, однако молодые самки иногда издают высокий крик в момент оргазма. Лишь изредка самка поворачивает голову, так что они смотрят друг на друга.

Лейт (слева) кладет руку на спину Ор, после чего она приседает, подготовившись к совокуплению

Никаких особых отклонений от этой стандартной схемы в нашей колонии не наблюдалось до тех пор, пока Амбер и Ор не достигли половой зрелости. Они продемонстрировали столь устойчивые предпочтения в выборе партнеров, что их можно было бы даже назвать влюбленностью, и они оказались настолько ненасытны, что часто буквально изматывали своих

партнеров. Амбер сильно влекло к Никки. Когда они занимались грумингом, они прижимались друг к другу, а когда увлекались сексуальными играми, последние проходили вдали от группы. Тем самым они избегали беспокойств, которые им могла причинить Ор или же детеныши шимпанзе, которых буквально тянет к сексу. Ор часто подбегала к Амбер на двух ногах, угрожающе размахивая руками и явно стремясь прервать ее спаривание с Никки. В другие моменты она быстро подставлялась Никки – точно так же, как уже собиралась сделать Амбер. Ее вмешательства сократились лишь после того, как у нее сложились собственные интимные отношения с Дэнди. Две этих пары доказали своими ласками, объятиями и увлеченностью, что шимпанзе способны играть с сексом. Наиболее отчетливо это проявилось в так называемых сексуальных танцах.

Обычно Амбер толкает Никки, и вместе они находят спокойное местечко. Там Никки приглашает ее к спариванию, однако Амбер приседает слишком неглубоко, так что совокупление не может произойти. Она уклоняется и начинает подпрыгивать в его сторону, надув губы и стоя в нескольких метрах. Иногда она устремляется к Никки и подставляется ему, но тотчас снова отскакивает. Затем она вытягивается к нему, стоя на двух ногах, широкими жестами чешет себя и в то же время подходит к нему на несколько шагов. Этот паттерн приближения, садки, движения и уклонения чем-то похож на танец, причем даже в большей степени в тех случаях, когда к нему присоединяется Никки, устремляясь к ней галопом и делая несколько диких прыжков. Схема движений может повторяться до пятнадцати раз и заканчивается совокуплением.

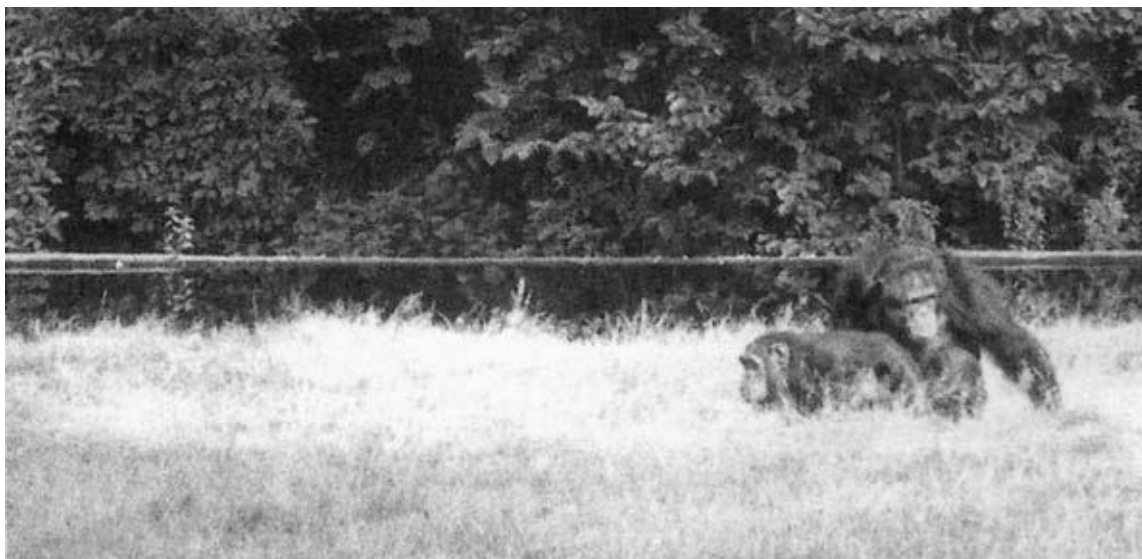
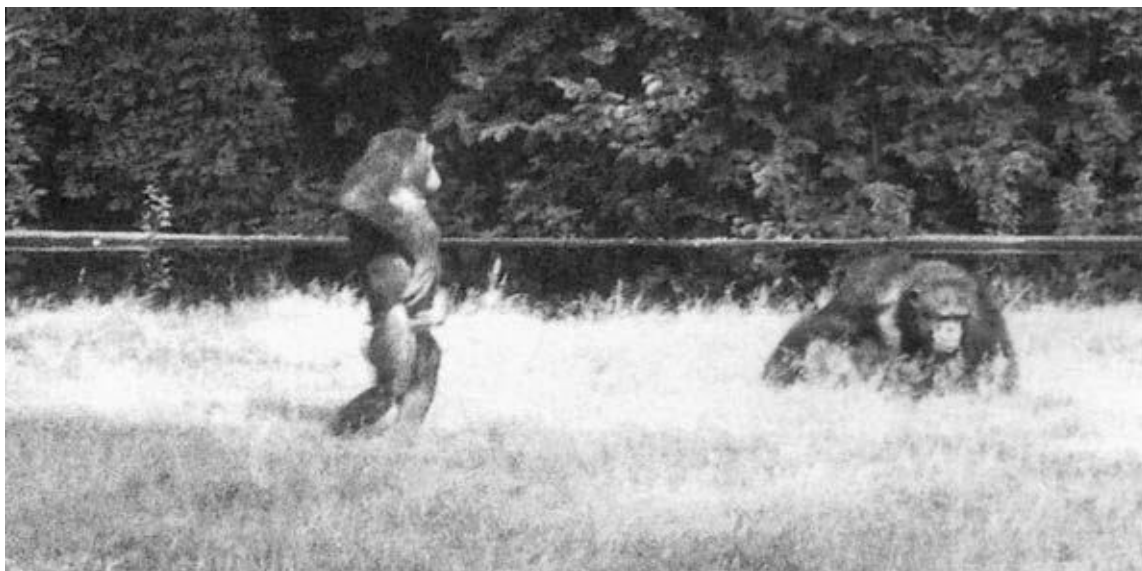
Ор, совокупляясь с Никки, кричит в момент оргазма

Предпочтения Амбер и Ор, отданные соответственно Никки и Дэнди, ограничивались периодами их течки, т. е. их отношения были по своей природе сексуальными, но не

представляли собой реальное образование пар, поскольку не исключали других контактов. Два самца регулярно спаривались и с другими самками, тогда как отзывчивость двух молодых самок распространялась и на других самцов и детенышей мужского пола. Но по своей воле они предпринимали инициативы только с избранными самцами и только с ними исполняли свои «сексуальные танцы». В последние годы эти явления постепенно затухали. Вероятно, сексуальная оживленность такого вида характерна лишь для молодняка, а позднее она отражается лишь в слабых предпочтениях. У более взрослых обезьян часто наблюдаются предпочтения при выборе половых партнеров, как в нашей группе, так и среди диких шимпанзе. Это одна из причин, по которой нельзя считать, будто шимпанзе живут совершенно беспорядочной половой жизнью. Другая – регуляционное влияние иерархии самцов на половую активность.

Одна из студенток, работавших со мной, Мариетт ван дер Вель, изучала предпочтения в выборе партнеров и расцвет сексуальности Амбер в 1977 г. Мариетт также изучала странную форму поведения у маленьких детенышей и подростков, которая в литературе по приматологии известна как *сексуальное притеснение*. Когда взрослые занимаются спариванием, к ним устремляется молодежь. Молодые обезьяны прыгают на спину самки, отталкивая партнера, трогая его или же протискиваются между партнерами. Они также бросаются в них песком или же, несмотря на свои размеры, устраивают устрашающие демонстрации. Открытая агрессия по отношению к паре встречается крайне редко. В наиболее серьезном из известных мне случаев Фонс укусил Никки за яички, когда тот взобрался на его мать Франье. В результате совокупление сразу же было прервано. Но в основном подобные вмешательства не являются враждебными, а иногда выглядят даже вполне по-дружески. Однако они явно мешают сексуальным контактам. Если принять во внимание то, что детеныши мешают половине всех совокупляющихся пар и примерно четверть их вмешательств приводит к прерыванию совокупления, неудивительно, что самцы нередко прогоняют детенышей, пусть даже отчасти в шутку, перед тем как начать заигрывать с самкой в течке. Однако детеныши напоминают надоедливых мух: они снова и снова возвращаются. Кажется, что малышей магнитом тянет к сексуальным контактам взрослых.

Сексуальный танец Амбер перед Никки, который завершается совокуплением

Почему это происходит? Легко дать психологическое объяснение: детеныши просто ревнуют. Но, сколь бы убедительным оно ни казалось, оно все же недостаточно. Я не буду отрицать то, что они ревнуют, поскольку шимпанзе и правда крайне ревнивые создания, однако за этим сексуальным притеснением должна скрываться определенная цель, иначе социальная жизнь становится напряженной и полной конфликтов безо всякой на то необходимости. Со времен Дарвина биологи верят в функциональность. Анатомия, физиология, внешний вид и поведение животных эволюционировали в определенном направлении не без причин. Характеристика, негативные аспекты которой перевешивают позитивные, не будет передаваться от одного поколения к следующему. В чем же тогда польза сексуальных притеснений? Одна теория утверждает, что молодые шимпанзе пытаются не дать своей матери слишком быстро снова забеременеть, чтобы отложить появление следующего брата или сестры. Если им это удастся, они смогут дольше пользоваться молоком и заботой матери, она будет дольше их носить. Детеныши не знают, почему они действуют именно так, а не иначе. Предполагается, что сексуальные притеснения являются врожденной реакцией, которая удлиняет период кормления детенышей грудью, а потому и их шансы на выживание.

Когда Фонс впился зубами в мошонку Никки, я думал, что Никки в ярости набросится на него, однако этого не произошло. Он потер раненое место и посмотрел на Фонса, но не стал его наказывать. Шимпанзе удивительно терпимы по отношению к маленьким детенышам. Это,

вероятно, объясняется тем, что агрессия в этом случае может вернуться к ним бумерангом. Как только самец начинает угрожать малышам, которые притесняют его вместе с его подругой, самка набрасывается на него с криками, даже если ее саму застали в момент совокупления. Несомненно, что после подобного инцидента ему придется некоторое время мириться с тем, что она будет игнорировать его приглашения.

Точно так же, как защитная реакция самки сокращается по мере взросления детей, падает и толерантность самца. Этот процесс начинается тогда, когда детенышам исполняется около четырех лет. И если до этого возраста самцы тискают детенышей и прогоняют их лишь в шутку, то с более взрослыми детенышами они ведут себя агрессивнее; самец угрожающе лает на подростков, ожидая, что они будут сторониться привлекательной самки и не создадут никаких проблем. Если они не сразу повинуются ему, то он вполне способен проучить их. Взрослый самец может укусить их за руку или за ногу, а иногда даже пустить кровь. Жестокость наказания и применяемые техники драки (типичные для мужских боев) указывают на то, что подростки рассматриваются уже не как «досадная помеха», а как возможные соперники. Все старшие детеныши в нашей колонии – самцы, и они сексуально активны, хотя еще и не достигли половой зрелости. Только в сексуальном контексте с ними обращаются столь грубо. Это помогает им понять жесткие правила мира взрослых самцов еще в начале своего пути. Ясно, что самые старшие из детенышей уже выучили урок и не осмеливаются приближаться к самке в течке без должных предосторожностей.

Пока Франье спаривается с Никки, Фонс, ее сын, подходит к ним, обнимает обоих и целует Никки. Ваутер (слева) реагирует тем, что возбужденно прыгает вокруг них и ухает

Самцы становятся сексуально активными в молодом возрасте. Амбер «спаривается» с Баутером, а Фонс (слева) отвечает на это устрашающими жестами. Среди взрослых самцов это привело бы к серьезному конфликту, но здесь это все еще пока лишь игра

Когда эти молодые самцы достигнут через несколько лет периода полового созревания, мы столкнемся с проблемами инбридинга. Сыновья смогут спариваться с матерями, а потом, когда созреют самки, братья – с сестрами, а отцы – с дочерьми. Мы пока еще не знаем, какие меры надо будет предпринять. Возможно, проблема не окажется слишком серьезной. Есть надежные данные, указывающие на то, что шимпанзе сами стремятся избегать инцеста. И хотя некоторые антропологи считают человеческое табу на инцест продуктом культуры и даже «наиболее важным шагом вперед» по сравнению с поведением животных, биологи скорее полагают, что оно является законом природы, который пропитал собой все культуры. В 1980 г. Анн Пьюзи опубликовала некоторые важные данные о диких шимпанзе в Гомбе-Стрим. Похоже, что половая активность между братьями и сестрами там чрезвычайно низка, а спаривания матери и сына вообще никогда не наблюдали. Молодых самок очень привлекают незнакомые самцы, которых они ищут за пределами своего сообщества. После спаривания они, забеременев, либо возвращаются в свое сообщество, либо остаются в новом. Самки с осторожностью принимают партнеров из своей собственной группы. Анн Пьюз пишет: «Четыре самки часто с криками убегали от самцов своей группы, которые по возрасту могли быть их отцами, когда те делали им сексуальные предложения, но при этом они с готовностью откликались на ухаживания более молодых самцов в тот же самый период, подставляясь им и спариваясь с ними». Молодые самки не могут знать, кто их отец, однако они избегают оплодотворения возможными отцами, отказываясь спариваться со старыми самцами, которые им знакомы.

Тарзан повзрослел, когда на своем горьком опыте узнал, у кого есть сексуальные привилегии, а у кого нет. Никки зажал его ногу своими зубами и крутит его туда-сюда

Влечение Амбер и Ор к двум самым молодым самцам в нашей колонии соответствует этой схеме, однако реальная проверка механизма уклонения от инцеста сможет состояться только через несколько лет. На данный момент самцы-подростки «спариваются» с каждой самкой, которая позволяет им делать это, даже с собственными матерями. Но одна из матерей, Тепел, не терпит такого поведения. В период течки она отказывается «спариваться» со своими сыновьями Ваутером и Тарзаном. Она отталкивает их, когда у них появляется эрекция, однако позволяет другим детенышам сделать попытку. Интересно посмотреть, будут ли различия в воспитании, которым разные матери занимаются по-разному, отражаться в более поздних отношениях матерей и сыновей.

Амбиция и отцовство

В мире животных сексуальное соперничество самцов встречается на каждом шагу. Даже сладкоголосая песня самца соловья – пример этой тяжелой борьбы. Его песня предупреждает других самцов, чтобы они держались подальше от его территории, и привлекает самок. Формирование территорий – один из способов разграничения прав на продолжение рода; другой такой способ – формирование иерархии. Существует вполне определенная связь между властью и сексом; ни одну социальную организацию невозможно верно понять, не зная сексуальные правила и то, как осуществляется забота о потомстве. Даже такой всем известный краеугольный камень нашего общества, как семья, является, по существу, единицей полового воспроизводства. Зигмунд Фрейд, размышляя об истории этой единицы, придумал «первобытную орду», где наши праотцы подчинялись одному-единственному вождю, который ревниво охранял свои половые права и привилегии, не разделяя их ни с кем другим. Этот ревнивый, но харизматичный мужчина, Отец, был в конечном счете убит своими собственными сыновьями, которые разрезали его на куски. Позже возникла новая форма групповой жизни, во главе которой также стоял мужчина, однако эта новая группа была лишь тенью прежней, поскольку «в ней было много отцов, и каждый был ограничен правами других». По Фрейду, мы так и не сумели до конца избавиться от этого образа всемогущего отца, поэтому он продолжает жить в наших табу и религиях.

Когда я наблюдаю за шимпанзе в Арнеме, у меня иногда возникает ощущение, что я изучаю первобытную орду Фрейда, словно бы машина времени переместила меня в доисторические времена, чтобы я мог исследовать сельскую жизнь наших предков. Они все еще согласны с *droit du seigneur*^[10] – одним из ныне забытых продуктов западной культуры. Когда Йерун был альфа-самцом, он один отвечал примерно за три четверти всех спариваний. Если не считать половых актов с молодыми самками (которые вызывают не так много соперничества), его доля доходила почти до 100 %. Секс был его монополией в группе. Эта ситуация изменилась, когда Лейт и Никки восстали против него. Йеруна не разорвали на части, но после этого он уже никогда не смог вернуть себе прежнюю долю половой активности. Кроме того, ни один другой самец не оказался достаточно сильным, чтобы монополизировать самок в течение в той же мере, в какой это удавалось Йеруну в его лучшие времена. С другой стороны, спаривания в период, когда вожаком был Никки, все же не распределялись равномерно между четырьмя самцами группы. Во времена сразу после падения Йеруна сексуальные контакты доставались Никки и прежде всего Лейту. Доля Йеруна начала расти снова лишь тогда, когда Лейта сместили (Йерун и Никки), а нового пика она достигла в первый год лидерства Никки; в то время показатель Йеруна был выше, чем у его партнера по коалиции. В следующий год Йеруну пришлось отступить; теперь доля Никки составляла более 50 %. Во все эти годы доля Дэнди оставалась ниже 25 %, если не брать смутных месяцев второго переворота.

В целом существует вполне определенная связь между рангом самца и его частотой спаривания, хотя она и является не строгим законом, а скорее правилом, из которого могут быть исключения. Дело не в том, что самцы с более высоким рангом мужественнее, а в том, что они невероятно нетерпимы к соперникам с более низким рангом – они отгоняют их от самок в течение. Если они застают какого-то другого самца за спариванием, они тут же вмешиваются, набрасываясь на него или его партнершу. Самки хорошо понимают этот риск. Иногда самка постоянно отклоняет приглашения некоторых самцов, словно бы она ими совсем не интересуется. Но потом, когда вся колония уходит вечером в помещение, внезапно появляются возможности для спокойного спаривания, и тут-то и выясняется, что такая самка совсем не

прочь спариться с самцами, на которых она холодно взирала весь день. Мы даже видели самок, которые бегут к клеткам самцов, чтобы быстро спариться с ними через решетку. Это происходит, разумеется, только тогда, когда альфа-самец все еще находится снаружи или отделен от них в другой части системы переходов. Если альфа-самец случайно замечает происходящее, он тут же начинает ухаживать и запугивать их, но не может вмешаться.

Какова причина такой нетерпимости? Почему самцы не могут оставить друг друга в покое? Ревность – лишь половина истории. Остается еще проблема ее функции. Ревность давно бы исчезла с лица земли, если бы напряжение и риски, вызываемые ею, не имели бы какой-то положительной функции. Биологическое объяснение сексуального соперничества самцов выглядит следующим образом. Самку может оплодотворить только один самец. Удерживая других самцов на расстоянии от нее, самец увеличивает вероятность того, что он будет отцом детеныша. Соответственно, детеныши будут чаще рождаться от ревнивых, а не от толерантных самцов. Если ревность передается по наследству, что предполагается данной теорией, будет рождаться все больше детенышей с этой характеристикой, а потом они сами будут пытаться исключать других членов того же пола из акта воспроизводства.

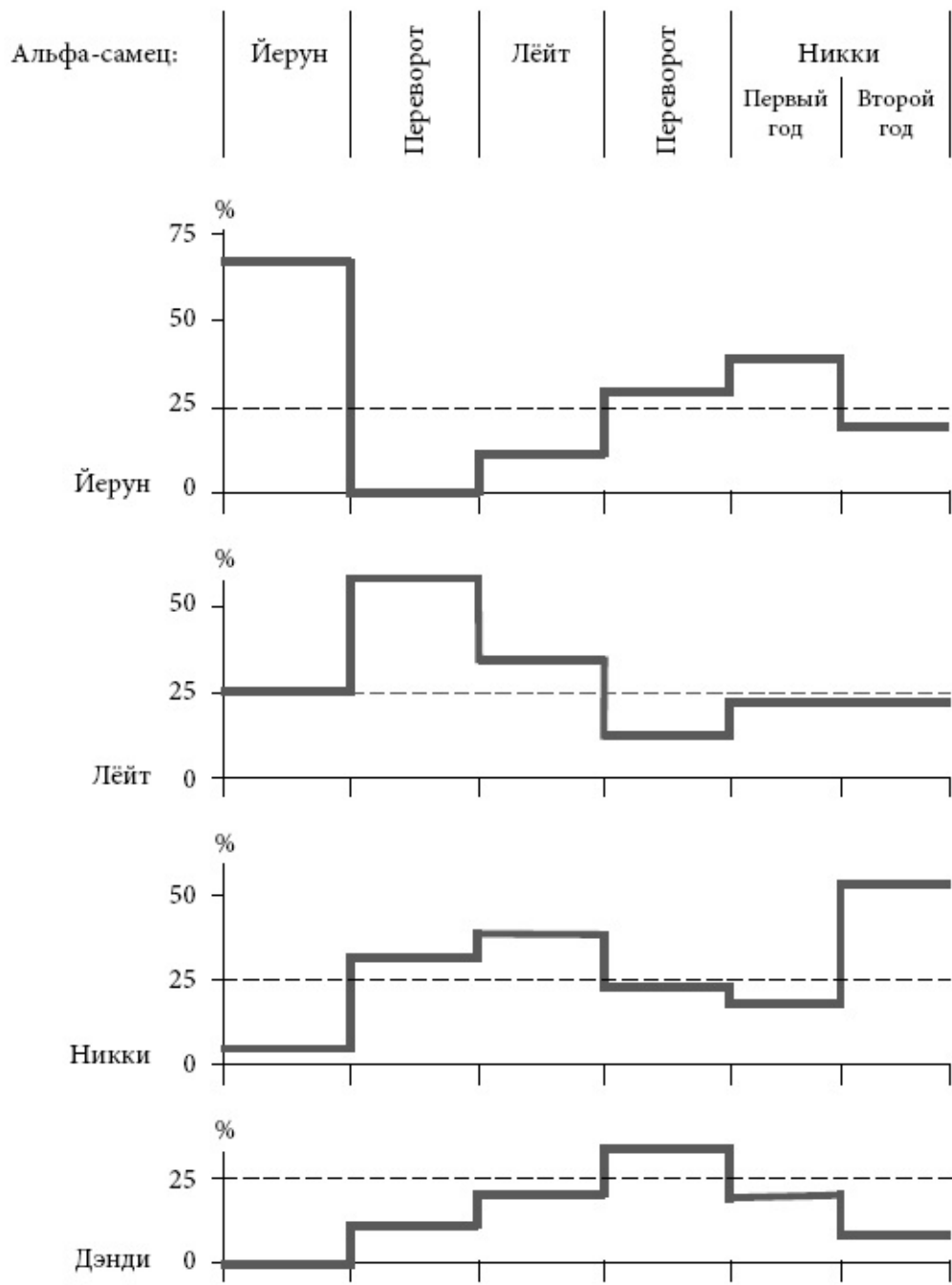

РИС. 4. Частота спаривания

Если общее количество спариваний было бы равномерно распределено между четырьмя взрослыми самцами, на долю каждого приходилось бы 25 %. На самом деле, в 1974–1979 гг. было три периода, когда на долю одного-единственного самца приходилось более половины всех спариваний: сначала это был Йерун, потом Лейт, когда он стал претендовать на власть, а потом Никки во второй год своего лидерства

Если самцы борются за право оплодотворить как можно больше самок, для самок ситуация выглядит совершенно иначе. С каким бы количеством самцов она ни совокуплялась – с одним или сотней, это не повлияет на число детенышей, которых она родит. Поэтому ревность среди самок не так выражена. Конкуренция самок возникает почти исключительно у видов с парными связями, например, многих птиц и немногих млекопитающих. В этих случаях самки пытаются завоевать или защитить долгосрочные связи с самцом. Хорошим примером выступает наш собственный вид: исследования Дэвида Басса показали, что если мужчины больше всего расстраиваются при мысли о том, что их жена или подруга занимается сексом с каким-то другим мужчиной, женщинам больше всего не нравится мысль о том, что их муж или партнер на самом деле *любит* другую женщину, независимо от того, был ли у него с ней секс. Поскольку женщины смотрят на такие вещи с точки зрения отношений, их больше волнует возможная эмоциональная связь между их партнером и другой женщиной.

Самцы сосредоточены на сексе и власти. Их стремление к власти проистекает из того, что иерархия самцов определяет сексуальные приоритеты. Если стремление получить более высокий ранг приводит к большему количеству потомства у данного самца, у него родится больше сыновей с той же самой склонностью. Эта теория, объясняющая происхождение мужских амбиций, проста, логична, а потому привлекательна. Но, чтобы доказать ее, нам надо будет провести еще много исследований. Например, важно выяснить, какие именно спаривания приводят к оплодотворению и какие позиции в иерархии занимал тот или иной самец на протяжении своей карьеры, начиная с юного возраста и заканчивая смертью. Связь между рангом и сексом у бабуинов, макак и диких шимпанзе стала в последние годы предметом интенсивных исследований, и доказательства, поддерживающие эту теорию, достаточно сильны, хотя и не являются совершенно бесспорными. Например, сам акт деторождения – это только полдела; после того как детеныши родились, их надо защищать. У доминирующих самцов более подходящее положение для защиты матери и ее детеныша. Не совсем легко сказать, что это – альтернатива старой теории или ее расширение, но ниже приводится несколько примеров отношения самцов колонии Арнема к маленьким детенышам.

Пример 1

Однажды Джеки, которому меньше месяца, забирает у матери против ее воли его «тетушка» Кром. Мать Джимми с воплями и плачем бежит за ней, однако Кром отказывается отдать Джеки, пока Йерун и Лейт не замечают, что происходит, не подходят к двум самкам и не встают с угрожающим видом перед Кром, демонстрируя себя. Кром поспешно возвращает Джеки его матери.

Пример 2

В другом схожем инциденте Тарзана похищает его «тетушка» Пейст. Тарзану около года, он устроился на спине Пейст. Внезапно она взбирается на дерево с детенышем, который что есть сил держится за нее. Когда Пейст добирается до самой вершины, Тарзана охватывает паника и он начинает кричать, так что наверх бросается и его мать Тепел. Сама она, однако, не решается

забраться так высоко, но становится крайне агрессивной. Когда Пейст снова спускается вниз, и Тепел получает невредимого Тарзана обратно, она набрасывается на гораздо более крупную и доминантную самку. Йерун спешит к ним, обхватывает Пейст вокруг груди и оттаскивает ее на несколько метров.

Это вмешательство особенно интересно тем, что в других случаях Йерун всегда выступал на стороне Пейст. Но на этот раз он согласился, если можно так сказать, с протестами матери и сменил обычные для себя предпочтения.

Пример 3

Прежде чем начать эксперимент по усыновлению с Гориллой и Розье, мы решили показать Розье колонии через окно на нашей смотровой площадке. Розье не было в течение шести недель. Вся колония взрывается криками и собирается под окном. Наиболее ожесточенную реакцию мы получаем от Йеруна, который обычно вообще не реагирует на наши действия. Он возбужденно прыгает и бросает в нас песок и палки. В течение трех недель он продолжает проявлять агрессию по отношению к Монике, киперу, независимо от того, с Розье она или без. Йерун – единственный член группы, который так себя ведет. Как только мы вручаем малышку Горилле, он снова становится дружелюбным. Мы делаем вывод, что Йерун был против того, чтобы мы, люди, держали младенца шимпанзе.

Лейт (справа) сидел рядом с привлекательной самкой (слева), но теперь, когда его отогнал Никки, заняв его место, он принялся пристально изучать свои ногти

Пример 4

Через несколько месяцев, когда мы запускаем Гориллу и ее приемного детеныша в колонию, мы сначала проводим ее утром мимо клеток, перед тем как выпустить шимпанзе из их спальных помещений, чтобы оценить реакции отдельных членов группы. Агрессивно реагирует не только Кром, биологическая мать Розье, но и Никки. Проблему с Кром мы решаем тем, что пускаем к ней Маму; ее присутствие тут же успокаивает ее. С Никки ситуация сложнее. Прежде всего мы выпускаем всю группу, кроме Никки. Этот этап внедрения проходит без проблем. Когда чуть

позже выпускают Никки, Йерун и Лейт объединяют силы, обхватив друг друга за плечи, и формируют барьер между Никки и Гориллой. Никки, являющегося к этому времени альфа-самцом, прогоняет временная коалиция двух других самцов. Никки с криками бежит к Маме, а затем обнимает Гориллу и целует Розье. Вполне возможно, что этот самец представлял смертельную угрозу для младенца, если судить по тому, что нам известно сегодня (двадцать лет спустя) о детоубийстве у разных видов: иногда взрослые самцы убивают новорожденных^[11].

Эти примеры иллюстрируют то, что самцы придают безопасности маленьких детенышей огромное значение. Эта установка на защиту больше выражена у двух более старых самцов, чем у двух более молодых. И это может опять же объясняться тем, что у старых самцов больше потомства. Они не знают, какие дети их, однако предоставляемая ими защита увеличивает шансы на выживание для всех их возможных отпрысков.

Но остается одна проблема. Если бы я должен был определить, какой из самцов наиболее амбициозен и ревнив, я бы сказал, что это Йерун. А если вопрос в способности и желании защищать, я, выбирая между Йеруном и Лейтом, снова назвал бы Йеруна. Предполагается, что эти характеристики связаны с успешным воспроизводством. А потому весьма примечательно, что Йерун выигрывает по обоим этим показателям, хотя, как мы знаем, несмотря на частые совокупления (нередко заканчивающиеся эякуляцией), он из-за своего физического недостатка вообще не может оплодотворять самок. Все его усилия тщетны.

На первый взгляд может показаться, что его случай опровергает нашу теорию.

Но на самом деле это не так, поскольку Йеруну не известна окончательная цель отцовства. Он не знает, что самцы могут воспроизводиться, поскольку животные не осознают связь между сексом и деторождением. Они спариваются только ради удовольствия, и они проявляют амбиции, ревность и способности защитников, не понимая, что все это может послужить их потомству. Даже если функция их поведения и причина его эволюционного развития заключается в помощи их потомству, они сами признают лишь некоторые *подцели*: высокий ранг; большее число спариваний, чем у других членов группы; безопасную среду для всех детенышей группы. Бессознательно они служат *главной* цели всех живых существ. То, что даже такой импотентный самец, как Йерун, делает все это, иллюстрирует слепоту влечения к воспроизводству.

Сексуальные сделки

Самые взрослые из детенышей в колонии были зачаты на зените власти Йеруна, так что у него не могла быть полная сексуальная монополия. Члены группы с низким рангом всегда находят те или иные способы, хотя для этого им иногда приходится держать все в тайне. Мариетт ван дер Вель изучала открытость, с которой члены группы спаривались, записывая, какие из других самцов могли видеть акт. Она выяснила, что для Никки и Дэнди было важно, видят ли их спаривания другие, тогда как и Йерун, и Лейт не были этим особенно обеспокоены. Мы могли бы ожидать этого от Лейта, поскольку в то время он был альфа-самцом, но не от Йеруна. Я никогда не замечал, чтобы Йерун назначал «свидание» той или иной самке: он либо спаривался открыто, либо не спаривался вовсе. Возможно, это в какой-то мере связано с самими самками. Скрытность необходима, чтобы провести спаривание вдали от других. Не исключено, что самки, которые принимают прямые приглашения Йеруна, не готовы куда-то с ним специально идти ради сексуального контакта, который в случае Йеруна всегда оставался неудовлетворительным.

Самка вольна выбирать, заниматься сексом или нет. Иногда самцы пытаются заставить их агрессией, а в Арнеме мы однажды наблюдали совокупление, к которому самку принудили силой (см. примеч. 2 на с. 83), однако в обычном случае, если самка не хочет совокупляться, этим все сказано. Настойчивые самцы рискуют тем, что самка, к которой они приближаются, или другие самки прогонят их. Пейст, которая обычно в конфликте занимает сторону самцов, в подобных случаях всегда поддерживает самок в течке. Поэтому связь между доминированием и сексуальными правами, которая наблюдается у самцов, – это еще полдела. Другой важный фактор – индивидуальные предпочтения самки, и они не всегда соответствуют рангу самца. Следовательно, именно самки в основном выступают зачинщицами нарушения правил, действующих среди самцов.

То, что эти правила всем известны, ясно не только из скрытности некоторых контактов, но и по феномену *ябедничания*. Проиллюстрировать его помогут два примера. В первом Дэнди видит, как Лейт начинает ухаживать за Спин, тогда как вожак Йерун сидит далеко и не может видеть, что происходит. Возбужденно лая, Дэнди бежит к Йеруну и привлекает его внимание. Затем он подводит Йеруна к месту, где двое заняты спариванием.

Франье (слева) спокойно ожидает результата «сделки» трех самцов на заднем плане

Второй пример относится к периоду лидерства Лёйта. Когда Лёйт сидит спиной к Йеруну и Никки, оба пытаются воспользоваться возможностью и пригласить Гориллу к половому акту. Она игнорирует Йеруна и подставляется Никки. Тут же Йерун начинает ухаживать Лёйту, который оборачивается. Никки застывает как вкопанный, а потом уходит с максимально беззаботным видом.

Помимо таких способов утаивания, применяемых самцами с низким рангом, чтобы «получить свою толику удовольствий», бывают и случаи, когда они могут спариваться открыто, пользуясь соперничеством между доминирующими сторонами, либо за счет «переговоров» и «сделок».

В первый период лидерства Никки, т. е. летом 1978 г., именно Йерун спаривался чаще всех остальных. Он не подпускал ни Лёйта, ни Никки к самкам в течке, натравливая двух соперников друг на друга. Как только Никки приближался к самке или пытался запугать Йеруна, бывший вожак криками взывал к Лёйту, чтобы тот помог ему разобраться с Никки. Лёйт был только рад остановить любого своего соперника. И наоборот, когда Лёйт решался подойти к самке, Йерун столь же успешно обращался за помощью к Никки. Ревность в отношениях Никки и Лёйта стала в руках Йеруна сильным инструментом. (Эта ситуация подтверждает важность проведенного мной ранее различия между рангом, или формальным доминированием, и властью, или социальным влиянием. Формально Йерун не доминировал ни над одним из двух других самцов, однако его влияние было вполне определенным, по крайней мере в вопросах секса.)

5 сентября все внезапно изменилось. Мы увидели, что Никки и Лёйт регулярно и открыто спариваются, тогда как Йерун сидит на некотором расстоянии от них и никак не вмешивается. Неожиданность этого поворота застала нас врасплох. Похоже, что он был связан с неким «договором» о ненападении между Лёйтом и Никки, согласно которому каждая из двух сторон «принимала на себя обязательства» не поддерживать Йеруна против другой стороны. Шимпанзе стремятся к социальной взаимности; поэтому Никки и Лёйт были в равной мере готовы остановить свои вмешательства, выгодные Йеруну, в обмен на нейтралитет друг друга. Результат такого бессловесного процесса неотличим от процесса переговоров.

Никки смотрит, как Лейт приближается к самке

«Договор» против Йеруна стал возвращением к прежней открытой коалиции Лейта и Никки. Если не было самок в течке, не было и проблем: Лейт был крайне услужлив и держался подальше от правящей коалиции Никки и Йеруна. Однако в периоды сексуального соперничества Лейт претерпевал удивительное превращение. Он ходил, самоуверенно демонстрируя себя, и реже «приветствовал» Никки. Иногда они вдвоем даже устраивали для Йеруна устрашающую демонстрацию, отгоняя его от сексуально привлекательной самки. Это порой приводило к конфликтам, которые сильно напоминали их прежние стычки: Лейт и Никки выступают вместе против Йеруна и поддерживающих его самок. Таким образом, старая структура продолжала просвечивать в новой.

Все это означает, что наш альфа-самец участвовал в двух коалициях, причем у каждой была особая функция. *Никки* использовал поддержку Йеруна, чтобы доминировать над Лейтом, но поддержка Лейта или по крайней мере его нейтралитет были ему нужны, чтобы мешать Йеруну в его сексуальной активности. *Йерун*, помогая Никки добиться власти, сумел восстановить значительную часть своего бывшего престижа, который он уступил Лейту. Наконец, *Лейт* усилил позицию Никки в рамках правящей коалиции, лишив своей поддержки Йеруна. И наоборот, защита Йеруна от Лейта, предоставляемая ему Никки, была минимальной, особенно в периоды сексуального соперничества. Поэтому-то влияние Лейта в группе росло и падало вместе с набуханием половой кожи у самок.

Здесь мы имеем отличный пример системы, основанной на балансе сил: превосходство одной стороны над другой зависит от поддержки третьей, так что каждая сторона влияет на положение других. Никки занимает ключевую позицию, т. е. два других самца вложились в его власть и в определенной мере разделяют ее. Власть была поделена непропорционально, но все же она не осталась в руках одной особи. Да и разве могло бы быть иначе у животных со столь выраженным стремлением к формированию коалиций? Тут можно процитировать Мартина Уайта, который писал о международной политике: «Альтернативой балансу сил является либо

всеобщая анархия, либо всеобщее господство». Я не могу представить осуществления ни одной из этих альтернатив в политике шимпанзе.

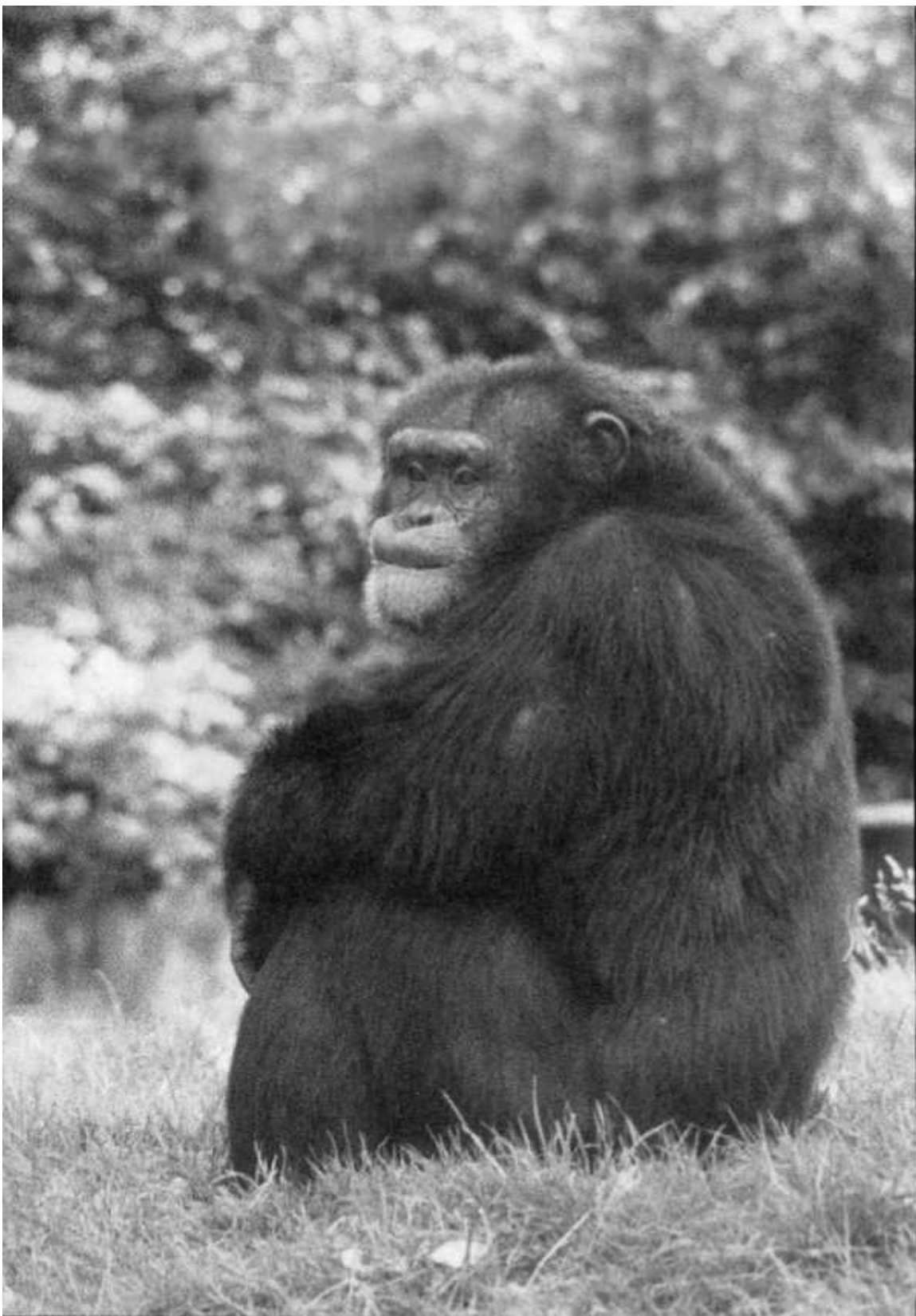
К 1980 г. Никки спаривался примерно в два раза чаще, чем два других самца вместе взятых. Он мешал спариваться другим, демонстрируя себя «нарушителю», часто при участии третьей стороны. Однако его собственные заигрывания с сексуально привлекательными самками иногда тоже встречали отпор. Два других самца иногда, ухая, подходили друг к другу, так что всегда оставалась угроза вмешательства.

На сексуальную терпимость влияет не только баланс сил, но также попытки вернуть спокойствие и груминг. Вот, типичная сцена: у Франье период течки. Три самца сидят в нескольких метрах от нее. Лёйт подходит к Франье, чтобы осмотреть и понюхать ее набухание. Вздвигнув шерсть, Никки подходит к Лёйту и садится рядом с ним с угрожающим видом. Лёйт оставляет самку. Он обыскивает Никки, а потом приглашает Франье спариться. Франье колеблется, поскольку у Никки шерсть снова дыбом. Лёйт поворачивается с широкой усмешкой на лице и протягивает руку Никки. Затем он возвращается к Никки, чтобы еще раз обыскать его. Когда Лёйт приглашает Франье во второй раз, им обоим позволено спариться совершенно беспрепятственно.

Это не какой-то исключительный инцидент, а крайне сокращенное описание того, что обычно происходит. Когда Роб Хендрикс измерил сессии груминга среди самцов при помощи секундомера, он выяснил, что они длились в девять раз дольше в периоды, когда в группе была самка в течке. Какова функция всего этого груминга? Возможно, его успокаивающий эффект устраняет сопротивление партнера по грумингу, так что в конце концов он разрешает своему сопернику сексуальный контакт. Это могло бы объяснить, почему самец всегда неуверенно смотрит на своего партнера по грумингу, когда они вдвоем приближаются к самке, как и то, почему он иногда протягивает своему партнеру руку. Это жест просьбы. Что, например, мог в такие моменты сделать Лёйт, если не попросить Никки одобрить его сексуальный контакт с самкой?^[12]

Если груминг и другие успокаивающие контакты и в самом деле являются маневрами, предотвращающими агрессивные интервенции, тогда нам остается сделать еще один маленький шаг, чтобы назвать их «ценой» и начать говорить о *сексуальных сделках*. Даже альфа-самцу приходится платить эту цену. Однажды мы видели, как Никки протягивает руку двум другим самцам. Если они реагировали на этот жест, слегка демонстрируя себя или ухая, Никки возвращался к ним и продолжал их обыскивать, тем самым повышая выплачиваемую им цену.

Однажды Никки так увлекся грумингом Йеруна, что не заметил, как Лёйт тихонько отошел. Когда через какое-то время он посмотрел на то место, где сидел Лёйт, – тут же вскрикнул и начал оглядываться по сторонам: самка в течке тоже испарилась. Потрясенные Никки и Йерун обняли друг друга. Они, очевидно, пришли к одному и тому же выводу, потому что тут же бросились, вздвигнув шерсть, через весь вольер и успокоились только тогда, когда увидели, что Лёйт спокойно пьет из рва. Так что же – их страхи были необоснованными? Сами они так никогда и не узнают, но мне-то известно, что они просто опоздали.

Надутая демонстрация – это обычно краткий, самоуверенный выпад. Мимику – надутые губы, которые можно заметить во время такой демонстрации, – сфотографировать сложно. Это фото мне удалось сделать, выкрикнув имя Никки сразу после того, как он уселся, закончив демонстрацию

V. Социальные механизмы

В этой заключительной главе я буду обсуждать некоторые общие принципы, относящиеся к жизни в группе и умственным способностям членов группы. С одной стороны, я буду говорить о таких способностях, как стратегический интеллект, наличие которого мы подозреваем, но на деле не можем доказать. С другой – существуют способности, которые мы принимаем за нечто само собой разумеющееся, однако они далеко не всегда встречаются у животных. Самая базовая из этих способностей – способность узнавать друг друга индивидуально. Хотя животные, у которых такой способности нет, могут образовывать иерархию, они вынуждены снова и снова утверждать свое положение в этой иерархии при каждой встрече. Индивидуальное узнавание устраняет эту неопределенность и обеспечивает создание устойчивой структуры, в которой каждый знает свое место. Если количество особей становится неестественно большим, система рушится. Например, некоторые группы обезьян в Японии расширились до приблизительно тысячи особей, поскольку их кормят туристы. Нормальная численность группы составляет при этом около сотни. Когда группы становятся настолько большими, возникает чрезмерное количество неясных и неустойчивых отношений господства. Очевидно, столь значительная численность особей превосходит возможности памяти японских макаков, так что многие члены группы остаются друг для друга чужаками.

Если индивидуальное узнавание – это условие устойчивой иерархии, то *тройственная осведомленность* – условие иерархии, основанной на коалициях. Термин «тройственная осведомленность» обозначает способность воспринимать социальные отношения других индивидов, что позволяет формировать разнообразные трехсторонние отношения. Например, Лейт знает, что Йерун и Никки – союзники, поэтому он не будет провоцировать конфликты с Йеруном, когда Никки рядом, но он вполне готов пойти на них, когда встречается одного Йеруна. Отличительным признаком этого типа знания является то, что особь не только осознает свои отношения с любым иным членом группы, но также отслеживает и оценивает отношения в своей социальной среде, приобретая, следовательно, понимание того, как она сама соотносится с *комбинациями* других особей. Элементарные формы трехмерной групповой жизни обнаруживаются у многих птиц и млекопитающих, однако приматы, несомненно, достигли в этом отношении совершенства. Посреднические действия, нацеленные на примирение, разделяющие интервенции, ябедничанье и коалиции – все они были бы немыслимы без тройственной осведомленности^[13].

Эта умственная способность естественным образом отражается во всех социальных областях. Следующий пример относится к неполитическому контексту. Однажды Франье забирает детеныша Джимми. Он вскрикивает, тогда как Джимми подпрыгивает и устремляется к Франье. Примерно в 15 метрах от Франье она с угрожающим видом усаживается, вздыбив шерсть. Франье смотрит на Джимми, но, похоже, боится подойти ближе. В этот момент вмешивается Амбер и решает проблему. Она забирает детеныша у Франье и относит его назад матери. Когда Амбер вручает детеныша Джимми, Франье с подчиненным видом «приветствует» Джимми, но с большого расстояния.

Чтобы произвести такое успешное вмешательство, Амбер должна была не только узнать Франье, Джимми и детеныша в качестве индивидов, но и, чтобы понять причину конфликта, знать, какой из двух самок принадлежит детеныш. Все это кажется простым, поскольку тройственная осведомленность для людей – это просто вторая природа, и нам трудно представить общество без нее.

Зависимый ранг

Любовь между двумя моими ручными галками не взаимна. Более взрослая птица Рафья была выращена мной без других представителей ее вида. В социальном и сексуальном отношении она больше интересуется мной, чем более молодой птицей – Йоханом, который ухаживает за ней. Поскольку Рафья отвергает Йохана, это приводит к конфликтам в период спаривания. Йохан намного больше и сильнее Рафьи. Когда я слышу, как она кричит, я бросаюсь к птичнику, чтобы спасти ее из его лап. Рафья тут же перелетает ко мне на плечо и агрессивно кричит с него на Йохана. Иногда она даже атакует его с этой безопасной позиции и клюет его. А Йохан, вместо того чтобы отбиваться, улетает от нее. Это означает, что мое вмешательство привело к переворачиванию их отношений доминирования. Конрад Лоренц описал подобное явление в 1931 г. В своей первой большой публикации он показал, как самки в колонии его ручных галок повышали свой ранг за счет своих партнеров по паре, получая тот же статус, что и самец.

Но только в 1958 г. это явление получило название, когда было обнаружено – безо всякой связи с Лоренцем – среди японских макак. Масаи Каваи бросал еду двум молодым обезьянам, живущим в дикой стае, и записывал результаты. Обезьяну, которая забирала еду, он считал доминирующей. Каваи провел большое число подобных экспериментов и выяснил, что некоторые отношения доминирования зависели от расстояния, на котором детеныши находились от их матерей. Например, обезьяна А доминировала над своим ровесником В, когда их матери были далеко, но когда матери были поблизости, верно было обратное. Такое переворачивание происходило тогда, когда мать В доминировала над матерью А. Отпрыскам матери с более высоким рангом было выгодно ее физическое присутствие. Каваи назвал отношение между двумя детенышами без их матерей *базовым рангом*, а в их присутствии – *зависимым рангом*.

Японская макака с детенышем

Если применить эти термины к моим ручным галкам, тогда Рафья на базовом уровне подчинена Йохану, однако мое присутствие повышает ее зависимый ранг. Разумеется, для такого явления требуется не нейтральное присутствие. И у Рафьи, и в случае молодых обезьян, ранг зависит от особи, готовой их защитить. Здесь важную роль играет тройственная осведомленность. По опыту конфликтующие стороны знают, кого поддерживает третья сторона, а потому последняя может повлиять на ситуацию простым взглядом или поддерживающим жестом.

Зависимость от третьей стороны играет столь значительную роль в иерархии шимпанзе, что базовые отношения совершенно затемнены. Это верно не только для сложного баланса сил в треугольнике самцов. К примеру, маленький детеныш может прогнать взрослого самца. Он способен на это под защитой своей матери или «тетушки». Как и детеныши, такие самки на базовом уровне уступают самцам, но зато они могут опираться на поддержку других самок, а иногда призывают на помощь и доминирующих самцов.

В природных условиях, где самки живут гораздо более рассредоточенно, бывает, что детеныш или самка прогоняют самца, но очень редко. Тогда как в нашей колонии разница в силах намного меньше по причине ограниченности пространства, на котором они живут, и относительно большого числа самок^[14].

Иерархия самок

Основа иерархических позиций связана с полом. У самцов доминирование определяется коалициями. Господство самцов над самками в основном определяется их физическим превосходством. Но у самок самыми главными факторами, судя по всему, являются свойства характера и возраст.

Конфликты между самками настолько редки и результат настолько непредсказуем, что их невозможно использовать в качестве критерия при определении ранга. Это было отмечено и в Гомбе, где Дэвид Байгот пришел к выводу: «Вероятно, нет большого смысла описывать антагонистические отношения самок в терминах доминирования». В нашей колонии число конфликтов между самцами составляет один конфликт каждые пять часов, число конфликтов между самцами и самками – один в тринадцать часов, однако число конфликтов исключительно самок – лишь один каждые сто часов (это средняя частота и крупных, и мелких конфликтов из расчета на двух особей в летнее время).

«Приветствия» среди самок случаются в два раза чаще конфликтов. Это тоже слишком редко, однако из всех возможных критериев только «приветствия» представляются неким индикатором иерархии. Если рассмотреть ее в этом свете, иерархию самок можно поделить на четыре класса: Мама, альфа-самка, является самостоятельным классом; затем идут Пейст и Горилла; потом три первых матери колонии – Джимми, Франье и Тепел; под ними – Спин, Кром и Амбер. Отношения между разными классами гораздо более ясные, чем в самих классах. Основное отличие между иерархиями самцов и самок в том, что последняя оставалась стабильной годами.

Постоянные наблюдения за небольшой группой макак в неволе позволяют выявить иерархию самок за несколько дней. С нашими же шимпанзе нам пришлось потратить много месяцев, чтобы прийти к тому же результату. Неопределенность иерархии самок связана во многом с отсутствием в их среде самоутверждения. Если самки макак и бабуинов, как и самцы шимпанзе, регулярно доказывают свое доминирование, самкам шимпанзе это, похоже, не нужно. Видимое отсутствие у самок амбиций, вероятно, связано с тем, что шимпанзе обычно не живут в столь закрытых сообществах и ищут пищу самостоятельно. У них гораздо меньше конкуренции за еду, чем в закрытых группах макак и бабуинов. А это означает, что у шимпанзе, живущих на воле, нет важного мотива стремиться к более высокому рангу, и по самкам в нашей колонии это заметно.

Иерархия самок в нашей группе шимпанзе, видимо, основана больше на уважении нижестоящих членов группы, чем на устрашении или демонстрации силы, производимой вышестоящими. Самки редко демонстрируют себя с целью запугивания, а 54 % «приветствий» среди них спонтанны, в отличие от 13 % спонтанных приветствий среди самцов. Как и среди самок других видов человекообразных обезьян, здесь важнее согласие с доминированием, чем его доказательство. Например, когда самок орангутанга помещают впервые в одну клетку, они сразу же без малейших колебаний определяют устойчивый паттерн доминирования, не вступая в борьбу и не угрожая друг другу чем-либо. Такое доминирование не определяется физическим размером; возможно, личные качества отдельных особей внушают уважение. В этой сфере критическими факторами являются, видимо, возраст и длительность проживания на определенной территории. Возможно, самки обезьян быстро оценивают определенное число таких факторов и с готовностью подчиняются самкам, которые кажутся превосходящими их. Но неправильно было бы на основе быстрого определения доминирования и его стабильности делать вывод, что самки человекообразных обезьян совершенно безразличны к тому, какой у них ранг. Немногочисленные наблюдения жестокой конкуренции говорят против такого вывода^[15].

Наше понимание иерархии обезьян осложняется еще больше тем, что есть и третий тип доминирования, существующий наряду с формальным доминированием и властью. Например,

когда альфа-самец кладет шину на один из барабанов, стоящих в помещении, с намерением полежать на ней, одна из самок может его оттолкнуть и сесть сама. Самки также выхватывают разные предметы, иногда даже еду, из рук самцов, не встречая при этом никакого сопротивления. Один из моих студентов, Рональд Ноэ, сравнил три типа интеракций между старшими самцами и самками с высоким рангом. Согласно формальному критерию, определяемому тем, кто кого «приветствует», самцы доминировали в 100 % случаев; а по тому, кто выигрывает в инцидентах агрессии, – в 80 %. Но если речь была о том, чтобы отнять предметы или места, где можно посидеть, тогда самки доминировали в 81 % случаев. Поскольку у самок нет физических качеств, позволяющих требовать ресурсы силой, их превалирование должно зависеть от терпимости самцов. Однако тогда возникает вопрос – почему самцы позволяют самкам так поступать? Не может ли быть, что самки выходят на поле боя не с физической силой, а каким-то другим оружием? Они могут предложить то, что силой взять нельзя, например сексуальные и политические услуги, а также молчаливую дипломатию, которая помогает успокаивать вспышки страстей. Это наделяет самок немалыми возможностями: если популярность среди самок – критический фактор устойчивости лидерства того или иного самца, ему лучше проявлять по отношению к ним гибкость и терпимость.

Посетители колонии всегда хотят знать, какая обезьяна самая главная, и мне всегда нравится сбивать их с толку такими высказываниями: «Никки – это обезьяна с самым высоким рангом, однако он полностью зависит от Йеруна. Лейт сам по себе – самый сильный. Но если вопрос в том, кто может отодвинуть всех остальных, тогда главная – Мама». Антрополог Маршалл Салинс считал, что подобные исключения из закона сильнейшего встречаются только у людей: «В противоположность нечеловекообразным приматам, человек, чтобы его уважали, должен быть щедрым». Если он имел в виду бабуинов и макаков, он почти наверняка прав, однако в случае наших ближайших родственников, больших человекообразных обезьян, ситуация значительно сложнее и намного более схожа с той, что наблюдается у людей. Недавно Тошисада Нишида описал случай альфа-самца шимпанзе из Махали-Маунтинс, который поддерживал свой ранг в течение чрезвычайно большого срока (более десятилетия) за счет сложной системы «взятки». Он выборочно распределял мясо среди тех особей, чью поддержку он мог использовать против потенциальных соперников.

Стратегический интеллект

Еще две с половиной тысяч лет назад, когда Фукидид писал о Пелопонесской войне, было известно, что страны стремятся найти союзников против других стран, рассматриваемых в качестве общей угрозы. Обоюдный страх как основа формирования союзов заставляет нации становиться на более легкую чашу весов. Результатом оказывается равновесие сил, при котором у всех стран есть влиятельные позиции. Тот же самый принцип применим и к социальной психологии, в которой он известен как образование «минимальных выигрывающих коалиций». Если слабейший из трех игроков в экспериментальной игре имеет возможность набрать очки, присоединяясь к самому сильному или среднему участнику, он предпочтет объединиться с последним. После смещения с престола у Йеруна был похожий выбор: с одной стороны, коалиция с более сильной стороной – Лейтом; а с другой стороны, коалиция с более слабым – Никки. При господстве Лейта влияние Йеруна было ограничено, поскольку Лейт не нуждался в его поддержке. В лучшем случае ему был нужен его нейтралитет. Решив же поддержать Никки, Йерун сделал себя незаменимым для Никки-вожака, а потому его влияние в группе снова выросло.

Как и Никки до него, Дэнди проходит через стадию запугивания самок. Он перестанет быть агрессивным только тогда, когда они начнут уважать его учащенным хрюканьем. Слева – Дэнди, справа – Мама

Если в стратегии Йеруна много общего со стратегиями стран и людей, мы должны спросить себя, не та же ли основа у его поведения. У людей стратегия основана на рациональности. Ее не нужно смешивать с сознанием: мы можем бессознательно приходить к рациональным решениям и в то же время иногда делать шаги, которые, как мы сами знаем, иррациональны. Рациональный выбор основан на *оценке последствий*. Следовательно, вопрос в том, заглядывал ли Йерун в будущее, когда собирался объединить силы с Никки.

Первым делом нам необходимо определить, действительно ли шимпанзе активно стремятся

к более высокому рангу. Вызывает ли стремление к нему то, что мы называем целенаправленным поведением? Главная характеристика такого поведения в том, что оно становится избыточным после того, как цель достигнута. Считается, что поведение X служит цели Y, если X прекращается, когда Y достигнуто. Наиболее простой пример действия такого рода – это термостат. Он заставляет печь нагреваться (поведение X), пока не будет достигнута определенная температура (цель Y), а затем выключается. В наблюдениях Джейн Гудолл за Гоблином, шимпанзе из Гомбе-Стрим, мы находим очевидную параллель: «Как это свойственно самцам-подросткам шимпанзе, он запугивал взрослых самок и красовался перед ними, пока они не стали его уважать». Здесь ключевым является слово «пока». Почему Гоблин не продолжал вести себя точно так же, когда самки начали проявлять к нему уважение? То же самое можно сказать и о Никки. Цифры показывают, что его враждебность по отношению к самкам стала падать осенью 1976 г., когда они начали регулярно «приветствовать» его. Мы можем поэтому прийти к выводу, что поведение самца-подростка смягчается, когда самка признает его превосходство. Наиболее простое объяснение этого факта состоит в том, что его провокационные действия были способом вынудить других уважать его, а потому стали излишними, как только эта цель была достигнута.

Хотя все это может казаться совершенно естественным, мы не должны забывать, что амбиции у животных давно уже являются предметом спора. В 1936 г. Маслоу постулировал наличие *влечения к доминированию*, однако большинство этологов осмотрительно избегали этого термина. Но у меня, поскольку я основываюсь на собственных исследованиях макак и шимпанзе, по этому вопросу никаких сомнений нет. Изучавшиеся мной животные совершенно очевидным образом стремятся достичь высокого статуса. Процитируем еще раз Джейн Гудолл: «Вполне ясно то, что многие самцы шимпанзе тратят кучу энергии и рискуют получить серьезные травмы, когда пытаются завоевать высокий статус». Очевидно, стремление к власти не ограничивается животными в зоопарке.

Лейт чуть ли не в трансе танцует с закрытыми глазами ритмический танец с притопыванием и торжествующе кричит на пике своей вентилирующей демонстрации

Яванские макаки могут угрожать друг другу двумя разными способами. Когда я изучал их, выяснил, что есть функциональная разница между двумя этими формами. Молодые макаки используют шумные угрозы против тех особей, которых они позднее превзойдут по рангу, т. е. особей, над которыми доминируют их матери. Другая, тихая форма угрозы, применяется против особей, которые уже показали свою подчиненность. Первая угроза используется, чтобы подняться по социальной лестнице, тогда как вторая просто подчеркивает уже существующие позиции.

У шимпанзе то же самое различие обнаруживается в их демонстрациях. Оно состоит опять же в производимом шуме: одна демонстрация оглушающая, а другая тихая. Демонстрация первого типа начинается с раскачивания верхней части корпуса и постепенно усиливающегося уханья. После этого самец быстро пробегает мимо своего соперника, топая по земле, и заканчивает громким торжествующим криком. Из-за глубоких и ритмичных вдохов и выдохов, сопровождающих его уханье, эта форма поведения получила название *вентилирующей*

демонстрации. Во всех процессах борьбы за доминирование демонстрации подобного рода особенно часто отмечались у стороны-претендента. Как только период нестабильности заканчивается и соперник покоряется, претендент переходит к другой форме демонстрации. В этом случае, крепко сжав губы, самец задерживает дыхание: грудь выпячивается, а губы надуваются из-за давления. Это так называемая *надутая демонстрация*. Если вентилирующая демонстрация представляет собой вызов, который показывает наличие определенных претензий, надутая демонстрация является уверенным самоутверждением.

И если количество серьезных боев сокращается после переворота в отношениях доминирования, то же самое происходит и с вентилирующими демонстрациями. Этим подтверждается тезис, гласящий, что эти процессы целенаправленны, поскольку с какой стати (если это было бы не так) уважение одной из сторон должно было бы вызывать изменения в стиле устрашения другой стороны и почему число столкновений должно было бы падать? Кроме того, тот факт, что самцы часто вступают в конфликт безо всякой видимой причины, тогда как у самок и детенышей этого обычно не наблюдается, указывает на то, что перводвигателем тут выступает именно соперничество за такую «нематериальную» вещь, как статус. Поэтому я считаю, что шимпанзе, особенно самцы, активно стремятся к более высокому статусу.

Тяга к власти сама по себе почти наверняка является врожденным качеством. Вопрос теперь в том, как шимпанзе реализуют свои амбиции. Способ их реализации тоже может быть наследственным. Так, говорят, что у некоторых людей есть «политический инстинкт», и нет причин, по которым нельзя было бы сказать того же и о шимпанзе. Но я не уверен в том, что такой «инстинкт» отвечает за все детали их стратегий.

Для использования врожденных социальных склонностей с определенной целью необходим опыт – точно так же, как молодой птице, рожденной с крыльями, требуются месяцы практики, прежде чем она полностью овладеет искусством полета. В случае же политических стратегий опыт может играть определенную роль двояко: прямо, т. е. во время самих социальных процессов, но также косвенно – благодаря проекции старого опыта на будущие события. Первая возможность означает, что такая обезьяна, как Йерун, заметила – поддержка Никки приносит ей определенные выгоды. Здесь может быть задействован механизм условного рефлекса: определенное поведение подкрепляется его положительными результатами. Но это еще не все, поскольку первоначально результаты стратегии Йеруна были *отрицательными*. Сопrotивляясь Лёйту и пытаясь подружиться с Никки, Йерун вступал в конфликты, которые обычно проигрывал. Если Йерун продолжал этот курс, значит был внутренне уверен в том, что он на правильном пути, поскольку его выбор стал приносить очевидные позитивные результаты лишь спустя несколько месяцев. Возможно, Йеруна стимулировали незначительные эффекты (например, признаки неуверенности Лёйта) или же *предсказание* будущего развития события. Приписать животным способность выдвигать предсказания нам очень и очень трудно. Хотя ее наличие у Йеруна доказать нельзя, есть данные, подтверждающие, что шимпанзе обладают требующимися для нее психологическими задатками.

Далбир Бинда определил планирование как «выделение “траектории” подчиненных целей, которая связывает актуальное положение субъекта с дальней целью». Для этого требуется способность представлять себе будущее. Биндра заметил, что «шимпанзе, возможно, способен на планирование, охватывающее более длительный период времени, как и на отделение самого процесса планирования от исполнения плана, по крайней мере в определенной степени». Я приведу два примера такого поведения, ориентированного на будущее.

Наступил ноябрь, и дни становятся все холоднее. Однажды утром Франье собирает всю солому в своей клетке (подчиненная цель) и уносит ее с собой, чтобы сделать на улице приятное теплое гнездышко (цель). Франье делает это не в ответ на холод, а еще до того, как она

почувствует, как холодно снаружи.

Второй пример – это «прощание». В противовес «приветствиям», которые являются реакциями на встречу с кем-то знакомым, «прощания» основаны на предвосхищении расставания. Первое указание на то, что обезьяны способны предвидеть расставание, я получил на одной конференции в Германии, где Аллен Гарднер читал лекцию о языковых экспериментах с молодыми шимпанзе. Обезьян учили пользоваться языком жестов, и они общались на нем не только с людьми, но и между собой. Гарднер рассказал, что они использовали сигнал «пока-пока» перед расставанием. Позже у меня появились более явные подтверждения этому в нашей собственной колонии. Горилле приходится каждый день кормить Розье из бутылочки, и кипер в назначенное время подзывает ее, чтобы она вошла в помещение, тогда как остальная колония остается снаружи. Прежде чем зайти внутрь со своим приемным детенышем, она, однако, подходит к Йеруну и Маме, быстро притрагивается к ним или целует их. Иногда ради этого она делает изрядный крюк. Единственное объяснение такого поведения, видимо, в том, что она «прощается», поскольку может предвидеть расставание.

Важно понять, что такое поведение, ориентированное на будущее, основано на опыте. И поэтому оно сильно отличается от мер, предпринимаемых осенью теми же белками, когда они заготавливают корм на зиму, ведь этим занимаются даже те белки, которые не пережили еще ни одной зимы. Кроме того, шимпанзе способны не только смотреть в будущее и думать наперед, но еще и предвидеть несколько последующих шагов (или промежуточных целей). Доказательства этого тезиса предоставлены изящным экспериментом Юргена Доля.

Юлии, самке шимпанзе, предлагался ящик с двумя ключами, из которых она может выбрать один. Этим ключом она открывала другой ящик с ключом к следующему ящику, и так до тех пор, пока она не доходила через какое-то время до последнего ящика. Если Юлия в самом начале выбрала правильный ключ, в последнем ящике оказывалось лакомство. Но если ключ был выбран не тот, она шла по цепочке ящиков и ключей, которая приводила ее в итоге к пустому ящику. Юлию научили тому, какой ключ к какому ящику подходит, а поскольку ящики были прозрачными, она могла видеть, в каком ящике какие ключи. Ей нужно было подавить желание выбрать первый ключ наугад, поскольку, если она выбирала не тот ключ, ей не позволяли исправить ошибку, и в следующем испытании ключи и ящики распределялись совершенно иначе. Следовательно Юлия была вынуждена связывать свою конечную цель, т. е. ящик с едой, с первичным выбором ключа, а это заставляло ее думать, прежде чем выбирать. В экспериментах с перемешанными ящиками (двумя последовательностями по пять ящиков) Юлия оказалась способна на это. Она и правда могла предвидеть несколько шагов, ведущих к достижению ее цели.

Позже Доля указал на то, что в естественной среде обитания шимпанзе никогда не сталкиваются с настолько сложными проблемами. Но, как часто бывает в экспериментальной психологии, этот комментарий отражает недостаточную оценку сложности реальной жизни, адаптацией к которой являются умственные способности, измеряемые в лабораторных условиях. Биологи крайне скептически относятся к любой возможности наличия у животных избыточных способностей: с какой стати природа будет создавать и поддерживать столь затратный в энергетическом отношении инструмент, как большой мозг, если он не повышает выживаемость и шансы на воспроизводство? Конечно, шимпанзе не сталкиваются с той же технической проблемой, что была предложена Юлии, но мы не можем исключать того, что стратегический интеллект продемонстрированного ею типа играет ключевую роль в *социальной* сфере. Именно эта способность представлять себе далекую цель и взвешивать последствия определенного выбора может объяснять, почему такой самец, как Йерун образовывал союзы, которые в итоге принесли ему наилучшие результаты.

Часто бывает так, что люди выясняют цели своего поведения лишь задним числом. Например, в подростковый период мы выступаем против родителей, провоцируем их и во всем с ними спорим. Позже мы можем объяснить это поведение «желанием независимости», но следует помнить, что, когда мы вступали в этот конфликт поколений, у нас в сознании не было такого мотива. Это был безымянный и бессознательный мотив. Точно так же мы можем стремиться влиять на других и разрабатываем соответствующие тактики, но при этом можем не осознавать, что именно в этом наша цель. Мы можем даже уклоняться от мыслей и разговоров об этом. Голландский специалист по социальной психологии Маук Мулдер провел несколько экспериментов, которые показали, что мужчины получают удовлетворение от власти, которой они обладают, и что они стремятся повышать свое влияние на остальных. В то же время он указывает на то, что существует табу, окружающее само слово «власть». «Когда мы говорим о власти, мы говорим о чем-то другом...» Говоря о себе, мы предпочитаем упоминать о том, что «несем ответственность», занимаем «руководящий пост» или «помогаем другим принять решение».

Кошка, охотящаяся на птицу, может «вычислить» свой конечный прыжок. Ей нужен немалый опыт, чтобы точно предсказать реакцию птицы; и в этом есть значительная разница между котятками и взрослыми кошками. Обычно мы не считаем расчеты кошки неким сознательным процессом, и я полагаю, что наши собственные стратегии в значительной степени зависят от похожих интуитивных расчетов. Они основаны на опыте и требуют значительного интеллекта, однако они не обязаны отображаться в нашем сознании. Точно так же шимпанзе могут придерживаться рационального плана действий, используя свой интеллект и опыт, не занимаясь при этом сознательным планированием своих стратегий.

Люди – это говорящие приматы, однако в действительности их поведение не особенно отличается от поведения шимпанзе. Люди участвуют в словесных боях, демонстрациях с использованием провокационных или впечатляющих слов, высказывают протесты, прерывающие чьи-то действия, или примирительные замечания, а также осуществляют множество других языковых действий, которые шимпанзе выполняют без сопровождающего их текста. Когда люди обращаются к действиям, а не словам, сходство становится еще сильнее. Обезьяны кричат и орут, хлопают дверьми, бросаются предметами, призывают на помощь, а потом могут по-дружески притронуться друг к другу или обняться. Мы, люди, демонстрируем все эти паттерны, обычно не принимая соответствующего сознательного решения, и возможно, что наши мотивы не слишком отличны от мотивов шимпанзе.

Различия полов

Некоторые этологи не любят говорить о «симпатии» среди животных, однако неспециалисты, которым рассказывают о развитом сотрудничестве среди приматов, ничуть не стесняются этого термина. Экспериментальный психолог Ник Хамфри пишет: «Эгоизм общественных животных обычно сдерживается тем, что я, за неимением лучшего термина, назвал бы *симпатией*. Под ней я имею в виду стремление одного социального партнера отождествлять себя с другим и в определенной мере делать его цели своими собственными». Эту интуитивную интерпретацию можно доказать лишь в том случае, если у нас есть независимый критерий симпатии. Предположим, что симпатия связана с близостью и знакомством, которые могут быть измерены промежутком времени, который данные особи проводят вместе.

В случае Конго, знаменитой рисующей обезьяны, наличествовала несомненная связь между близостью и уровнем предоставляемой поддержки. Десмонд Моррис сообщает, что у Конго сложилась система дружеских приоритетов с четырьмя людьми, и эти приоритеты соответствовали тому, каков был объем общения Конго с каждым из них: «Затем мы вчетвером стали проводить эксперименты, притворяясь, будто атакуем друг друга. В каждом случае Конго защищал того, с кем он больше знаком. Весьма интересным моментом его рейтинга лояльности было то, что ему не важно, кто из двух людей был агрессором, а кто – жертвой». Вмешательства Конго осуществлялись строго в соответствии с его симпатиями.

Поступают ли шимпанзе так же по отношению друг к другу? Если говорить о колонии Арнема, то у нас достаточно материала, чтобы ответить на этот вопрос. Прежде всего, за годы было зарегистрировано примерно пять тысяч вмешательств в конфликты, поэтому нам известно, какие особи кого именно поддерживали. Нам также известно, каких партнеров каждая особь предпочитает обыскивать, с какими играть, ходить или сидеть.

Расчеты и предсказания практикует и молодежь. Моник по опыту знает, что мертвые ветки ломаются, и демонстрирует свое знание, подняв вверх левую ступню, изготавившись схватить обломок ветки

Следующий пример показывает, как мы можем сравнить два этих фактора. Ссора между Тепел и Амбер прерывается Пейст, которая атакует Амбер. Согласно нашим записям, Пейст больше контактирует с Тепел, чем с Амбер. Это означает, что она, подобно Конго, вмешалась, выступив на стороне того, кто ей более знаком. Если считать по общему числу вмешательств всех особей группы, это происходит в 65 % случаев. Если бы знакомство не было определяющим фактором, этот показатель составлял бы примерно 50 %. А этим подтверждается значимость личных предпочтений.

На первый взгляд, этот результат довольно тривиален – разве кто-то ждал чего-то другого? Но удивляться начинаешь, когда смотришь на каждую особь в отдельности. Из двадцати трех

особей двадцать одна набирает более 50 %, и только две – меньше. Исключениями оказываются Йерун и Лейт. Значительная разница между ними и всеми остальными не может быть просто случайностью; количество зафиксированных вмешательств достаточно велико, чтобы результат был надежным. А это означает, что два самых старых самца не позволяют своим личным предпочтениям влиять на их вмешательства. Моя интерпретация состоит в том, что Йерун и Лейт предельно четко понимают политические последствия своих действий. Их вмешательства соответствуют политике, направленной на увеличение власти. Гибкость, с которой они создают и разрывают коалиции, создает впечатление, что они способны пересмотреть свой политический курс, принимая рациональные решения и не гнушаясь оппортунизма. В этой политике нет места для симпатий и антипатий.

Эта интерпретация подтверждается тем, что, как выяснилось, Йерун и Лейт демонстрировали наименьший показатель в периоды нестабильного лидерства, тогда как в стабильные периоды они набирали более 50 %. И Никки тоже прошел через этап, когда его вмешательства не соответствовали его дружеским связям, – как раз тогда, когда его ранг стал выше, чем у самок и Йеруна. Можно сделать вывод, что сотрудничество не всегда основано на симпатии, особенно в те периоды, когда среди взрослых самцов идет активная конкуренция за статус. Напротив, самки и детеныши обычно совершают вмешательства, определяемые симпатиями: как группа в целом они набирают около 75 %. В основном в конфликты они вмешиваются, чтобы помочь родным или добрым знакомым, т. е. скорее реагируют на события в группе, а не используют вмешательство в качестве средства достижения доминирования. Контраст полов невозможно отрицать. Если попытаться выразить его в наиболее простых словах, один пол склонен защищать на основе личных привязанностей, тогда как другой склонен к стратегии и ориентирован на статус. Знакомая картина? Может быть, я попал под власть собственных предрассудков или же здесь мы снова замечаем удивительное сходство между шимпанзе и людьми?

Различия полов, если речь о людях, раньше были весьма дискуссионным вопросом. Споры вращались вокруг противопоставления врожденных факторов развития и среды, причем многие феминисты и социологи подчеркивали последнюю и преуменьшали первые. Многим биологам такая дихотомия не нравилась: мы считаем, что все, что делают люди, определяется сочетанием различных факторов. В настоящее время общественное мнение тоже постепенно приходит к этой точке зрения. Мужчины и женщины различаются генетически, анатомически, на уровне гормонов, неврологии и поведения, т. е. просто нет смысла отделять поведенческие отличия от всех остальных.

Если так, тогда ясно и то, что они не обязательно вытекают из генетических программ, которые «диктуют» поведение каждому из полов. Подобные инстинктивистские объяснения не позволяют даже приблизиться к изучению наблюдаемых различий личностей, как и очевидного влияния социальной среды.

На обеих фотографиях изображено производство орудий, их использование и сотрудничество, необходимое для получения свежих листьев с деревьев, которые защищены сеткой под электрическим напряжением. Сверху: Никки пытается раздвинуть два конца раздваивающейся ветви

На с. 234: забравшись высоко на мертвый дуб, Никки пытается обломать ветки

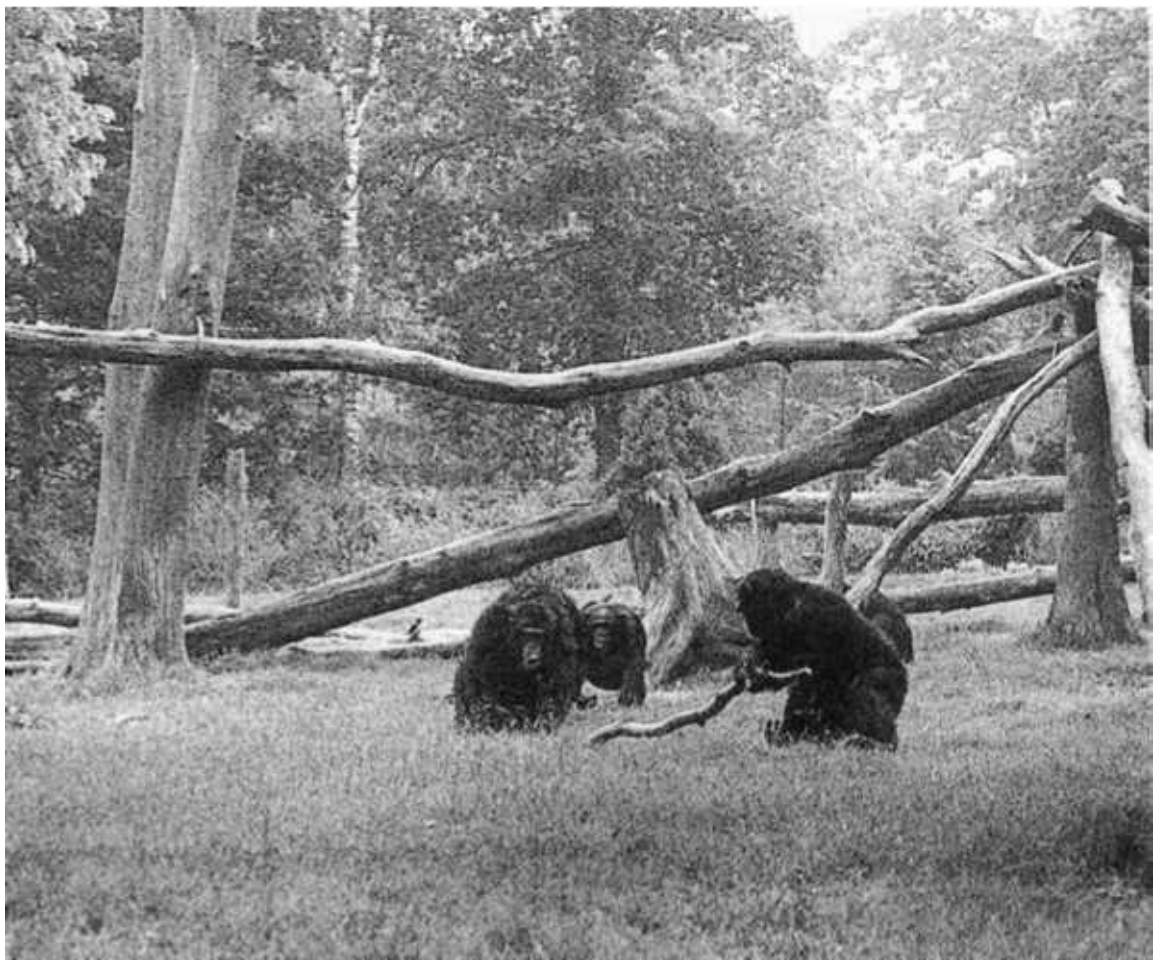
По прошествии какого-то времени я изменил свое мнение о различии полов у шимпанзе: раньше я объяснял их как врожденные поведенческие склонности, а теперь считаю, что они отражают различные социальные цели самцов и самок. Если разные полы пытаются получить от жизни разное, мы, очевидно, будем наблюдать разное поведение: путь к цели X требует поведенческой стратегии, отличной от пути к цели Y. Эти стратегии не обязательно генетически запрограммированы; они могут развиваться благодаря опыту и обучению.

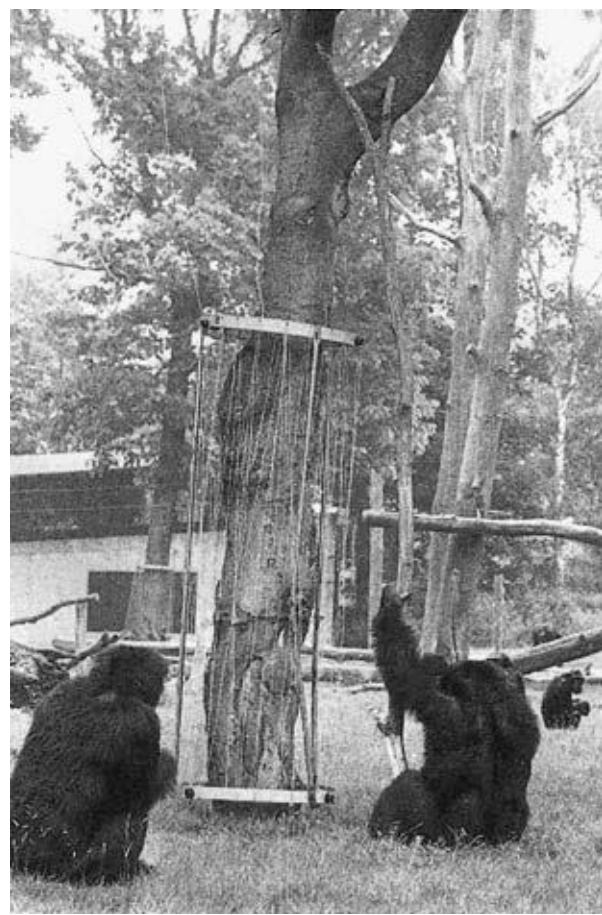

Одна из веток падает с дерева и ломается надвое. Лёйт держит одну из частей, которая слишком коротка для поставленной цели, тогда как Никки, который все еще на дереве, отламывает и спускает вниз другую ветку

На с. 237: Лёйт берет длинную ветку у Никки (сверху) и переносит ее к защищенным деревьям, а все остальные с уханьем идут за ним.

Лёйт упирает ветку в дерево (снизу слева), поставив раздвоенный конец в землю. Никки поднимает раздвоенный конец вверх для большей устойчивости (снизу справа)

Никки крепко держит ветку, а Лёйт взбирается по ней на дерево

Самки шимпанзе пытаются избегать конкуренции. Распределение корма в дикой природе заставляет их разбредаться по лесу, чтобы собрать достаточно еды. Также они заинтересованы в создании безопасной среды для выращивания своего потомства, что может объяснять их

миротворческую позицию в среде вроде зоопарка Арнема, где они вынуждены жить вместе с взрослыми самцами. Этим же объясняется то, что они поддерживают взрослых и состоявшихся вожаков, а не молодых выскочек вроде Никки. Им выгодна социальная стабильность. Тогда как самцам стабильность нравится, только когда они на вершине. Самцы приобрели тенденцию к созданию сплоченной, иерархически организованной группы, внутри которой можно стремиться к господству над другими. Самцы в дикой природе зависят друг от друга; сотрудничество оказывается вопросом жизни и смерти во время территориальных стычек с соседями. Воспроизводству самца служит максимизация числа доступных самок, которое зависит от размера территории сообщества, и численности зачатого им потомства, которая зависит от его социального ранга в данной системе.

Что нам известно о половых различиях в человеческом коалиционном поведении? Два специалиста по социальной психологии, Джон Бонд и Эдгар Винэйк, создавали группы из трех человек – двух мужчин и одной женщины или трех женщин и одного мужчины, принимавших участие в состязательной игре, в которой формирование коалиций увеличивало шансы выигрыша. После 360 таких игр они пришли к выводу, что мужчины проявляют больше инициатив при формировании союзов, особенно когда это может принести положительный результат, тогда как женщины считают более важной атмосферу, в которой проходит игра. Женщины поддерживают более слабых игроков и объединяют силы против мужского стремления к конкурентности. Женская стратегия приносит близкие результаты, но настолько отличается, что психологи называют женские коалиции *аккомодационными*, в противоположность *эксплуатирующим* коалициям мужчин. Было проведено очень много таких исследований, и все они подводят к одним и тем же выводам: мужчины стремятся выиграть, а потому озабочены стратегическими соображениями, тогда как женщины больше интересуются личными контактами и в основном образуют коалиции с теми людьми, которые им нравятся.

Эксплуатирующие коалиции и связанный с ними оппортунизм проще всего увидеть в политике. Антропологические и политологические исследования показывают, что женщинам интереснее местные, а не далекие политические вопросы, тогда как мужчины предпочитают заниматься «большой» политикой и стремятся к центру власти. Поскольку это различие полов универсально, Дж. Дерден, сделавший обзор литературы по этой теме, подчеркивает биологические, а не социально-культурные факторы. Но различия полов всегда имеют статистический характер. Всем нам известны исключения из правил в политике людей, но такие же вполне отчетливые исключения обнаруживаются и в мире шимпанзе. Самцы, которые понимают, что у них есть шанс добиться успеха за счет сотрудничества с хорошо знакомыми им партнерами, обязательно пойдут на это. Примером выступает коалиция братьев Фабена и Фигана в Гомбе. И наоборот, самки не всегда настолько равнодушны к власти, как мы говорили. Мама не была готова отказаться от своей верховной позиции безо всякого сопротивления, а в захватах власти, переходящей от одного самца к другому, особенно во время первого переворота, самки играли весьма активную роль.

То, что в нашей колонии постоянно вместе живет большое число самок, наделяет их большим политическим влиянием, чем в диких сообществах шимпанзе. Если среда настолько важна для определения роли полов, насколько же важна биологическая составляющая? Социолог Хьюго ден Хартог однажды ответил на мой вопрос следующим «минимальным предложением»: вершина доступна для индивидов с высоким рангом, а потому у них есть мотив осуществлять агрессивные стратегии и проводить устрашения; напротив, у нижних эшелонов нет такого стимула, и на подавление они реагируют стабильной, лояльной и дружественной кооперацией. Самцы шимпанзе составляют первую категорию благодаря своей грубой силе, и действуют они соответственно. Иными словами, генетическое влияние ограничено различием в

физической силе, которое, создавая зазор в иерархии, имеет огромное значение для дифференциации ролей.

Эта гипотеза весьма привлекательна. Единственный ее недостаток в том, что она не объясняет половые различия в коалиционном поведении людей, которые столь схожи с различиями у шимпанзе (если только различия в размере и силе между мужчинами и женщинами не играют более важную роль в нашем обществе, чем мы привыкли думать). Так или иначе, хотя поведение никогда не передается целиком по наследству, генетическое влияние, возможно, больше, чем предполагалось ранее. Чтобы разделить два этих фактора, требуется эксперимент с двумя группами – чисто женской и чисто мужской. Самки, находящиеся на вершине иерархии в первой группе, будут в той же ситуации, в которой самцы развивают свои эксплуатирующие стратегии. Станут ли в такой ситуации самки оппортунистами? Вместе с тем мы смогли бы увидеть, усвоят ли самцы с низким рангом во второй группе ту установку на защиту и верность, которой отличаются самки, занимающие похожие позиции. Не проведя такого эксперимента, я не решусь предсказывать результат.

Дележ

Недавно мы выбросили большую кучу листьев дуба из окна на смотровой площадке. Увидев, что Йерун бежит к ней на полной скорости, делая при этом угрожающие жесты, ни одна из других обезьян не осмелилась приблизиться к листьям. Йерун собрал всю охапку, однако через десять минут каждый член группы от мала до велика получил свою долю трофея. Взрослому самцу не важно, сколько у него имущества. Значение имеет тот, кто распределяет в группе разные вещи. (Однако это относится лишь к случайной, дополнительной еде. Основная пища и голод могут провоцировать самцов шимпанзе на яростные стычки, как показала колония Холломэна.) В то же время самки обычно делятся в основном со своими детенышами и лучшими друзьями и ссорятся с остальными членами группы. В нашей колонии крайне редко можно увидеть, чтобы еду отнимали силой; делиться обезьяны учатся еще в юном возрасте. Пример: Ор нашла ветку с листьями, и Фонс с визгом тянет ее к себе, но ничего не получает. Лучшая подруга Ор Амбер приближается к поссорившейся паре, берет ветку из рук Ор, отламывает кусок Фонсу, еще меньший кусок – себе, а самую большую часть возвращает Ор.

Известно, что шимпанзе в диких условиях делятся мясом после охоты. Взрослые самцы загоняют жертву, демонстрируя порой высочайший уровень кооперации, после чего другие члены группы приходят попросить своей доли. Согласованные действия и дележ добычи являются обычным делом и в жизни колонии Арнема, которая «охотится» за запрещенной листвой. Самцы используют длинные ветки, чтобы забираться на живые деревья, защищенные электрическим ограждением. Сначала использовали ветки, которые валялись на земле, однако потом ветви стали специально отламывать от мертвых дубов. Спустить две тяжелые раздвоенные ветви с высоты около 20 метров – весьма рискованная задача. Загвоздка в том, что надо крепко держаться за безопасную часть, когда ломаешь ветвь, но не выпустить из рук ту часть, которая полностью отвалилась. Если допущена ошибка, тогда либо отломанная ветвь с грохотом упадет вниз, развалившись на куски, либо сама обезьяна свалится. К счастью, ни одна из обезьян пока не падала, хотя им явно сложно предсказывать, за какую часть раздвоенной ветви можно надежно держаться. Иногда их пугает звук ломающейся под ними ветви, и тогда они с криками быстро спускаются с дерева.

Если все идет по плану, самец спускает ветвь на землю и устанавливает ее в качестве «лестницы», обычно в тесном сотрудничестве с другими самцами, а иногда и самками. Обезьяна на дереве отламывает больше веток, чем нужно ей, и они падают вниз, в группу ждущих

сородичей. Иногда дележка оказывается избирательной. Однажды, когда Дэнди держал ветвь, чтобы Никки мог забраться на дерево, он потом получил половину собранных Никки листьев. Это было похоже на прямую оплату оказанных услуг.

Иногда можно подумать, что самцы приглашают друг друга к совместной работе над определенной задачей, чтобы снизить уровень взаимных напряжений и фрустраций. Например, Лейт забирался на мертвые дубы, чтобы наломать веток и начать совместные действия, особенно в те времена, когда Никки запрещал ему как-либо контактировать с Йеруном. Такое «сотрудничество ради разрядки» может возникать и из оппортунистических целей. Например, однажды Никки долго демонстрировал себя перед Йеруном и Лейтом, которые сидели вместе, и в момент одного из своих размашистых прыжков случайно отломал ветку. Соперничество тут же было забыто. Три самца обнялись, а затем потащили отломанную ветвь к живым деревьям.

Когда обезьяна протягивает ветку другому члену группы, некоторым людям это может показаться более убедительным доказательством целенаправленной помощи, чем формирование коалиций. То же самое относится и к дележу листьев и мяса. Именно эти акты мы готовы рассматривать в качестве проявления щедрости, а не послабление сексуальных привилегий или предложение защиты. Но все же обе формы дарения связаны друг с другом. Самцы шимпанзе чрезвычайно щедры, когда вопрос касается материальных вещей; они даже позволяют некоторым самкам забирать у них разные предметы. Однако они демонстрируют эту характеристику и в социальном поведении (за исключением, конечно, случаев с соперниками). Их власть покоится на дарении. Они предоставляют защиту каждому, кто в опасности, а в обмен получают уважение и поддержку.

У людей границу между материальной и социальной щедростью также провести весьма сложно. Наблюдения за детьми, проведенные психологами Харви Гинсбургом и Ширли Миллер, показали, что наиболее доминирующие дети не только вмешиваются в ссоры на игровой площадке, защищая тех, кто проигрывает, но и в большей степени проявляют желание делиться с одноклассниками. Исследователи указывают на то, что такое поведение помогает ребенку завоевать высокий статус среди сверстников. Точно так же из антропологических исследований бесписьменных племен нам известно, что вождь играет экономическую роль, сравнимую с контролирующей ролью: он дает и получает. Он богат, но он не эксплуатирует своих людей, поскольку он устраивает роскошные пиры и помогает нуждающимся. Дары и продукты, получаемые им, возвращаются в сообщество. Вождь, который попытался бы оставить все себе, подверг бы опасности свое положение. «Noblesse oblige» или, как сказал Салинс, «человек, чтобы его уважали, должен быть щедрым». Эта универсальная человеческая система – собирание и распределение благ вождем или его современным эквивалентом, правительством, – совпадает с той, что используют шимпанзе; все, что нам нужно сделать, – заменить «блага» «поддержкой и другими социальными услугами».

Поэтому есть все основания предполагать, что у наших праотцов была централизованная социальная организация задолго до того, как материальный обмен начал играть какую-либо роль. Первая система, возможно, послужила наброском сегодняшней.

Взаимность

Влияние недавнего прошлого всегда переоценивается. Когда нас просят назвать величайшие человеческие изобретения, мы обычно вспоминаем про телефон, электрическую лампочку и кремниевый чип, а не про колесо, плуг или укрощение огня. Точно так же и корни современного общества ищут в возникновении сельского хозяйства, торговли и промышленности, тогда как на самом деле наша социальная история в тысячу раз древнее этих феноменов. Указывалось на то,

что дележ пищи был сильным стимулом для дальнейшей эволюции нашего стремления к взаимным отношениям. Но разве не логичнее предположить, что взаимность в социальных отношениях существовала задолго до этого и что такие формы материального обмена, как дележ еды, возникают как раз из этого феномена?

Признаки взаимности обнаруживаются и в нематериальных аспектах поведения шимпанзе. Например, это видно по коалициям (А поддерживает В, и наоборот); союзам невмешательства (А сохраняет нейтралитет, если В делает то же самое); сексуальным сделкам (А терпит спаривание В после того, как В обыскал А) и шантажу примирением (А отказывается иметь дело с В, если только В не «приветствует» А). Интересно, что взаимность осуществляется как в негативном, так и позитивном смысле. Привычку Никки индивидуально наказывать самок, которые недавно, объединившись, выступали против него, мы уже описывали. Таким образом он расплачивался за негативное действие другим негативным действием. Мы регулярно наблюдаем, как этот механизм действует, прежде чем группа разделится, чтобы отправиться спать. Это время, когда устраняются разногласия, независимо от того, когда именно они появились. Например, однажды утром разгорается конфликт между Мамой и Ор. Ор устремляется к Никки и дикими жестами и преувеличенно громкими криками убеждает его атаковать могущественную противницу. Никки набрасывается на Маму, и Ор выигрывает. Но вечером, через целых шесть часов, мы слышим звуки схватки в спальном помещении. Кипер позже рассказывает нам, что Мама атаковала Ор по вполне очевидным причинам. Нет нужды говорить, что Никки поблизости не было.

Негативное поведение почти не попадает в поле зрения теорий взаимности, разработанных антропологами и социобиологами. Достаточным доказательством могут быть названия наиболее известных публикаций по этой теме. В 1902 г. Петр Кропоткин написал «Взаимопомощь как фактор революции», в 1924 г. Марсель Мосс написал «Дар», а в 1971 г. Робер Триверс – «Эволюцию взаимного альтруизма». Несмотря на то что акцент ставился на позитивных обменах, в теории были проделаны значительные шаги. Некоторые антропологи отрицают биологические корни человеческой кооперации и солидарности, однако больше уже нельзя сопротивляться объединению культурных и генетических объяснений.

Другое влиятельное направление в науке – это социальная психология. Со времен публикации в 1959 г. работы Дж. Тибо и Г. Келли «Социальная психология групп», в которой утверждалось, что «каждый индивид добровольно вступает в то или иное отношение и остается в нем только до тех пор, пока оно является достаточно удовлетворительным в плане издержек и выгод», взаимодействия людей рассматривались как своеобразный торг выгодным и невыгодным поведением. Здесь взаимность тоже является важной темой, не только в позитивной, но и в негативной форме.

Короче говоря, ученые всех направлений и школ захвачены структурами «дать-взять», а это наверняка должно означать то, что подобный механизм дарения и получения является фундаментальным. Независимо от того, о чем речь – о возвращении услуги или же о попытке отомстить, – принцип остается одним и тем же, и это принцип обмена. Он требует, чтобы социальные взаимодействия запоминались. Большую часть времени этот процесс может осуществляться в подсознании, но все мы по опыту знаем, что все выходит наружу, когда разница между издержками и выгодами становится слишком большой. И тогда мы даем слово нашим чувствам. Но в основном взаимность – это то, что осуществляется в тишине и по умолчанию.

Принцип обмена позволяет активно учить кого-либо чему-либо: хорошее поведение вознаграждается, а плохое наказывается. Развитие отношений между Мамой и Никки показывает, насколько сложными могут быть подобные процессы влияния. Их отношения

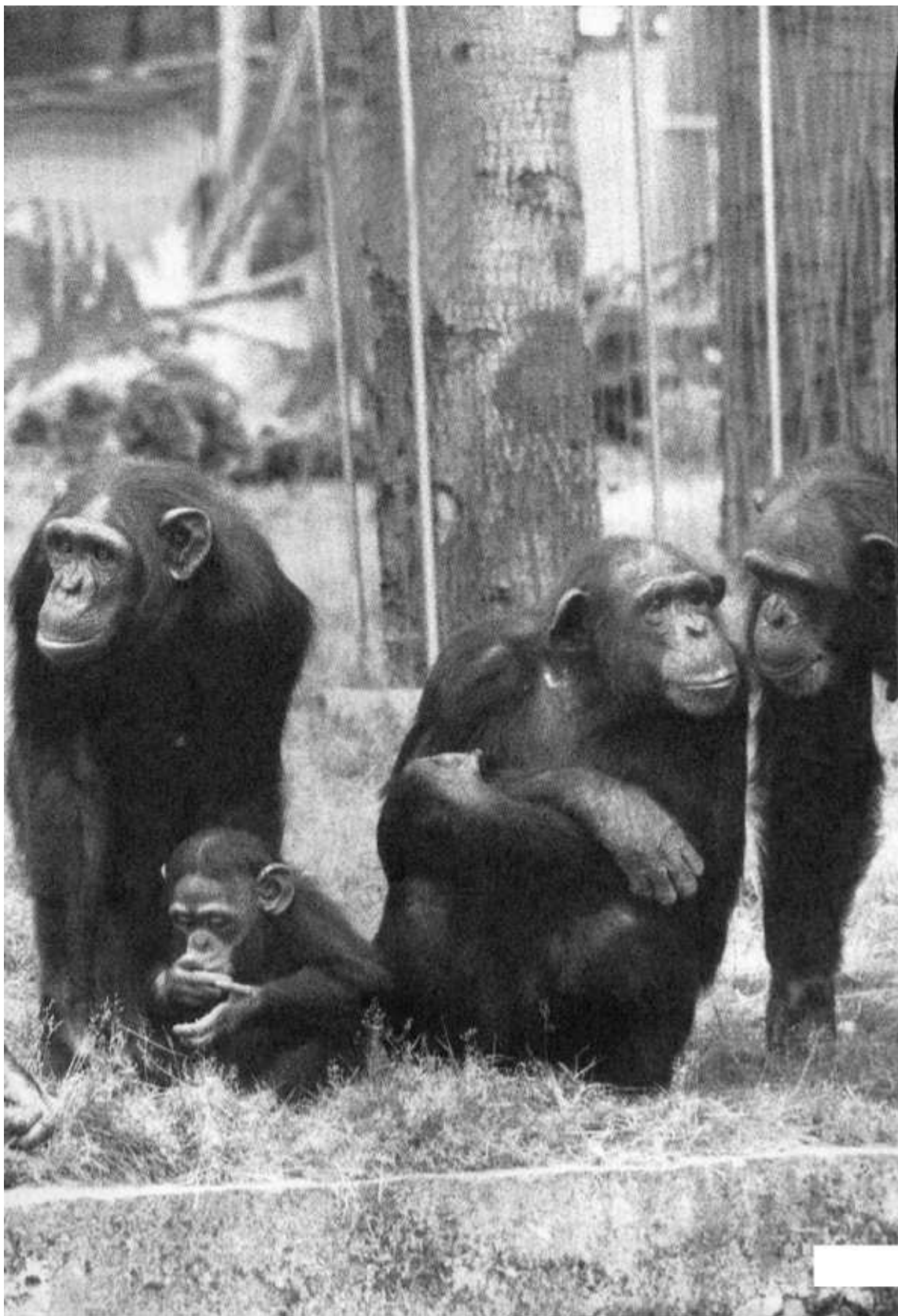
амбивалентны. Есть многочисленные свидетельства того, что оба они крайне привязаны друг к другу. Например, когда Мама вернулась в группу после месячной отлучки, она целыми часами обыскивала Никки, а не Гориллу, Джимми, Йеруна или каких-то других особей, с которыми она обычно проводила время. А из всех детенышей колонии именно Моник, дочь Мама, стала любимицей Никки. Но в определенный период в их отношениях преобладала именно враждебность. Это было в начале эпохи лидерства Никки. Йерун тогда мобилизовал взрослых самок против молодого вожака, а Мама была самым важным его союзником. После завершения подобных инцидентов, когда Никки мирился с Йеруном, он обычно приходил к Маме, чтобы наказать ее за ту роль, которую она играла. На это могло уходить очень много времени, поскольку Мама обычно в ответ наказывала Никки, отвергая его повторные попытки помириться. Например, Никки хлопает Маму, но позже приходит обратно и садится рядом с ней, «смиренно» дергая травинки. Мама делает вид, что не заметила его, встает и уходит. Никки ждет какое-то время, потом начинает все с начала, вздыбив шесть. Это явно была фаза негативной взаимности.

Когда сопротивление Йеруна Никки уменьшилось, Мама стала более благожелательной к Никки. Она продолжала поддерживать Йеруна, однако когда Никки позже мирился с ней, она больше не занималась «аффективной мстью», и их конфликты были краткими. Еще позже – этот процесс занял годы – Мама устраняла свои разногласия с Никки еще *до того*, как завершался его конфликт с Йеруном. В какой-то момент две старшие обезьяны гонятся за Никки; в следующий – Мама с любовью обнимает его. Затем конфликт продолжался между двумя самцами, но Мама уже отказывалась принимать в нем участие.

Со временем ситуация стала еще более странной. Никки стал целовать Маму до своей демонстрации против Йеруна или даже во время нее. Это поведение постепенно развивалось из их примирений, пока не стало осуществляться без всякого предшествующего конфликта. Его можно было считать знаком нейтралитета Мама. Никки и Мама демонстрировали теперь позитивную взаимность.

Я провел статистическое исследование двустороннего характера коалиций, сравнивая, как каждая особь вмешивается в конфликты других. В периоды стабильности такие вмешательства симметричны – как в позитивном смысле (две особи поддерживают друг друга), так и в негативном (две особи поддерживают противников друг друга). Но если мы хотим получить полное представление о взаимности, нам надо проанализировать многие другие виды поведения. Вмешательства не обязательно уравниваются другими вмешательствами. За регулярную поддержку можно заплатить большей терпимостью к поддерживающей особи или грумингом. Возможно, мы со временем сможем провести подобный анализ в Арнеме. Но пока же я хотел бы резюмировать свои выводы следующим: групповая жизнь шимпанзе похожа на рынок власти, секса, любви, поддержки, нетерпимости и враждебности. Два его основных правила: «услуга за услугу» и «око за око, зуб за зуб»^[16].

Эти правила не всегда соблюдаются, причем откровенное пренебрежение ими может наказываться. Это случилось однажды после того, как Пейст поддержала Лейта в драке с Никки. Когда Никки позже стал демонстрировать себя перед Пейст, она повернулась к Лейту и протянула ему руку, прося тем самым помощи. Но Лейт ничего не сделал, чтобы защитить ее от атаки Никки. Пейст тут же с яростным лаем набросилась на Лейта, погнала его по всему вольеру и даже ударила. Если ее гнев и в самом деле был следствием того, что Лейт не помог ей после того, как она ему помогла, это может указывать на то, что взаимность у шимпанзе руководствуется тем же чувством моральной правоты и справедливости, что и у людей.

Амбер, Тарзан, Тепел, Горилла (слева направо)

Заключение

Не все результаты этого исследования применимы к любым шимпанзе, поскольку правила, управляющие социальной жизнью, отчасти зависят от условий обитания и истории группы. В каждом сообществе развиваются свои собственные социальные условия. С другой стороны, такие вариации всегда вращаются вокруг определенных фундаментальных тем, которые

характерны для вида. Темы нашей колонии не отличаются от тем других групп шимпанзе. Причина, по которой в проекте Арнема удалось открыть сложные моменты, не известные по исследованиям в естественной среде обитания, всего лишь в том, что мы смогли изучить жизнь этих обезьян намного более детально.

Формализация

Ранги формализованы. Когда они становятся неопределенными, начинается борьба за доминирование, после которой победитель отказывается примиряться, пока его новый статус не будет формально признан.

Влияние

Влияние особи на процессы в группе не всегда соответствует ее рангу. Оно зависит еще и от личных качеств, возраста, опыта и связей. Наиболее влиятельными членами группы я считаю самого старого самца и самую старую самку.

Коалиция

Вмешательства в конфликты осуществляются либо для того, чтобы помочь друзьям и родственникам, либо для создания мощных коалиций. Второй, оппортунистический, тип вмешательств особенно часто наблюдается при формировании коалиций взрослых самцов и сопровождается тактиками изоляции. Есть данные, подтверждающие наличие похожего полового различия и у людей.

Баланс

Несмотря на соперничество, самцы формируют крепкие социальные связи друг с другом. Обычно они создают сбалансированную социальную систему, основанную на их коалициях, индивидуальных бойцовских качествах и поддержке со стороны самок.

Измученные жаждой шимпанзе ловят капли дождя, стекающие с крыши. Слева – Джимми, справа – Тепел

Стабильность

Отношения между самками менее иерархичны и гораздо более стабильны, чем среди самцов. Потребность в стабильности отражается в отношении самок к конкуренции самцов за статус. Они даже выступают посредниками между самцами.

Обмен

Экономическую систему людей с ее взаимными транзакциями и централизацией можно распознать и в групповой жизни шимпанзе. Они больше обмениваются социальными услугами, чем дарами или предметами, а их поддержка направлена на центральную особь, которая использует основанный на этой поддержке престиж для обеспечения социальной безопасности. Это ее ответственность – в том смысле, что она может подорвать свое собственное положение, если не сможет перераспределять получаемую поддержку.

Манипуляция

Шимпанзе – умные манипуляторы. Их способности достаточно ясны по использованию орудий, но еще более выражены в использовании других как социальных инструментов.

Рациональные стратегии

Возможно, что шимпанзе заранее планируют свои стратегии доминирования. Хотя доказать это не удастся, экспериментальные исследования указывают на то, что мы должны учитывать такую возможность.

Привилегии

Как правило, самцы с высоким рангом совокупляются чаще своих подчиненных. Это позволяет понять эволюцию мужских амбиций, поскольку успех в спаривании переводится в репродуктивный успех.

С моей точки зрения, наиболее примечательный результат – это то, что у шимпанзе, судя по всему, есть два уровня социальной организации. Первый уровень, который мы видим, – это четкий порядок рангов, существующий по крайней мере среди главных доминирующих особей. Хотя приматологи тратят уйму сил на обсуждение значения «понятие доминирования», всем им известно, что невозможно игнорировать эту иерархическую структуру. Спор идет не о ее существовании, а о том, в какой мере знание ранговых отношений помогает понять социальные процессы. Я думаю, что, пока мы будем ограничиваться формальной иерархией, объяснения будут оставаться довольно бедными. Мы должны рассмотреть ее подуровень, т. е. второй уровень – сеть позиций влияния. Эти позиции определить намного сложнее, и я считаю свои описания, в которых используются термины «влияние» и «власть», лишь первым и весьма несовершенным приближением. Я заметил, что особи, утрачивающие высокий ранг, несомненно, не предаются забвению – они сохраняют возможность дергать за ниточки. Точно так же особь, повышающая свой ранг и представляющаяся на первый взгляд главным начальником, необязательно способна сказать последнее и решающее слово по любому вопросу. Эту двойственность социальной организации сложно объяснить, не применяя человеческие термины, именно потому, что и в нашем обществе существует система таких же кулуарных влияний.

Когда Аристотель назвал человека *политическим животным*, он, возможно, не догадывался, насколько близко подошел к истине. Наша политическая деятельность представляется частью эволюционного наследия, которое мы разделяем с нашими ближайшими родственниками. Если бы кто-то сказал мне это до того, как я начал работать в Арнеме, я отверг бы эту идею, посчитав ее слишком узкой аналогией. Но работа в Арнеме научила меня тому, что корни политики старше самого человечества. И неверно было бы обвинять меня в том, что я сознательно или бессознательно переношу человеческие схемы на поведение шимпанзе. Скорее уж верно обратное: мои знания поведения шимпанзе и опыт общения с ними заставили меня взглянуть на людей с другой точки зрения.

Если политику определить широко – как социальную манипуляцию, нацеленную на достижение и поддержание влиятельных позиций, – тогда каждый из нас участвует в политике. За пределами центральных и местных правительств мы сталкиваемся с этим феноменом в семье, школе, на работе и при встречах. Каждый день мы провоцируем конфликты или выступаем стороной в конфликтах других. У нас есть одновременно сторонники и соперники, и мы специально культивируем полезные связи. Но эти повседневные политические делишки не всегда признаются таковыми, поскольку люди – непревзойденные мастера скрывать свои истинные намерения. Например, политики любят порассуждать о своих идеалах и обещаниях, но при этом не желают раскрывать то, что лично стремятся к власти. Это не то чтобы упрек, поскольку в конечном счете все играют в одну и ту же игру. Я могу сказать даже больше: все мы обычно не осознаем то, что играем в эту игру, и не только скрываем свои мотивы от других, но и сами недооцениваем огромное влияние, которое они оказывают на наше собственное поведение. Тогда как шимпанзе гораздо более откровенны в своих «низких» мотивах. Их интерес к власти не больше, чем у людей; он просто более очевиден.

Почти пять веков назад Макиавелли описал политические манипуляции итальянских князей, пап и таких влиятельных семейств, как Медичи и Борджиа, в совершенно недвусмысленном свете. К сожалению, его блестящий реалистический анализ часто принимали за моральное оправдание таких практик. Одна из причин в том, что соперничество и конфликты он представлял в качестве конструктивного, а не негативного элемента. Макиавелли стал первым человеком, который отказался принижать или прикрывать властные мотивы. Это преступление

против существовавшей коллективной лжи было принято без особого воодушевления. Его посчитали оскорблением, нанесенным человечеству.

Сравнение людей с шимпанзе тоже можно принять за оскорбление, а может, и за нечто похуже, поскольку человеческие мотивы в результате вроде бы становятся скотскими. И все же у шимпанзе властная политика не может быть однозначно «плохой» или «грязной». Она наделяет жизнь сообщества Арнема логической упорядоченностью и даже демократической структурой. Все партии стремятся приобрести социальное значение и продолжают свои действия, пока не будет достигнут временный баланс. Он определяет новые иерархические позиции. Изменчивые отношения достигают точки, в которой они «замораживаются» в более или менее фиксированной системе рангов. Когда мы видим, как эта формализация осуществляется во время примирений, мы понимаем, что иерархия – это *связующий* фактор, который ограничивает конкуренцию и конфликты. Уход за детенышами, игра, секс и сотрудничество – все это зависит от итоговой стабильности. Однако под поверхностью всегда продолжается брожение. Баланс сил испытывается день изо дня, и если он оказывается слишком слабым, ему сразу же бросают вызов, после чего устанавливается новый баланс. Соответственно, политика шимпанзе тоже конструктивна. Люди могут считать за честь, что их отнесли к политическим животным.

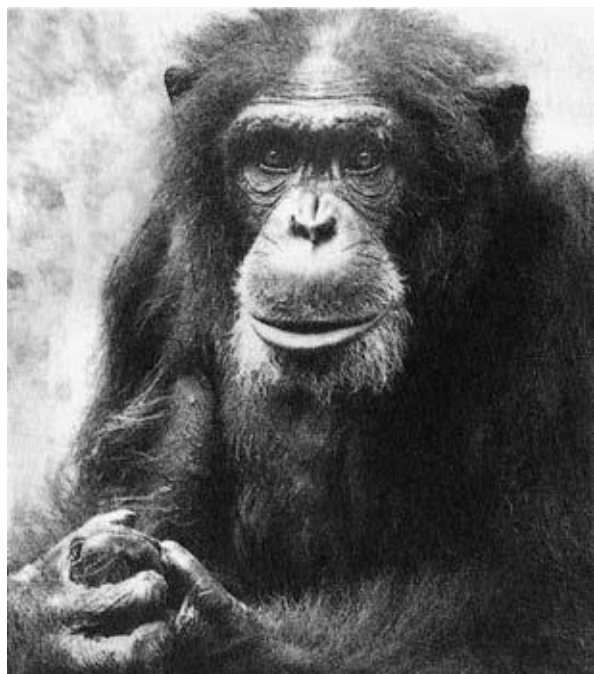
Рекорд зоопарка Арнема по рождаемости не побит до сих пор, и колония шимпанзе процветает, несмотря на смерти и отъезд некоторых особей. Здесь редкое зрелище – Тепел с новорожденным

Эпилог

Мой рассказ заканчивается 1979-м г., однако этологические наблюдения в Арнеме продолжались и позже, да и сами шимпанзе, конечно, не переставали заниматься своей политикой. Наиболее драматическое событие произошло в 1980 г., когда я еще был там, однако я решил не описывать его в первом издании «Политики у шимпанзе», чтобы не заканчивать книгу на мрачной ноте. Кроме того, в те времена у меня еще не было эмоциональной готовности проанализировать это шокирующее происшествие. Я оставил историю для второй моей книги, в которой она выступила напоминанием о том, как остро шимпанзе нуждаются в примирении.

Летом 1980 г. возросшая нетерпимость со стороны Никки, альфа-самца, привела к внезапному разрыву с Йеруном. Никки теперь вообще не позволял Йеруну совокупляться с самками в течке. После нескольких серьезных стычек между ними Йерун перестал поддерживать вожака. За одну ночь образовавшийся вакуум власти был заполнен Лёйтом. Никки снова каждый день валялся перед ним в пыли, так что Лёйт, став альфа-самцом, вернулся к своему прежнему величию. Это событие показало, насколько для Никки, чтобы оставаться на вершине, была важна поддержка Йеруна, как и то, как внимательно старый самец следил за своей частью сделки.

Лёйт пробыл альфа-самцом лишь десять недель. Союз Йеруна и Никки вернулся кровавой мезьей, которую два союзника осуществили однажды ночью, серьезно ранив Лёйта. Два агрессора не только откусили ему пальцы на руках и ногах, нанеся глубокие раны по всему телу, но и оторвали Лёйту яички, которые были найдены потом на полу клетки^[17]. Лёйт умер на операционном столе из-за потери крови в драке, произошедшей в ночной клетке, где находились лишь три старших самца.

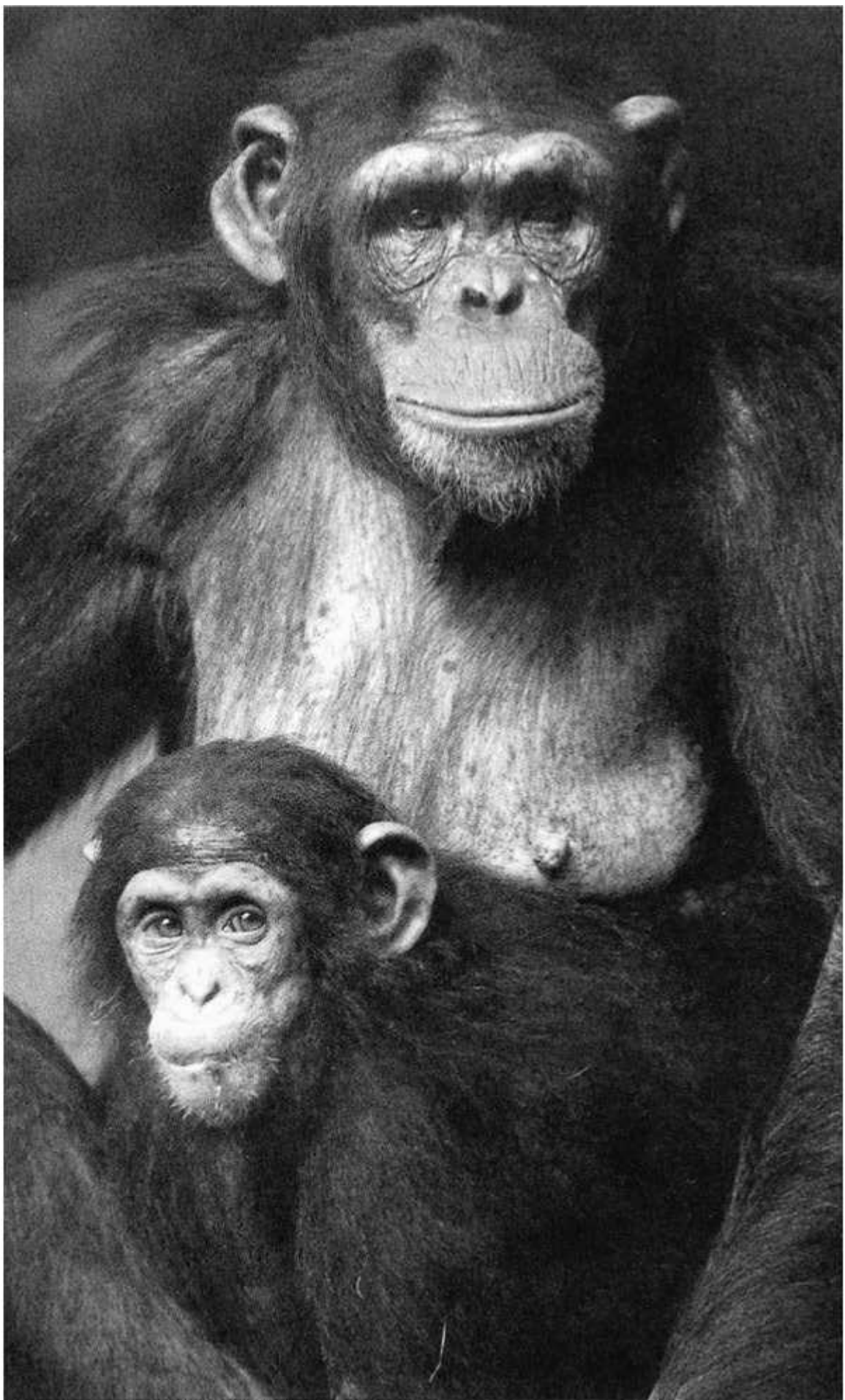

Сегодня колония Арнема такая же оживленная и многообразная, как и раньше. И в новых лицах несложно узнать некоторых старых героев. Например, мы видим Лёйта в Фонсе (слева) и Кром в Розье (справа). Сабра (на с. 257), дочь Спин, похожа на своего биологического брата Ваутера. Сабру воспитывала Джимми после смерти Спин в 1988 г. Сегодня у нее есть собственный детеныш – член быстро растущего третьего поколения обезьян

Судя по серьезнейшим травмам жертвы и относительно немногим ранам двух других самцов, мы должны предположить весьма высокий уровень координации действий Никки и Йеруна. На следующий день произошло следующее:

Мы выпустили Никки и Йеруна в группу. Пёйст сразу же осуществила необычайно жестокую атаку на Никки. Она была настолько агрессивной, что Никки убежал на дерево. Пёйст в одиночку продержала его там не менее десяти минут, крича и набрасываясь на него каждый раз, когда он пытался спуститься. Пёйст всегда была главным союзником Лёйта из числа самок. Должно быть, она следила за дракой из своей клетки, откуда ей был виден загон самцов. Позже в тот же день группа проявляла активный интерес к двум самцам, обыскивая и осматривая их. С этого дня Дэнди стал играть гораздо более значительную роль, чем раньше. Он постоянно пытался вступить в контакт с Йеруном, сопротивляясь предпринимаемым Никки попыткам разделить их. (Из книги «Примирение у приматов».)

Таким образом, на следующий день после самого жестокого нападения в истории колонии Арнема возник новый треугольник. Дэнди, Никки и Йерун стали разыгрывать все те ходы,

которые мы наблюдали в предыдущие годы в исходном властном трио. Примерно в то же самое время Тошисада Нишида опубликовал статью с описанием треугольника шимпанзе в Махали-Маунтинс, в котором старый самец хитро сраивал двух более молодых и сильных самцов друг с другом. Постоянно занимая в их спорах, особенно в периоды сексуального соперничества, то одну, то другую сторону, старый самец поставил двух других в зависимость от себя и при этом постоянно повышал свой успех спаривания. Это описание изрядно напомнило мне поведение Йеруна. Нишида говорил о «непостоянстве лояльности» и указывал на то, что это может быть обычная стратегия для самцов, следующих по рангу сразу после альфа-самца.

В 1983 г. в Арнем приехал известный во всей стране кинорежиссер Берт Ханстра, чтобы снимать шимпанзе. Прочитав мою книгу, он ожидал зрелищных политических махинаций, но, к сожалению, это было время относительной стабильности, когда Никки крепко держал власть в своих руках. Ханстра, не смущенный этим обстоятельством, решил снимать все лето, день за днем. Его терпеливость принесла плоды. В великолепном фильме «Семья шимпанзе» обезьяны изображены в качестве полноправных личностей, а социальный интеллект шимпанзе удалось отобразить в нем так, как ни одному другому документальному фильму, выходившему раньше. Во всем мире он стал телевизионным хитом. Я уехал из Нидерландов до того, как фильм вышел, и в первый раз смотрел его со слезами на глазах, вызванных тем любящим вниманием, с которым в нем изображены все мои старые друзья.

В следующем, 1984 г. Йерун и Дэнди еще больше сблизились в коалиции против Никки. Йерун перестал поддерживать Никки и все больше сопротивлялся его попыткам держать его вдали от Дэнди. Никки, должно быть, был взвинчен, как никогда прежде, поскольку однажды утром, услышав за собой вопящих и ухажующих обезьян, он выбежал из помещения и на полной скорости устремился ко рву, окружающему остров. Почти в точности год назад Никки удалось перебраться через ров благодаря тонкому слою льда. Наверное, он думал, что сможет повторить свой подвиг. Но на этот раз льда не было, и Никки там просто утонул. В газетах это называли «самоубийством», но скорее всего это была паническая атака с фатальным исходом.

Со смертью Никки близость между Йеруном и Дэнди исчезла. Соперничество, что было несложно предсказать, тут же вернулось. Дэнди стал новым альфа-самцом, однако призрак Никки продолжал тревожить обезьян, что продемонстрировала удивительная реакция колонии на показ фильма «Семья шимпанзе». Однажды вечером в 1985 г. зимний зал превратили в кинотеатр. Все огни погасили, а кино проецировали на светлую стену. Обезьяны смотрели в полном молчании, у некоторых шерсть стояла дыбом. Когда в кино на одну самку набросились самцы-подростки, послышался возмущенный лай, однако было непонятно, действительно ли обезьяны узнали актеров. Но неясность развеялась, как только появился Никки. Дэнди обнажил зубы в широкой нервной ухмылке и с криками бросился к Йеруну: он обнял его и буквально уселся у него на коленях. Йерун тоже неуверенно ухмылялся. Не было сомнений, что обе обезьяны узнали бывшего вожака. Как объяснил мой преемник Отто Аданг, «воскрешение» Никки временно восстановило старый союз!

В последовавшие годы от естественных причин умерло несколько ключевых фигур. Это были Йерун, Кром и Спин. Другие переехали в далекие зоопарки, в том числе несколько молодых самцов, родившихся в первые годы колонии, а также Хенни и Пейст с потомством. Поскольку колония Арнема стала самой успешной в мире группой разведения шимпанзе (семьдесят пять рожденных детенышей – и это число будет расти), смерти и отъезды никогда не угрожали колонии, в которой и сейчас остается более тридцати особей.

Помимо четырех взрослых самцов, фигурировавших в моем рассказе, к числу альфа-самцов Арнема относились Тарзан, Фонс и Джинг, младший брат Джонаса. В целом, однако, самки доказали, что выживают лучше самцов. После смерти Дэнди в 1994 г. от сердечного приступа не

осталось самцов, которые жили в колонии в самом начале истории. В то же время, когда в 1996 г. зоопарк праздновал двадцатипятилетие колонии, Мама, Горилла, Амбер, Джимми, Тепел и Зварт все еще были с нами и могли присутствовать на торжестве. А на подходе уже новое поколение – например, потомство Розье и Моник.

Я регулярно возвращаюсь в Нидерланды, чтобы повидаться с родственниками и друзьями, в том числе со старыми приятелями-обезьянами. Я навещаю их примерно раз в год, и старшее поколение все еще узнает меня. Мама всегда приволакивает свои старые артритные кости ко рву, чтобы поприветствовать меня глухим ворчанием, а Горилла, судя по всему, больше всех рада мне. Еще с тех пор, как я научил ее кормить Розье из бутылочки, между нами образовалась особая связь. И каждый раз, когда я вижу шимпанзе, я все еще чувствую благодарность за то, что оказался в правильном месте в правильное время и смог наблюдать за той разворачивающейся драмой, что позволила мне поставить под вопрос догматические представления о происхождении политики.

Библиография

Alexander R. The Search for a General Theory of Behavior // *Behavl. Sci.* 1975. No. 20. P. 77–100.

Asquith P. The Inevitability and Utility of Anthropomorphism in Description of Primate Behaviour // *The Meaning of Primate Signals* / R. Harre, V. Reynolds (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.

Baker K.C., Smuts B.B. Social Relationships of Female Chimpanzees: Diversity between Captive Social Groups // *Chimpanzee Cultures* / R.W. Wrangham et al. (eds). Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1994. P. 227–242.

van den Berghe P. Incest and Exogamy: A Sociobiological Reconsideration // *Ethol. Sociobiol.* 1980. No. 1. P. 151–162.

Bernstein I. Spontaneous Reorganization of a Pigtail Monkey Group // *Proceedings and Congress IPS.* Atlanta 1968. Vol. 1. P. 48–51. Basel: Karger, 1969.

Bernstein I. Dominance, Aggression and Reproduction in Primate Societies // *Theor. Biol.* 1976. Vol. 60. No. 45. P. 9–72.

Bernstein I., Sharpe L. Social Roles in a Rhesus Monkey Group // *Behaviour.* 1966. No. 26. P. 91–103.

Bindra D. A Theory of Intelligent Behavior. N.Y.: Wiley, 1976. P. 313319.

Boehm C. Pacifying Interventions at Arnhem Zoo and Gombe // *Chimpanzee Cultures* / R.W. Wrangham et al. (eds). Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1994. P. 211–226.

Boesch C. The Effects of Leopard Predation on Grouping Patterns in Forest Chimpanzees // *Behaviour.* 1991. No. 117. P. 220–242.

Bond J., Vinacke W. Coalitions in Mixed-sex Triads // *Sociometry.* 1961. No. 24. P. 61–75.

Buss D.M., Larson R.J., Westen D., Semmelroth J. Sex Differences in Jealousy: Evolution, Physiology, and Psychology // *Psych. Sci.* 1992. No. 3. P. 251–255.

Bygott D. Agonistic Behaviour in Wild Chimpanzees. Ph.D. Thesis, Cambridge U.K., 1974 (unpublished).

Cheney D.L., Seyfarth R.M. How Monkeys See the World: Inside the Mind of Another Species. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990.

Dasser V. A Social Concept in Java Monkeys // *Anim. Behav.* 1988. No. 3. P. 225–230.

Dearden J. Sex-Linked Differences of Political Behavior: An Investigation of Their Possibly Innate Origins // *Soc. Sci. Inform.* 1974. No. 13. P. 19–25.

Dennett D. Intentional Systems in Cognitive Ethology: The “Panglossian Paradigm” Defended // *Behav. Brain Sci.* 1983. No. 6. P. 343–390.

Dohl J. Über die Fähigkeit einer Schimpansin, Umwege mit selbst- an- digen Zwischenzielen zu überblicken // *Z. Tierpsychol.* 1968. Nr. 25. P. 89103.

Dohl J. Zielorientiertes Verhalten beim Schimpansen // *Naturwissenschaft and Medizin.* 1970. Nr. 34. P. 43–57.

Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego (1921). L.: Hogarth, 1967.

Gallup G. Chimpanzees: Self-recognition // *Science.* 1970. Vol. 167. P. 86–87.

Gamson W. A Theory of Coalition Formation // *Amer. Soc. Rev.* 1961. No. 26. P. 373–382.

Gardner R., Gardner B. Teaching Sign-Language to a Chimpanzee // *Science.* 1969. Vol. 165. P. 664–672.

Gardner R., Gardner B. Comparative Psychology and Language Acquisition. Paper Given at the XVth International Ethological Conference in Bielefeld. W. Germany, 1977 (unpublished).

Ginsburg H., Miller S. Altruism in Children: A Naturalistic Study of Reciprocation and an

Examination of the Relationship between Social Dominance and Aid-Giving Behavior // Ethol. Sociobiol. 1981. No. 2. P. 75–83.

Goodall J. Life and Death at Gombe // Nat. Geogr. 1979. Vol. 155. P. 592–621.

Goodall J. The Chimpanzees of Gombe. Cambridge, Mass.: Belknap, 1986. [Рус. изд.: Гудолл Дж. Шимпанзе в природе. Поведение. М.: Мир, 1992.]

Goodall J. Unusual Violence in the Overthrow of an Alpha Male Chimpanzee at Gombe // Topics in Primatology. Vol. 1. Human Origins / T. Nishida et al. (eds). Tokyo: Univ. of Tokyo Press, 1992. P. 131–142.

Griffin D. The Question of Animal Awareness. N.Y.: Rockefeller Univ. Press, 1976.

de Groot A. Thought and Choice in Chess. The Hague: Mouton, 1965.

Hall K., DeVore I. Baboon Social Behavior // Primate Behavior / I. DeVore (ed.). N.Y.: Holt, 1965.

Halperin S. Temporary Association Patterns in Free Ranging Chimpanzees; An Assessment of Individual Grouping Preferences // The Great Apes / D. Hamburg, E. McCown (eds). Menlo Park, Calif.: Benjamin Cummings, 1979.

Hausfater G. Dominance and Reproduction in Baboons (*Papio Cynocephalus*); A Quantitative Analysis // Contributions to Primatology. Vol. 7. Basel: Karger, 1975.

Hobbes T. Leviathan. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. *van Hooff J.* The Arnhem Zoo Chimpanzee Consortium: An Attempt to Create an Ecologically and Socially Acceptable Habitat // Int. Zoo Yearbook. 1973. Vol. 3. P. 195–205.

van Hooff J. A Structural Analysis of the Social Behaviour of a Semicaptive Group of Chimpanzees // Social Communication and Movement / M. von Cranach, I. Vine (eds). L.: Academic Press, 1974.

Hrdy S.B. Infanticide among Animals: A Review, Classification, and Examination of the Implications for the Reproductive Strategies of Females // Ethol. Sociobiol. 1979. Vol. 1. P. 13–40.

Humphrey N.K. The Social Function of Intellect // Growing Points in Ethology / P. Bateson, R.A. Hinde (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976. P. 303–321.

Isaac G. The Food-Sharing Behavior of Protohuman Hominids // Scientific American. 1978. Vol. 238. P. 90–108.

Jolly A. Lemur Social Behavior and Primate Intelligence // Science. 1966. Vol. 153. P. 501–506.

Kano T. The Last Ape. Stanford: Stanford Univ. Press, 1992.

Kaufmann J. A Three Year Study of Mating Behavior in a Free-Ranging Band of Rhesus Monkeys // Ecology. 1965. Vol. 46. P. 500–512.

Kawai M. On the System of Social Ranks in a Natural Troop of Japanese Monkeys // Primates. 1958. Vol. 1. P. 111–148. English Translation: Japanese Monkeys / K. Imanishi, S. Altmann (eds). Atlanta: Emory Univ. Press, 1965.

Kohler W. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen. Berlin: Springer, 1973. [Translated As The Mentality of Apes. N.Y.: Vintage Books, 1959.] *Kolata G.* Primate Behavior: Sex and the Dominant Male // Science. 1976. Vol. 191. P. 55–56.

Kortlandt A. Chimpansees // Het Leven der Dieren. Bd. XI / B. Gr-zimek (ed.). Utrecht: Het Spectrum, 1969. P. 46.

Kropotkin P. Memoires van een Revolutionair. Baarn, Netherlands: Wereldvenster, 1978. P. 314. Translated from Memoirs of a Revolutionist.

N. Y.: Dover, 1971. [Рус. изд.; Кротокин П.А. Записки революционера. СПб.: Азбука-классика, 2011.]

Kropotkin P. Mutual Aid: A Factor of Evolution. N.Y.: New York Univ. Press, 1972. [Рус. изд.: Кротокин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Редакция журнала «Самообразование», 2007.]

Kummer H. Soziales Verhalten einer Mantelpavian Gruppe. Bern: Verlag Hans Huber, 1957.

- Kummer H.* Primate Societies. Chicago: Aldine, 1971.
- Lasswell H.* Who Gets What, When, and How. N.Y.: McGraw-Hill, 1936.
- van Lawick-Goodall J.* The Behaviour of Free-Living Chimpanzees in the Gombe Stream Reserve // Anim. Behav. 1968. Monograph 3.
- van Lawick-Goodall J.* In the Shadow of Man. L.: Collins; Boston: Houghton Mifflin, 1971. [Рус. изд.: Лавик-Гудолл Дж. В тени человека. М.: Мир, 1974.]
- van Lawick-Goodall J.* The Chimpanzee // In The Quest for Man / V. Goodall (ed.). L.: Phaidon, 1975.
- Leakey R., Lewin R.* Origins. L.: Macdonald & Jane's; N.Y.: Dutton, 1977.
- Linton R.* The Study of Man: An Introduction. N.Y.: Appleton, 1964. P. 184.
- Lorenz K.* Beitrage zur Ethologie Sozialer Corviden // Gesammelte Abhandlungen. Bd. I / K. Lorenz, P. Leyhausen (Hrsg.). Munich: Piper, 1965. S. 13–69.
- Lorenz K.* Gestaltwahrnehmung als Quelle Wissenschaftlicher Erkenntnis // Gesammelte Abhandlungen. Bd. II / K. Lorenz, P. Leyhausen (Hrsg.). Munich: Piper, 1967. S. 255–300.
- Machiavelli N.* The Prince. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.
- Machiavellian Intelligence* / R. Byrne, A. Whiten (eds). Oxford: Clarendon, 1988.
- Maslow A.* The Role of Dominance in Social and Sexual Behavior of Infra-human Primates // J. Genet. Psychol. 1936–1937. Vol. 48, 49.
- Mauss M.* The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. L.: Routledge & Kegan Paul, 1974.
- Menzel E.* Communication about the Environment in a Group of Young Chimpanzees // Folia Primatol. 1971. Vol. 15. P. 220–232.
- Menzel E.* Spontaneous Invention of Ladders in a Group of Young Chimpanzees // Folia Primatol. 1972. Vol. 17. P. 87–106.
- Mori A.* The Social Organization of the Provisioned Japanese Monkey Troops which have Extraordinarily Large Population Sizes // J. Anthrop. Soc. Nippon. 1977. Vol. 85. P. 325–45.
- Morris D.* Animal Days. L.: Jonathan Cape, 1979. P. 147.
- Mulder M.* Het Spel om Macht; over Verkleining en Vergroting van Macht-songelijkheid. Meppel, Netherlands: Boom, 1972.
- Mulder M.* Omgaan met Macht. Amsterdam: Elsevier, 1979.
- Nacci P., Tedeschi J.* Liking and Power As Factors Affecting Coalition Choices in the Triad // Soc. Behavior and Personality. 1976. Vol. 4(1). P. 27–32.
- Nadler R.* Rann vs Calabar: A Study in Gorilla Behavior // Yerkes Newsletter. 1976. Vol. 13(2). P. 11–14.
- Nadler R., Tilford B.* Agonistic Interactions of Captive Female Orangutans with Infants // Folia Primatol. 1977. Vol. 28. P. 298–305.
- Nieuwenhuijsen K., de Waal F.* Effects of Spatial Crowding on Social Behavior in a Chimpanzee Colony // Zoo Biol. 1982. Vol. 1. P. 5–28.
- Nishida T.* The Social Structure of Chimpanzees of the Mahale Mountains // The Great Apes / D. Hamburg, E. McCown (eds). Menlo Park, Calif.: Benjamin Cummings, California, 1979.
- Nishida T.* Alpha Status and Agonistic Alliance in Wild Chimpanzees // Primates. 1983. Vol. 24. P. 318–336.
- Nishida T., Hosaka K.* Coalition Strategies among Adult Male Chimpanzees of the Mahale Mountains, Tanzania // Great Ape Societies / W.C. Mc-Grew, L.F. Marchant, T. Nishida (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 114–134.
- Noe R., de Waal F., van Hooff J.* Types of Dominance in a Chimpanzee Colony // Folia Primatol. 1980. Vol. 34. P. 90–110.

- Pusey A.* Inbreeding Avoidance in Chimpanzees // *Anim. Behav.* 1980. Vol. 28. P. 543–552.
- Pusey A., Williams J., Goodall J.* The Influence of Dominance Rank on the Reproductive Success of Female Chimpanzees // *Science*. 1997. Vol. 277. P. 828–831.
- Riss D., Busse C.* Fifty-Day Observation of a Free-Ranging Adult Male Chimpanzee // *Folia Primatol.* 1977. Vol. 28. P. 283–297.
- Riss D., Goodall J.* The Recent Rise to the Alpha Rank in a Population of Free-Living Chimpanzees // *Folia primatol.* 1977. Vol. 27. P. 134–151.
- Sahlins M.* On the Sociology of Primitive Exchange // *The Relevance of Models for Social Anthropology*. A.S.A. Monograph 1 / M. Banton (ed.). L.: Tavistock, 1965.
- Sahlins M.* The Social Life of Monkeys, Apes and Primitive Man // *Primates on Primates* / D. Quiatt (ed.). Minneapolis: Burgess, 1972.
- Sahlins M.* The Use and Abuse of Biology. L.: Tavistock, 1977.
- van de Sande J.* Speltheoretische Onderzoekingen naar Gedrags-Ver-schillen Tussen Mannen en Vrouwen // *Nederl. T. Psychol.* 1973. Vol. 28. P. 327–341.
- Schjelderup-Ebbe T* Beitrage zur Sozialpsychologie des Haushuhns // *Z. Psychol.* 1922. Bd. 88. S. 225–252.
- Schubert G.* Primate Politics // *Soc. Sci. Information*. 1986. Vol. 25. P. 647–680.
- Silk J.* Feeding, Foraging, and Food-Sharing Behavior of Immature Chimpanzees // *Folia Primatol.* 1979. Vol. 31. P. 123–142.
- Stevens W.K.* Gabon Logging Pushes Chimps into Deadly Territorial War // *The New York Times*. 1997. May 13.
- Sugiyama Y.* Population Dynamics in Wild Chimpanzees at Bossou, Guinea, between 1976 and 1983 // *Primates*. 1984. Vol. 25. P. 391–400.
- Sugiyama Y., Koman J.* Social Structure and Dynamics of Wild Chimpanzees at Bossou, Guinea // *Primates*. 1979. Vol. 20. P. 323–339.
- Suzuki A.* Carnivory and Cannibalism Observed among ForestLiving Chimpanzees // *Anthrop. Soc. Nippon*. 1971. Vol. 79. P. 30–48.
- Teleki G.* The Predatory Behavior of Wild Chimpanzees. Lewisburg, Pa.: Bucknell Univ. Press, 1973.
- Thibaut J., Kelley H.* The Social Psychology of Groups. N.Y.: Wiley, 1959. P. 37.
- Trivers R.* The Evolution of Reciprocal Altruism // *Q. Rev. Biol.* 1971. Vol. 46. P. 3557.
- Trivers R.* Parent-Offspring Conflict // *Am. Zool.* 1974. Vol. 14. P. 249264.
- Tutin C.* Exceptions to Promiscuity in a Feral Chimpanzee Community // *Contemporary Primatology*, 5th Congress IPS. Nagoya 1974. Basel: Karger, 1975. P. 445–449.
- Tutin C.* Responses of Chimpanzees to Copulation: With Special Reference to Interference by Immature Individuals // *Anim. Behav.* 1979. Vol. 27. P. 845–854.
- Tuttle R.H.* Apes of the World: Their Social Behavior, Communication, Mentality, and Ecology. Park Ridge, NJ: Noyes, 1986.
- de Waal F.B.M.* The Wounded Leader: A Spontaneous Temporary Change in the Structure of Agonistic Relations among Captive Javamonkeys (*Macaca Fascicularis*) // *Netherlands' J. Zoology*. 1975. Vol. 25. P. 529–549.
- de Waal F.* The Organization of Agonistic Relations within Two Captive Groups of Java-Monkeys (*Macaca Fascicularis*) // *Z. Tierpsychol.* 1977. Vol. 44. P. 225–282.
- de Waal F.* Exploitative and Familiarity-dependent Support Strategies in a Colony of Semi-free-living Chimpanzees // *Behaviour*. 1978. Vol. 66. P. 268–312.
- de Waal F.* Schimpansin zieht Stiefkind mit der Flasche auf // *Das Tier*. 1980. Bd. 20. S. 28–31.
- de Waal F.B.M.* The Brutal Elimination of a Rival among Captive Male Chimpanzees // *Ethol. Sociobiol.* 1986. Vol. 7. P. 237–251.

- de Waal F.B.M.* Peacemaking among Primates. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1989*a*.
- de Waal F.B.M.* Food Sharing and Reciprocal Obligations among Chimpanzees // *J. Human Evol.* 1989*b*. Vol. 18. P. 433–459.
- de Waal F.B.M.* The Chimpanzee's Adaptive Potential: A Comparison of Social Life under Captive and Wild Conditions // *Chimpanzee Cultures* / R.W. Wrangham et al. (eds). Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1994. P. 243–260.
- de Waal F.B.M.* Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1996.
- de Waal F.B.M.* Bonobo: The Forgotten Ape (with photographs by F. Lan-ting). Berkeley: Univ. of California Press, 1997*a*.
- de Waal F.B.M.* The Chimpanzee's Service Economy: Food for Grooming // *Evol. Human Behav.* 1997*b*. Vol. 18. P. 1–12.
- de Waal F., Hoekstra J.* Contexts and Predictability of Aggression in Chimpanzees // *Anim. Behav.* 1980. Vol. 28. P. 929–937.
- de Waal F., Luttrell L.* Mechanisms of Social Reciprocity in Three Primate Species: Symmetrical Relationship Characteristics or Cognition? // *Ethol. Sociobiol.* 1988. Vol. 9. P. 101–118.
- de Waal F., van Roosmalen A.* Reconciliation and Consolation among Chimpanzees // *Behav. Ecol. Sociobiol.* 1979. Vol. 5. P. 55–66.
- Watanabe K.* Alliance Formation in a Free-Ranging Troop of Japanese Macaques // *Primates.* 1979. Vol. 20. P. 459–474.
- Wight M.* Power Politics. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.
- Wrangham R.* Artificial Feeding of Chimpanzees and Baboons in Their Natural Habitat // *Anim. Behav.* 1974. Vol. 22. P. 83–93.
- Wrangham R.* Behavioural Ecology of Chimpanzees in Gombe National Park, Tanzania. Ph.D. Thesis, Cambridge U.K, 1975 (unpublished).
- Wrangham R.W., Peterson D.* Demonic Males: Apes and the Origins of Human Violence. Boston: Houghton Mifflin, 1996.
- van Wulfften Palthe T.* De Beschrijving van een Machtswisseling, 1973/1974, bij de Chimpansees van Burgers' Dierenpark. Doctoral Report, 1978 (unpublished).
- van Wulfften Palthe T., van Hooff J.* A Case of Adoption of an Infant Chimpanzee by a Suckling Foster Chimpanzee // *Primates.* 1975. Vol. 16. P. 231–234.
- Zinnes D.* Coalition Theories and the Balance of Power // *The Study of Coalition Behavior* / S. Groennings, E. Kelley, M. Leiserson (eds). N.Y.: Holt, 1970.

Примечания

1

Первые рецензии политологов можно найти в: Life Sciences. 1984. No. 2. P. 204–213 и работе Глендона Шуберта [Schubert, 1986].

2

Журналисты использовали описание борьбы за власть в зоопарке Арнема в политических целях, сравнивая национальных политиков с Никки, Лёйтом и Йеруном. Эта тенденция особенно явно обнаружилась во французских СМИ после того, как издательство Editions du Rocher решило в 1987 г. поместить на обложку «Политики шимпанзе» изображение Франсуа Миттерана и Жака Ширака вместе с ухмыляющейся шимпанзе между ними. Эта неуважительная обложка больше высмеивала политиков, а не возвышала обезьян. Примерно так же смысл книги был затемнен и заглавием немецкого издания, вышедшего в 1983 г. в издательстве Harnack Verlag – *Unsere haarigen Vettern* («Наши волосатые кузены»). Эти маркетинговые решения упустили главную мысль книги, которая нацелена не на высмеивание политических лидеров или обезьян, а на выявление фундаментальных сходств между ними, а потому и на то, чтобы заставить людей задуматься о своем собственном поведении.

3

Считается, что именно Хейни Хедигер, швейцарский зоолог и этолог, является основателем *зообиологии*, дисциплины, стремящейся понять базовые потребности животных в неволе, чтобы создать условия, в которых сможет проявиться типичное для данного вида поведение. Современные зоопарки отказались от содержания максимального количества разных видов и перешли к содержанию немногих видов в более просторных вольерах. Экспозиция шимпанзе в зоопарке Арнема представляет собой одну из вех на этом длинном пути от обезьян, содержащихся в маленьких клетках или дрессируемых для «представлений», к обезьянам, живущим в натуралистических вольерах. Этот процесс проходит как раз в то время, когда обезьянам в дикой природе грозит такая опасность, что некоторые популяции сегодня живут в убежищах под защитой людей, предоставляющих им ветеринарную помощь. Таким образом, жизнь в природной среде начинает напоминать жизнь в передовых зоопарках.

4

Сходство между шимпанзе Арнема и дикими шимпанзе особенно ярко прослеживается в исследованиях Тошисады Нишиды, которые проводились в горах Махале (Танзания). Основные понятия нашего анализа (разделяющие вмешательства, поведение, направленное в сторону, и стратегии властных коалиций) оказались полезными для понимания иерархических переворотов у диких шимпанзе Махале [Nishida, Hosaka, 1996]. Впечатляющие параллели проводит также Кристофер Беем [Boehm, 1994], сравнивший миротворческие интервенции у шимпанзе Национального парка Гомбе и у шимпанзе в зоопарке Арнема.

Эти сравнения фокусировались в основном на поведении самцов. Но если брать самок,

вариативность разных сообществ шимпанзе будет выше. Видимо, самки Арнема отличаются от своих диких сородичей тем, что они одновременно более общительны и более влиятельны в политическом отношении [de Waal, 1994].

5

Гипотеза социального интеллекта разрабатывалась в 1950-1960-х годах. Гансом Куммером и Алисон Джолли. В зоопарке Цюриха (Швейцария) Куммер наблюдал за тем, как самки гамадрилов привлекают взрослого самца против самки-соперницы. Агрессорша мечется между самцом и своей противницей, демонстрируя свой зад ему и громко угрожая ей. Такое поведение получило название «gesicherte Drohung» или «защищенной угрозы» [Kummer, 1957]. Это было первое доказательство того, что приматы не просто присоединяются друг к другу в агрессивных стычках, но и, судя по всему, активно рекрутируют группу поддержки. Куммер [Kummer, 1971, p. 36] объяснил значительную сложность этого процесса так:

Переходя с большой скоростью от одного контекста к другому, отдельный примат постоянно адаптируется к столь же разнообразным действиям членов группы, его окружающих. Такое общество требует двух качеств от своих членов: высокоразвитой способности ослаблять или подавлять свои собственные мотивации в зависимости от того, что запрещает или позволяет ситуация; а также способности оценивать сложные социальные ситуации, т. е. отвечать не на отдельные социальные стимулы, а на все социальное поле.

Мысль о том, что эволюция интеллекта приматов осуществлялась под давлением социальной, а не физической среды, в наиболее полном виде была проработана Джолли [Jolly, 1966]. Ник Хамфри [Humphrey, 1976] также предположил наличие связи между социальной сложностью и интеллектом приматов, противопоставив решения социальных и технических проблем даже в большей степени, чем Джолли.

Когда я начал в 1975 г. свои исследования в Арнеме, я был хорошо знаком с идеями Куммера и уже тогда был большим ценителем его работ. Меня, как и его, волновали тактические ходы приматов, нацеленные на выпрашивание у других поддержки и ее получение. Ранее я изучал такое поведение у длиннохвостых макак под руководством Яна ван Хоффа в Университете Утрехта. Шимпанзе Арнема продемонстрировали намного большую вариативность тактик, что настолько впечатлило и озадачило меня, что вскоре я стал читать Николло Макиавелли, надеясь найти у него вдохновляющие идеи. Но даже если я могу взять на себя ответственность за то, что соединил флорентийского летописца человеческой природы с приматологией, мне никогда не нравилось выражение «макиавеллиевский интеллект», предложенное в 1988 г. Ричардом Бирном и Эндрю Уайтеном в качестве термина для всей социальной когнитивной деятельности в целом.

Термин «макиавеллиевский» предполагает – и не важно, есть для этого причины или нет, – циничное использование в стиле «цель оправдывает средства». Но социальная когнитивная деятельность охватывает много других задач. Мать, решающая конфликт, возникший вследствие отлучения ребенка от груди, тем, что хитростями отвлекает своего отпрыска, или взрослый самец, ожидающий подходящего момента, чтобы помириться со своим соперником, в равной мере используют свой опыт с умом, но они не поступают «по Макиавелли», если понимать это выражение в его обычном смысле. Чувствительность по отношению к другим, решение конфликтов, взаимные обмены – все это требует значительного интеллекта, но при этом остается за рамками рассмотрения, если наша терминология однобоко выпячивает состязательные моменты.

Эффективность самцов с большим рангом в контролировании агрессии стала ясной через пару лет, когда мы попытались держать самцов и самок отдельно в двух больших зимних залах. Мы полагали, что это приведет к снижению напряженности в колонии, поскольку у самцов не будет самок, за которых можно конкурировать, а самки и их потомство будут избавлены от частых демонстраций среди самцов. Через несколько недель самцы в своем зале чувствовали себя отлично, однако среди самок мы стали замечать все больше драк. Однажды разразился такой конфликт, приведший к серьезным укусам, что нам пришлось послать самцов, когда самки не стали отвечать на наши крики. Самцы, следившие за стычками на слух, бросились в зал самок и раскидали дерущихся в стороны. Тот же маневр нам пришлось повторить и через несколько дней – с тем же результатом. Я никогда не видел, чтобы самки шимпанзе так относились друг к другу. В целях предотвращения новых травм мы решили содержать колонию вместе.

Первое наблюдавшееся спаривание с Пейст произошло 18 января 1981 г. Это драматическое изменение в ходе событий было вызвано Никки. Несколько месяцев до этого первого спаривания он много раз делал Пейст сексуальные предложения, она отказывалась, он начинал проводить сложную устрашающую демонстрацию, которая достигала кульминации, когда Пейст приходила в крайнее возбуждение и бежала за Никки. В этот период Йерун был сторонником Пейст, но на самом деле атаки на Никки регулярно совершала сама эта большая самка. Она несколько раз травмировала его, показывая, что ее сопротивление было серьезным и жестким. Но Никки не отступал, что сначала привело к тому, что Пейст стала демонстрировать ему себя, хотя и в быстром темпе. Она демонстрировала ему свой зад, Никки взбирался на нее, однако она отпрыгивала до того, как могла произойти интромиссия. Со временем – и под постоянно сохраняющимся давлением – длительность демонстраций Пейст увеличивалась, пока не произошло совокупление. Примерно через год Пейст родила здоровую девочку – Понгу. Она стала прекрасной матерью.

Kijk uit (*нидерл.*) – Берегись! – *Примеч. пер.*

Наиболее подробные описания и обсуждения войн между сообществами шимпанзе можно найти в работах Джейн Гудолл [Goodall, 1986], а также Ричарда Рангама и Дэйла Питерсона [Wrangham, Peterson, 1996]. Территориальные особенности шимпанзе порой приходится учитывать специалистам по охране природы, что доказывается недавним репортажем в газете о смерти тысяч шимпанзе в Габоне. По всей видимости, шум и грузопоток, связанный с механизированной вырубкой леса, прогнали шимпанзе с их лесных территорий, составлявших непрерывный фронт шириной от трех до шести миль. Мнение биолога Ли Уайта цитируется у Уильяма Стивенса [Stevens, 1997] – он предполагает, основываясь на косвенных данных, что это могло запустить массовую агрессию, когда обезьяны бежали на территорию ближайшего сообщества: «Когда такое случается, вы, по существу, разжигаете войну шимпанзе. Самцы из сообщества, подвергнувшегося вторжению, атакуют нарушителей, и многие погибают. Затем

снова приходят лесорубы. Данное сообщество, в которое вторглись, само смещается на территорию следующего сообщества. Начинается новая война, и этот процесс будет продолжаться и продолжаться, пока лесорубы не перестанут наступать».

Подробное описание социальной жизни бонобо см. в работе Такаёси Кано [Kano, 1992] и в моей книге «Бонобо – забытая обезьяна» [de Waal, 1997й]. Бонобо далеко не так воинственны, как шимпанзе, – и в неволе, и в дикой природе. Они даже проводят мирные (и сексуальные) межгрупповые сходки.

10

Неписанный закон, позволяющий сеньору переспать с новобрачной своего крепостного и провести с ней первую ночь. Иногда это право использовалось лишь символически; сеньор в таком случае ставил ногу в постель невесты или ложился к ней в кровать и перекатывался через нее.

11

Самым первым свидетельством детоубийства среди шимпанзе стало проведенное Акирой Сузуки [Suzuki, 1971] наблюдение над большим взрослым самцом в Будонго-Форест, который держал частично съеденного мертвого детеныша своего вида. Самцы передавали тушку друг другу. Затем появилось гораздо больше свидетельств детоубийства у диких шимпанзе (обзор см. в работе Рассела Татла: [Tuttle, 1986, p. 122–124]), в том числе заснятый инцидент в Махали-Маунтинс. Это поведение известно и по множеству других видов – львов, луговых собачек, мышей или лангуров. Предполагается, что самцы, убивающие молодняк, снижают время, которое им нужно прождать, чтобы оплодотворить самку: они устраняют потомство соперников, так что самка снова вступает в цикл. Если гены самцов-детоубийц распространяются быстрее генов самцов, не убивающих детенышей, эта черта будет закрепляться естественным отбором (см.: [Hrdy, 1979]). По этой теории, самцы должны атаковать тех детенышей, которым они не приходится отцами: жертвами обычно и в самом деле становятся отпрыски посторонних самок.

Хотел ли Никки убить Розье? Поскольку за ней некоторое время ухаживали люди, могло показаться, что она для колонии является посторонней. И хотя Кром, видимо, поняла, что это не так, Никки мог и не провести никакой связи между отобранным и возвращенным детенышем. В таком случае его реакция могла быть вполне естественной реакцией самца шимпанзе на новорожденного, который вряд ли является его, а потому нам повезло, что Йерун и Лейт были рядом и могли его остановить.

12

Выпрашивание одобрения перед тем или иным действием – весьма интересный момент, связанный с возможным моральным порядком у шимпанзе (он обсуждается в моей книге «Благонравные» («Good Natured») [de Waal, 1996]). В конце фильма Берта Хаанстра «Семья шимпанзе» есть сцена, когда молодой Ваутер приготовился уже взобраться на дерево, но сперва протягивает руку к Дэнди, словно бы прося взрослого самца позволить ему сделать это. Джейн Гудолл описывает сходную жестикуляцию у Мелиссы: «Иногда в первые дни, когда кормовая площадка только создавалась, мы прятали бананы на деревьях, чтобы молодые шимпанзе могли найти их, тогда как другие кормились из ящиков. Одна из самок неизменно по несколько раз протягивала руку самцу с высоким рангом в группе, прежде чем достать спрятанные бананы,

13

С тройственной осведомленностью связано еще одно понятие – «неэгоцентрическое социальное знание», введенное Дороти Чейни и Робертом Сайфартом [Cheney, Seyfarth, 1990, p. 72–86] и обозначающее тот факт, что обезьяны узнают о тех сторонах социальных отношений, в которые они сами непосредственно не вовлечены, например, об иерархии других особей или материнских линиях, к которым принадлежат другие члены группы. Этим термином подчеркивается способность А наблюдать взаимодействия между В и С, оценивая отношение В-С, тогда как «тройственная осведомленность» указывает на то, что А нужно понимать В-С, поскольку это важно для отношений А-В и А-С. Экспериментальные подтверждения тройственной осведомленности были предоставлены Вереной Дессер [Dasser, 1988], которая предлагала обезьянам задачу разобрать слайды с другими обезьянами на основе того, что они знают о социальных отношениях между изображенными особями.

14

Отношения между самками являются, вероятно, наиболее изменчивой составляющей социальной организации шимпанзе. Эти отношения варьируют от довольно близких во всех известных мне колониях, где обезьяны содержатся в неволе, до достаточно свободных в диких популяциях Гомбе и Махали в Танзании (см.: [Goodall, 1986]). Однако вариативность наблюдается и в дикой природе. Видимо, крепкие связи самок существуют в небольшой популяции шимпанзе, «зажатой» наступлением на лес сельского хозяйства и живущей на территории примерно квадратных километров на вершине горы в Боссоу (Гвинея). Юкимару Сугияма [Sugiyama, 1984] часто наблюдал, как почти все особи двигались по лесу одной группой, и он отмечал достаточно высокую частоту взаимного груминга самок. Точно так же самки шимпанзе, видимо, более общительны в Таи-Форест (Берег Слоновой Кости), чем в других местах: они часто взаимодействуют между собой, формируют особые дружеские связи, делятся едой и поддерживают друг друга. Кристов Бош [Boesch, 1991] связывает это с кооперативной защитой от леопардов. Здесь полезно применить понятие *адаптационных потенциалов* [de Waal, 1994]: у самок шимпанзе есть определенный потенциал к формированию связей в своей среде, однако почти всегда в естественных условиях обитания он не раскрывается из-за экологического давления, заставляющего их рассредоточиваться.

15

Формирование групп в условиях неволи и исследования в дикой природе, проведенные с тех пор, позволили прояснить амбиции самок шимпанзе. В зоопарке Детройта между недавно помещенными самками возникло серьезное напряжение, так что Кэйт Бэйкер и Барбара Смутс [Baker, Smuts, 1994, p. 240] пришли к такому выводу: «Когда самки впервые строят отношения друг с другом, они обычно используют несколько сложных стратегий конкуренции, напоминающих стратегии, которые были выявлены у самцов, пытающихся повысить свой статус. Эти результаты... ставят под вопрос прежние характеристики самок, утверждавшие, что они по своей природе менее склонны к конкуренции, чем самцы».

Подробные записи, которые велись на протяжении трех последних десятилетий при изучении шимпанзе Гомбе, показывают, что доминирование, измеряемое адресацией учащенного хрюканья, которым обмениваются самки, оказывает весьма сильное воздействие на

воспроизводство. Потомство самок с более высоким рангом имеет более высокие шансы на выживание и созревает быстрее, чем потомство самок с низким рангом. А это означает, что доминирование много значит для диких самок шимпанзе: вероятно, высокий ранг обеспечивает их индивидуальными территориями с наиболее высококачественной пищей [Pusey et al., 1997].

В неволе еды достаточно для всех членов колонии. Мой опыт по внедрению новых членов в группу показывает, что самки шимпанзе быстро определяют доминирование, обычно не вступая в драку. Но даже если ситуация в зоопарке Детройта была исключительной, поскольку две самки спорили за высшее место в колонии, последовавшие маневры, нацеленные на достижение этой позиции, доказывают наличие у самок значимого потенциала, который нельзя было даже заподозрить при наблюдении за хорошо выстроенной и стабильной иерархией вроде той, что существовала в Арнеме, когда я проводил там свои исследования.

16

После выхода «Политики шимпанзе» я посвятил значительную часть своих исследований взаимным обменам у шимпанзе и других приматов, включая такие явления, как союзы, дележ пищи, а также обмен разными «валютами», например, обмен секса на еду у бонобо или еды на груминг у шимпанзе. Возможно, наиболее убедительное доказательство взаимности связано с колонией шимпанзе в Центре приматов Йеркса, где мы задокументировали утренний груминг за несколько часов до проведения опыта с пищей. В вольер бросали две большие связки веток и листьев, и дележка могла начаться, как только претензии на эти связки были выражены несколькими взрослыми обезьянами (и мы удостоверились в том, что это не всегда были одни и те же обезьяны). Наши данные доказали, что у шимпанзе А больше шансов получить еду от В после того, как А обыскала В. Груминг, проведенный А, никак не влиял на дележ, осуществляемый самим А, как и на дележ В с другими обезьянами. Специфика такого обмена, возможность которого пока не была доказана ни для какого иного животного, означает, что шимпанзе ведут учет полученным услугам, а потом отвечают услугой за услугу. См.: [de Waal, 1989b, 1997b; de Waal, Luttrell, 1988].

17

Инцидент с Лёйтом подробно описан в моей книге: [de Waal, 1986]. Джейн Гудолл [Goodall, 1992] рассказывала о массовой атаке на одного самца, Гоблина, в Национальном парке Гомбе, которая также привела к серьезным повреждениям мошонки. Эти травмы почти наверняка стоили бы Гоблину жизни, если бы ему не успел помочь ветеринар. Еще одно сходство с инцидентом в Арнеме заключается в том, что атака на Гоблина произошла в рамках одного сообщества, тогда как смертельные случаи по причине насилия у диких шимпанзе обычно связаны с действиями самцов из разных сообществ.